

Из коллекции Льва Раскина

Юрий Аракчеев

Луна над пустыней

Часть 1. Ферула и эремурус.

Письма, телеграммы...

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что в середине апреля мы выезжаем на Сырдарью. Работать будем в среднем течении, в районе Ширик-Куль. Места малонаселенные. Я занимаюсь опылителями тугайных растений...

Георгий Федорович Колюх,
начальник экспедиции Ташкентского музея природы.

В Средней Азии я еще никогда не бывал.

Мавзолеи и минареты... Самарканд, Бухара, Хива... Паранджи, пиалы, бесконечный чай в жару, верблюды... Река Сырдарья... Таинственный Ширик-Куль. Что это? «Куль» — значит «озеро», это я помнил по какой-то книжке. «Загадочное озеро Сары-Куль» — вот как она называлась! Может быть, в письме ошибка и мы поедем именно на Сары-Куль? Я самым тщательным образом изучал карты. Сары-Куль есть, верно. Только совсем не в районе реки Сырдарьи. А вот Ширик-Куля я не нашел нигде. Странно.

Опылители тугайных растений... Пчелы, наверное, бабочки. Тугаи — это какие-то типично азиатские заросли, кишачие кабанами и, кажется, тиграми...

Нечего, конечно, и говорить, что я мигом, не теряя ни минуты, написал ответ. Что обязательно постараюсь принять участие и буду ждать телеграммы.

Одно беспокоило: вдруг не придет телеграмма? Вдруг он забудет ее послать? Или на телеграфе что-нибудь случится?

Но телеграмма пришла. В ней было сказано, что экспедиция откладывается дней на десять-пятнадцать и будет опять телеграмма.

Я получил ее через две недели: «Экспедиция отъезжает 6 мая, вам нужно быть 5-го».

И лихорадочно принялся собираться.

Как журналисту мне приходилось ездить по разным местам, бывал я и в путешествиях. Но только не в пустыне. А тугаи, как выяснилось окончательно, — это заросли по берегам рек, текущих через пустыни...

Первым делом я купил себе дефицитные туристические ботинки. Правда, в книгах о путешествиях по Средней Азии было написано, что самое лучшее — кирзовые сапоги. Потому что змеи, запросто прокусывающие материю брюк, не могут прокусить сапожную кожу...

Однако знакомый специалист-энтомолог, Дмитрий Викторович Панфилов, который, кстати, и дал мне адрес Георгия Федоровича, сказал, что ботинки сойдут.

— Только не вздумайте ходить по ночам — змеи в основном охотятся ночью...

— А какие змеи в тех местах водятся, Дмитрий Викторович? — спросил я, как бы между прочим.

— Кобра иногда встречается. Эфа. Щитомордник. Это — из ядовитых.

Из соответствующей литературы я уже знал, что укусы всех трех, а особенно первых двух, смертельны.

— Может, все-таки лучше сапоги? — спросил я Дмитрия Викторовича.

— Лучше. Но жарко в них. Вот если бы вы достали брезентовые... Брезентовых сапог я не достал.

Я узнал также, что в тех местах водятся каракурты, скорпионы, тарантулы, фаланги. Укус каракурта смертелен, остальных — очень болезнен. У фаланги, правда, нет ядовитых желез, но заразить ранку она может гниющими остатками пищи, которые подолгу сохраняются на ее челюстях. В этом случае трупный яд, проникая в кровь укушенного, может привести к самым печальным последствиям.

Долго думая об этом последнем, я пришел к мысли, что все равно от всего не убережешься. Чему быть, того не миновать. Так что, как говорится, была не была...

Хуже всего настраивали специальные книги и руководства. Описания симптомов после укусов ядовитых змей, пауков, насекомых были весьма выразительны. Однако читать все это было необходимо — для подготовки.

Я старался сохранять самообладание и оптимизм. Дело в том, что...

Когда было мне лет двенадцать, прочитал я однажды любопытную книгу. В ней рассказывалось, как мальчик и девочка забрались в лабораторию знакомого профессора и попробовали на вкус загадочный белый порошок. Потом сели на подоконник, болтая ногами, и тут... все вокруг них начало неудержимо расти...

Оказалось, что порошок был волшебным: съев его, мальчик и девочка начали уменьшаться и уменьшались до тех пор, пока не стали очень маленькими — такими крошечными, что запросто уместились на спине стрекозы, которая как раз опустилась около них на подоконник. Стрекоза унесла ребят в дремучие заросли на берегу ручья. И началось путешествие двух человечков в зеленой стране, населенной удивительными существами — муравьями, осами, бабочками, жуками. Книга называлась «Приключения Карика и Вали». Написал ее Ян Ларри.

Книга эта ошеломила меня и, наверное, как-то даже перестроила мой внутренний мир. А вернее наоборот: не перестроила, а вернула меня к тому, что я сам думал и чувствовал, но под влиянием каких-то внешних причин подвергал сомнению и забывал. Ведь еще в самом раннем детстве я очень любил странствовать весьма оригинальным способом. Лежал где-нибудь, например, на лесной поляне, смотрел в траву перед собой, и... Воображение следовало за каким-нибудь муравьем по хаосу толстенных травяных стволов, похожих на тропический бамбук, мимо раскидистых кустов земляники с трехлопастными, как у пальм, гигантскими листьями. И над головой висели, источая аромат, огромные спелые ягоды... Далее я мысленно попадал в полумрак муравейника — в этот многоэтажный дом

с анфиладами комнат, галереями, пристройками, залами и подземельями... Иногда мне удавалось пожить в зеленых дебрях какого-нибудь куста или в душистом цветке, полетать на спине стрекозы или бабочки над бескрайним океаном трав или сесть на бронированную спину жужелицы и с головокружительной скоростью мчаться по лесной тропинке, усыпанной иголками-бревнами.

Потому, наверное, и подействовала на меня так сильно книга Ларри, что я понял: не один я увлекаюсь мысленными странствиями, не один я думаю и чувствую так, а значит...

Была и еще одна подобная книга. «Жизнь насекомых» французского естествоиспытателя Жана Анри Фабра. В школьные годы я перечитывал ее множество раз. Недавно перечитал снова. Нет, все-таки удивительно, как захватывает описание жизни пчел, ос, бембексов, сколий, жуков — этих многочисленных маленьких наших соседей, которыми большинство людей интересуется только в детстве, а потом безнадежно забывает об их существовании. Если, конечно, не занимается ими из чисто научных — практических — соображений.

И вот что еще странным образом волнует меня в связи с книгой Фабра. Почти все свои наблюдения, представляющие огромную ценность для науки, давшие материал для написания не только «Жизни насекомых», но и нескольких других удивительных книг, сельский учитель Жан Анри Фабр сделал на небольшом пустыре, заросшем сорняками. Никуда почти и не ездил. Ни во что не вмешивался. Только смотрел. И увидел столько...

Название этого каменистого клочка земли — Гармас. Площадь — меньше гектара. По мнению современных маститых ученых, именно здесь было положено начало новой науке — энтомологической этологии, то есть науке о поведении насекомых. Теперь сюда приезжают туристы со всего света. А ведь этот клочок земли ничем не отличается от любого другого, разве только тем, что он невозделанный. Что природа здесь предоставлена самой себе. И жил здесь не активно преобразующий, а умеющий наблюдать человек.

Было время, когда я, становясь взрослым, стал все это забывать... Однако, занявшись обычной любительской фотографией — людей и пейзажей, — узнал однажды, что есть, оказывается, зеркальные фотоаппараты, где наводить на резкость можно по матовому стеклу, и еще есть насадочные кольца, которые позволяют фотографировать с близкого расстояния — крупным планом. А если снимать на цветной обратной пленке и полученные диапозитивы, или слайды, проектировать потом на экран, то можно...

И я купил зеркальный фотоаппарат «Зенит». И насадочные кольца. И цветную обратимую пленку.

Зарядив фотоаппарат, навинтив кольца, я вышел во двор старого московского дома. Это было 26 июня 1969 года. Я навсегда запомню столь знаменательный день.

Был вечер, и солнце стояло низко. Оно освещало бежевые, слегка полинявшие от дождей стены нашего дома, уютный зеленый дворик и широкую асфальтовую полосу, рассекающую пополам заросли деревьев, кустарников и густой сочной травы с одуванчиками. Я шагнул в траву и наклонился, глядя в видискатель.

По толстому зеленому стволу полз кто-то большой, красно-коричневый. Неуклюжий и мощный, он напоминал рыцаря в медных доспехах. Он методично полз вверх, непрерывно шевеля усами, похожими на стальные плети. Со стебля «рыцарь» перебрался на пологий бугор листа. Бугор под ним закачался... На краю странное существо остановилось. Далеко внизу и во все стороны раскинулись необъятные джунгли, безбрежный зеленый океан. Куда теперь? С минуту «рыцарь» подумал, оставаясь в неподвижности — лишь усы его шевелились без остановки вверх, вниз, вправо, влево, — наконец лениво разломил свои доспехи на спине, выпростал из-под них тонкие прозрачные крылья и... полетел.

Я передвинул объектив. Полыхнуло желтым. Гигантская солнечная шапка цветка — множество желтых лилий, а на них, небрежно сминая шелковистые нежные лепестки, сосредоточенно копошится мохнатый зверь. Шерсть длинная, темно-рыжая, на спине — плоские слюдяные крылья, а глаза миндалевидные, блестящие, внимательные. По-хозяйски охватив тонкими лапками несколько цветков сразу, зверь сует по очереди в каждую лилию короткий черный хобот. Голова его перепачкана желтым...

Я принялся исследовать окрестности, чувствуя себя как во сне.

В расплывчатом зеленом мареве по жилке листа ползло длинное изящное существо, неся на себе просторный, отливающий перламутром балахон крыльев. Оно двигалось медленно, грациозно кланяясь и вертя глазастой головой. Золотые глаза сверкали, посылая во все стороны изумрудно-бронзовые лучи... В просторной багряной чаше цветка суетился кто-то черный, пластмассовый. С высоты плюхнулся сразу на все шесть лап-шасси толстый лайнер и, поворочав в разные стороны головой, принялся вдруг умываться, как кошка чиститься...

Жук-пожарник, шмель, златоглазка, маленький черный жучок, обыкновенная муха... Всего-навсего.

Это опять было напоминание.

Потом я проявил пленку у знакомого фотографа, вставил диапозитивы в рамки, приспособил на столе проектор «Свет». Яркий, многоцветный мир Карика и Вали распахнулся передо мной на комнатной стене...

Лето прошло в постоянных волнениях.

Странствия в дворовых джунглях — на корточках и ползком, — вызывающие нездоровый интерес соседей, путешествия в дебри поляны Измайловского парка, незабываемая охота на бабочку-адмирала и чуткую репейницу в молодом лесу на московской окраине, первые выезды дальше — на станцию Черная под Москвой и на озеро Селигер...

Утерянное детство вернулось, и мир вокруг меня чудесным образом изменился. Разве я мог раньше предполагать, что, не выезжая ни в какие далекие страны, а просто выйдя во двор или в парк, можно совершить путешествие? И какое! Раньше мне как-то не приходило в голову, что отцветший одуванчик, обыкновенная «фукалка», может быть похож на серебряный шар, на остров Южного моря, поросший фантастическими белыми пальмами, на сказочную сцену, где выступают балерины. Мог ли я знать, что яички клопа на коре березы — блестящие капельки янтаря? Конечно же, от меня было скрыто, что жук-жужелица выкован из стали, а доспехи жука-пожарника — из меди. Вернее, не было скрыто, а просто я сам забыл. Теперь вспомнил. И постараюсь не забывать никогда.

Знаете ли вы, что гусеница бабочки ольховая стрелчатка, например, в зрелом возрасте носит страусовые перья, а гусеница стрелчатки кленовой — это просто-напросто ползающий лисий воротник? Известно ли вам, что голова стрекозы — это голова космонавта в шлеме с антеннами, спинка клопа-солдатика — индейская ритуальная маска, а спинка клопа-наземника тощего — африканская маска? Паутина после дождя — кружево, отделанное алмазами, а сухая паутина, пронизанная солнечными лучами, — радужное, сказочное сияние?

Наблюдая все это с близкого расстояния, я сделал удивительное открытие. Поведение ползающих, бегающих, прыгающих и летающих созданий иногда странным образом напоминает то, что я вижу в гораздо более крупном масштабе. Аналогий тьма. В конце концов я иногда стал даже путаться, с каким миром имею дело в данный момент — «микро» или «макро». Так у меня появилась галерея портретов: жук — Сева, кузнечик — Семен Петрович, бабочка — Клеизавета Степановна, гусеница — Софи Лорен, златоглазка — Уланова... Однажды я вычитал известное изречение древнегреческого философа Анаксагора: «Все — во всем». И понял, что в моих наблюдениях нет ничего удивительного.

Тогда я принялся читать книги по биологии. Что же вы думаете? Аналогии подтверждаются...

Запомнилась фраза из одной книжки: «Какую бы форму жизни мы ни изучали — от вируса до мамонтова дерева, — мы изучаем

самих себя». Может быть, все дело в этом?

Ну вот. Теперь, я думаю, вам ясно, почему никакие страхи перед встречей с ядовитейшими из паукообразных и пресмыкающихся не остановили бы меня от поездки не только в Среднюю Азию, но куда угодно.

Среднеазиатский травяной клоп

Знойный Ташкент

5 мая утром я вылетел из Москвы.

В Ташкенте цвели пионы и розы, на лицах местных жителей в аэропорту уже утвердилась этакая типично летняя гримаса: «Жарко, но ничего не поделаешь». Было градусов тридцать в тени.

В открытых окнах троллейбуса замелькали пирамидальные тополя, домики, увитые виноградом, акации и дико изуродованные остовы каких-то деревьев. Оказалось — это тутовник. Его листьями здесь кормят гусениц тутового шелкопряда, выращивая коконы на дому...

Проехали центральные районы Ташкента. Вот и нужная мне остановка — конечная. В Музее природы меня должен ждать начальник будущей экспедиции Георгий Федорович Колюх. Итак, где он, Музей природы?

Об этом я и спросил проходящего мимо мужчину с черными уси-

ками и в тюбетейке.

— Музей природы?— Мужчина долго разглядывал меня. Наконец почмокал губами и заявил:

— Так он сгорел.

— Как... сгорел?

У меня сердце упало. В воображении со страшной быстротой замелькали картины пожара. Недаром было столько писем и телеграмм, недаром экспедиция откладывалась: когда долго тянется — это плохой признак! Ох, и кошмарная, должно быть, картина была! Что же делать? Что с Георгием Федоровичем?..

— Сгорел, — повторил мужчина, с удовольствием, как мне показалось, наблюдая мою растерянность. И добавил:—Весь сгорел, начисто... — И языком поцокал: — Ц-ц-ц...

— Как же так? — спросил я, совершенно обескураженный. — Как же так? Ведь я только неделю назад телеграмму...

— Сгорел, - повторил мужчина. — Ничего не поделаешь.

— Ну, а где же он был-то? — спросил я все-таки, тревожно оглядываясь.

— А вон где был: прямо иди и налево. Стены остались. Живут там, спросишь. Рядом с базаром.

В полной растерянности я поплелся сначала прямо, а потом налево.

— Вот он, музей, — бойко ответила на мой вопрос бледнолицая женщина и махнула рукой в сторону мрачноватых серых стен без окон и дверей.

— Что он, разве сгорел? — спросил я. — Мне вот только сейчас сказали...

— Да, сгорел, весело сказала женщина. — В прошлом году еще. Не работает. Но там есть сотрудники, у них все узнаете.

В полном недоумении я заглянул в открытую дверь Г-образного одноэтажного здания, рядом с которым действительно чернел обгоревший скелет большого дома... В комнатке с огромными шкафами и коллекциями тропических бабочек на стенах мне показали рабочее место Георгия Федоровича Колюха. Так как начальника будущей экспедиции на месте не было, пришлось идти в административный отдел музея, который находился дальше по улице, напротив базара. В небольшом глухом дворике административного отдела, этаким испанском патио с окружающей его скрипучей деревянной галереей, цвели ярко-алые и желтоватые чайные розы. В воздухе плавали слои тончайшего аромата. Сгорело, как выяснилось, далеко не все.

Георгий Федорович оказался молодым — лет сорока — русоволосым мужчиной с ярко-голубыми глазами и уныло повисшими горь-

ковскими усами. Он как-то странно, без особой приветливости посмотрел на меня — что, впрочем, я отнес на счет жары — и молча повел обратно, в комнату со шкафами и бабочками, где я только что был.

Сев за стол, на свое обычное рабочее место, он пригладил волосы, потрогал усы, откашлялся слегка и неожиданно тихим голосом, запынаясь, сказал:

— Понимаете... поездка откладывается на десять дней... Я вам дал телеграмму...

— На десять дней?! Как... Но ведь я же... Когда телеграмму?

— Сегодня, — уныло сказал Георгий Федорович.

— Как сегодня? Но ведь я рано утром вылетел, последний срок...

Георгий Федорович ничего не ответил. Он вяло отвернулся от меня и посмотрел в окно.

— С машиной у нас, понимаете... Машину чинят. Еще мотор не поставили. Розмарин... Она сгорела. Он ее своими силами...

Опять. Что же тут все горит? И что значит «розмарин»? Целых десять дней! Я молчал подавленно.

Начальник экспедиции тоже молчал и смотрел на меня с печалью. Потом он встал со стула и принялся открывать окно. Открыл первую раму.

— Вон, посмотрите, — сказал он, показывая на подоконник.

На подоконнике сидел великолепный экземпляр ночной бабочки виноградный бражник. Свежий, ничуть не потертый. Мощное, прямое серебристо-белое тельце напоминало корпус реактивного самолета, розовато-серые узкие крылья, откиннутые назад, довершали сходство. Это был привет, визитная карточка Средней Азии. Сердце мое забилось... Но как же тугай? Неужели правда мы задерживаемся на десять дней? От расстройства я даже фотографировать не стал этот реактивный лайнер. Бражник с гудением взмыл с подоконника и исчез в душном пространстве музейного двора...

— Вы обедали? — спросил Георгий Федорович. — А то пойдёмте. У нас здесь, напротив...

Постепенно кое-что прояснилось. Розмарин — это, оказывается, Розамат, шофер экспедиционной машины. Музей, а с ним и машина действительно сгорели во время прошлогоднего пожара, который возник из-за халатности ночного сторожи. Сгорела вся экспозиция, полностью. К счастью, остались фонды. Сейчас строится новое здание и разрабатывается проект новой, улучшенной экспозиции. А вообще музей основан в 1876 году как комплексный музей Туркестана — искусство, история, природа Средней Азии. Впоследствии от комплексного музея отделился Музей природы. Он был и остается крупнейшим и лучшим в Средней Азии. Фонды содержат более по-

лумиллиона экземпляров одних только беспозвоночных. Коллекция тропических бабочек — одна из лучших в Союзе...

После обеда я увидел Розмарина на территории музея. Невысокого роста, черноволосый, очень подвижный и веселый человек в черном костюме — в такую-то жару! — пришел к Георгию Федоровичу просить денег на окраску машины.

— Через десять дней, раньше никак не получица! — ответил он на мой вопрос, и лицо его так и лучилось приветливостью, а среднеазиатский акцент придавал словам, помимо главного смысла, еще какой-то второй, скрытый и очень веселый смысл. Было такое впечатление, что он рад сообщить мне эту новость и новость эта, с его точки зрения, очень приятна для меня.

С деньгами в погоревшем музее было туго, и Георгий Федорович с Розаматом направились к директору, Оскару Хайдаровичу... А мне как быть? Что делать эти десять бесконечных тягостных дней? И ташкентская сухая жара полонила меня окончательно и бесповоротно.

С помощью Георгия Федоровича, командировочного удостоверения журнала, а также благодаря письму-просьбе Оскара Хайдаровича я поселился в одной из мрачных каменных келий бывшего медресе Кукельдаш. В этом типично азиатском каменном здании с арками и майоликой когда-то проходили курс духовных наук монахи. Теперь здесь Институт усовершенствования учителей. А вообще медресе Кукельдаш — архитектурный памятник XVI века, одна из достопримечательностей Ташкента.

Мы с Георгием Федоровичем поднялись по просторной лестнице к шикарному фасаду, с трудом отворили массивную арочную дверь, прошли коридор, потом небольшой зал и очутились в уютном прохладном каменном дворике, посреди которого зеленел травяной газон и даже высились кустики и маленькие деревца. Серые каменные стены двора были разделены на ячейки-ниши, в глубине каждой виднелись двери. Бывшие кельи монахов. Я тотчас представил себе долгую, однообразную монашескую жизнь, замкнутую в каменных стенах, — и это в то самое время, когда в мире столько интересного, когда где-то есть неведомые страны, а вот в тугайных зарослях в среднем течении Сырдарьи, совсем поблизости, водятся фазаны, шакалы, кабаны, тигры! Не говоря уж о многочисленных прямокрылых, чешуекрылых, жуках, скорпионах, фалангах. Правда, среди монахов были странствующие, которые много путешествовали, — вот это совсем другое дело!

В кельях было мрачно и сыро, высокие сводчатые потолки навевали мысли о бренности жизни и непреодолимое стремление вырваться поскорее на волю. Мне предложили келью на выбор, так как

в Институте усовершенствования сейчас каникулы и помещения пустуют. Какая разница? Все-таки я выбрал ту, которая была на солнечной стороне.

Пока снимал рюкзак и решал, какую из двух железных коек занять — правую или левую, — Георгий Федорович подошел к газону и принялся что-то ловить.

— Что там, Георгий Федорович? — живо спросил я, поспешно и с удовольствием выходя из кельи на свет.

— Пчелка, — сказал Георгий Федорович кислым голосом. — Антофора. Улетела... — Он уныло посмотрел на меня: — Вот здесь тоже есть насекомые. Вы можете пока заняться...

Я посмотрел на тощий газон и не увидел ничего, кроме десятка обыкновенных мух и непонятно как появившейся здесь потертой капутницы.

— А скорпионы здесь могут быть, Георгий Федорович?

— Могут. Только не в траве. Вы у себя в комнате на полу посмотрите...

Путь от медресе до Музея природы проходил по широкому бульвару, залитому ослепительным солнечным светом, слегка присыпанному микроскопически мелкой и легкой пылью, часто взлетающей вверх от малейшего ветра и придающей воздуху особенный колорит. Обычно в середине дня солнечная часть бульвара бывала пустынна, и не потому, что мало было народу, а потому, что люди старательно жались к теневой стороне, под сень деревьев, даже местные жители, уже загорелые, прокопченные солнцем, несмотря на то что настоящее лето еще только начиналось — май. На левой, теневой, стороне бульвара в медлительных сизо-голубых струях дыма от мангала с шипящими шашлыками виднелась вывеска, на которой привычными русскими буквами было написано: «Ошхона». С ударением на последнем слогe это слово означает «столовая», ибо «ош» — по-узбекски «еда», «хона» — «комната». С правой, солнечной, стороны в тесном ряду магазинов и палаток заметнее всех был нежно звучащий призыв: «Едгузлик». Это журчащее слово, как выяснилось, означает: «сувенирь».

Посреди бульвара, на самом солнцепеке, рядом с кустами цветущих и благоухающих роз, сложив ноги по-турецки, зачем-то сидел загорелый до черноты, совершенно лысый, с блестящим, словно полированным, теменем бородатый узбек...

Далее начинался базар, Октябрьский рынок — нечто среднее между обычным городским рынком, которые теперь так похожи друг на друга, будь они в Москве, Ялте, Хабаровске или Новосибирске, и канувшим в Лету разгульным среднеазиатским базаром с оставшимися кое-какими рудиментами колоритного прошлого. Такими,

например, как круглые горячие хлебы-лепешки, не в булочной, а у местных жителей, которые выпекают их каждый по-своему. Или целый торговый ряд пряностей, а главное — молотого красного перца, насыпанного медно-красными холмиками на прилавке, со стоящими позади них смуглыми круглолицыми узбеками в тюбетейках. Чем отличается одна горка от другой, трудно понять непосвященному, однако, привыкнув, начинаешь улавливать разницу в цветовых оттенках — так же, как начинаешь улавливать и самих торговцев, раньше казавшихся на одно лицо... Каждый раз я с опаской проходил по этому ряду: вдруг подует ветер посильнее, и тогда едкий красный порошок полетит в нос, в глаза... То тут, то там в интернациональной толпе покупателей мелькает живописный наряд — женщина в национальной одежде: в атласном платье, в длинных штанах, выглядывающих из-под платья и достигающих лодыжек (в такую жару!); мужчина в длинном, свободно ниспадающем одеянии, сверкающий шоколадной гладко выбритой головой; древний старик в большой белой чалме, бородатый, полный достоинства, весь какой-то нездешний, словно только что покинувший свою мечеть и заглянувший сюда ненадолго и непонятно зачем, не воспринимающий, кажется, эту суету, эту совершенно чуждую ему толпу, откровенно идущий сквозь нее куда-то. Или — сгорбленный маленький старичок, тоже бородатый и тоже в чалме, но — как раз наоборот! — очень чутко реагирующий на все, быстрый, хитро посверкивающий серыми живыми глазами, несущий то ли картонную коробку, то ли сверток, то ли старую хозяйственную сумку, деловито останавливающийся у каждого ряда, — потомок Хаджи Насредина...

И опять — незнакомые, пленяющие непривычным звучанием слова, написанные обыкновенными русскими буквами: «Сабзавот — мевалар», что означает «Овощи — фрукты», «Ковурилган балик» — «Жареная рыба», «Лагман» — национальное кушанье, похожее на лапшу, и, наконец, короткое, емкое слово «Нон» — «Хлеб».

Обычный разнообразный шум, состоящий из русских, казахских, узбекских и интернациональных слов, восклицаний, звона и стука весов и гирь, звяканья мелочи, осторожных гудков автомашины, едущей почему-то прямо сквозь рынок... Ташкент — самый многонациональный город в Союзе, более ста национальностей: коренных жителей, строителей из разных концов страны, случайно заезжих гостей...

А еще на базаре — запахи, богатейший букет. Благоухание пряностей, особенно гвоздики и перца; аромат свежей клубники и прошлогодних сладких, уже слегка сморщившихся от долгого хранения и сухости воздуха яблок; свежесть молодой зелени — укропа, петрушки, киндзы и бесконечно разнообразной по форме редиски:

круглой мелкой, круглой крупной, длинной тонкой, длинной толстой, гигантской, розовато-белой или белой совсем, лиловой или чуть желтоватой, с хвостиком и без хвостика, с ботвой и без ботвы, гладкой налитой, целой или потрескавшейся, сочной, прохладной наощупь...

И — покрывающий всё, всё подчиняющий себе сладкий, едкий вкус дыма от вездесущих мангалов с шипящими, потрескивающими от жара углей и солнца, сочащимися и капающими шашлыками...

Выпутавшись из лабиринта торговых рядов, хаоса звуков и запахов, поднявшись по ступенькам на маленькую площадь, перенаселенную автомашинами и автобусами, рычащими и сердито пускающими свою долю гари и горячего воздуха, я с риском для жизни, крутя головой в разные стороны, чтобы не попасть под колеса очередного грузовика, пересекал узкую, хитро изогнутую улицу Сагбан и оказывался на миниатюрном бульварчике с каштанами, небольшим фонтаном, свежим изумрудным ковриком мягкой травы, на которой обычно в густой благодатной тени отдыхали несколько рабочих-узбеков и во множестве бегали туркестанские горлицы — милые буроватые птички, нечто среднее между нашими голубями и воробьями. Теперь нужно было покинуть блаженную тень каштанов и решительно пересечь раскаленную узенькую каменную улочку, на которой высились пышащие жаром стены Музея природы. И вот наконец уютный дворик с мрачным, солидным каркасом сгоревшего экспозиционного корпуса, опять розы, кустами и вьющиеся, провинциальное крылечко и — типичный музейный дух нафталина, хлороформа, тления...

— Ну, как дела с машиной, Георгий Федорович? — осторожно спрашиваю я в который уж раз.

— Не знаю. Не появляется Розмарин. Краску как будто бы никак не достанет. Бог его знает... — отвечает он тихо, вздыхает и тоскливо смотрит в окно своими небесно-голубыми глазами.

Да... А там-то, а там-то, на берегах Сырдарьи, в тугайных зарослях, — разгар жизни, благоухание трав, порхание бабочек, писк, скрип, стрекот кузнечиков, треск цикад, звон сверчков, пение птиц, вой шакалов, кудахтанье настоящих диких фазанов, топот кабанов — неохватный в своем бесконечном многообразии мир всевозможных крупных и мелких созданий, знакомых, а также таких, о существовании которых я, возможно, и не подозреваю. Говорят, что особенно широко в пустыне, а тем более в тугаях представлен мир жуков-чернотелок, паукообразных, прямокрылых (кузнечиков и саранчовых), пчел, стрекоз и, конечно же, чешуекрылых (гусениц, бабочек); говорят, что вообще всякой живности там видимо-невидимо, а в Сырдарье множество рыбы...

— А махаоны водятся там, Георгий Федорович?

— Полно. Мы гусениц махаона обычно на крючок насаживали, когда рыбу ловили. Какое кощунство, да?

— О да! А еще какие бабочки?

— Подалирии летают.

— Неужели подалирии водятся? А еще какие, еще какие, Георгий Федорович? — Я подсовываю ему определитель Горностаева.

— Был здесь, в музее, заезжий коллекционер, просил его в экспедицию взять, очень ему подалирия нужна была, — продолжает Георгий Федорович, медленно раскрывая атлас.

— Взяли?

— Да нет. Пока собирались, у него командировка кончилась...

Нехорошие предчувствия мучают меня, однако я с волнением наблюдаю за пальцем Георгия Федоровича, который повис над пестрой таблицей.

— Ну, вот такие еще, наподобие этих. Тоже водятся... — И палец указывает на поликсену!

— Неужели поликсены? — тихо переспрашиваю я и чувствую, что у меня начинают дрожать руки.

— Может, и не поликсены, не знаю. Но — похожие. Может, вам коллекцию показать?

— Ну конечно!

— Прямо сейчас?

— Да-да, а как же!

Георгий Федорович с тоской смотрит на меня. Ему, конечно, хочется сделать мне приятное, но ведь это же так нелегко. Во-первых, жарко, очень жарко, а во-вторых... Ведь для того чтобы достать ящик с бабочками, нужно подвинуть стул, взобраться на него, потом еще тянуться куда-то в верхнюю часть музейного шкафа... Столько трудов!

Но самое трудное — первый шаг. Вот уже сдвинут чуть в сторону стол, а к шкафу приставлен стул. Кряхтя и отводя в сторону непослушные волосы, начальник будущей экспедиции влезает на стул, достает ящик, долго с сомнением разглядывает его — тот или нет?.. — и наконец ставит передо мною.

Дело не в том, что бабочки в ящике красивы. Главное — они пойманы там! Куда мы, вероятно, поедем. Я надеюсь... С волнением смотрю на распятые в неестественных позах бездыханные создания. И вот уже представляется мне, что они изящно взмахивают крыльями и рассуживаются вокруг, и комнату наполняет треск кузнечиков, благоухание трав...

Георгий Федорович увлекся. Он достает ящички один за другим — сначала бабочек, а потом и пчел, которыми занимается, и че-

стно признается, что его тоже огорчает задержка. Очень. Ведь главные тугайные растения могут просто-напросто отцвести...

Вечером брожу по Ташкенту. Прохладные, ставшие особенно уютными в сумерках зеленые улицы, надрывная тягучая музыка, доносящаяся издалека, пьянящий аромат роз, еще каких-то цветов, перца, шашлычного дыма, мельтешение бабочек-бражников вокруг уличных фонарей и — большая желтая луна в лиловом небе над арками медресе, точная копия странно знакомой картины, а может быть, память о прошлом, переданная по наследству через множество поколений?..

На третий день за меня вдруг вступается ботаник Музея природы, Лида Булгакова.

— Георгий Федорович, — говорит она, глядя большими веселыми глазами на начальника экспедиции, — а почему бы ему не поехать пока на Кайнар-сай? На стационар, к Александру Яковлевичу?

Георгий Федорович, стяхивая оцепенение, сначала долго и вдумчиво смотрит на Лиду, потом переводит взгляд на меня. Действительно: почему бы?

Кайнар-сай, как узнаю я с замиранием сердца, — это стационар по изучению грецкого ореха в отрогах Западного Тянь-Шаня. Он расположен на высоте тысяча двести метров над уровнем моря, в лесу; там есть и плоскогорья и горные вершины, там есть бурные реки и богатейшая, разнообразная травяная растительность. И там есть вероятность встретить и сфотографировать наконец бабочку моей мечты — аполлона. Неужели наконец?..

О, эти внезапные счастливые повороты судьбы, приносящие гораздо больше радостей, чем запланированные, обдуманнные и многократно отрепетированные в воображении события! Не успел я еще привыкнуть к Ташкенту, не успел окончательно изжариться на жаре, проклиная Розмарина, судорожно перебирая в воображении кипучую энтомологическую фауну тугаев, до оскомины разглядывая музейные ящички, пахнущие, кажется, не только хлороформом, но — кладбищем, не успел пропитаться сырым специфическим запахом кельи бывшего медресе, истоптать улицу Навои и центр Ташкента, исследовать книжные магазины («Китоблар») и испробовать узбекские кушанья, как вдруг оказался в раю. С горными вершинами и снежными пиками, бурными реками и дремучими лесами, соловьями, Синими птицами, барсуками и змеями, махаонами и жуками-скакунами, со множеством цветов, лучшие из которых называются так: ферула и эремурус.

Тянь-шаньские дебри

Утро с цветами

Представьте себе уютную зеленую долину, в глубине которой течет бурная речка с узбекским названием «Кайнар-сай», что означает в переводе «кипящая река». Я не вижу речки, потому что внизу сплошные зеленые заросли. Заросли, настоящие джунгли вокруг, они окружают три скромных белых домика стационара Института ботаники. Стационар создан, чтобы изучать грецкий орех, а потому густые джунгли, покрывающие оба склона долины, состоят в основном из кряжистых экзотических, отчасти напоминающих наши дубы деревьев грецкого ореха. Но не только. Воздух напоен густым сладким ароматом цветущего боярышника. Цветут и черемуха, и алыча, и некоторые запоздавшие яблони, и шиповник, и травы. Но аромат боярышника туркестанского перекрывает всё.

Я не только не вижу, но даже почти и не слышу бурную речку. Потому что на разные голоса поют пеночки, дрозды, зяблики, иволги, множество неизвестных мне ранее птиц — таких, например, как райская мухоловка. Голоса, как звуки инструментов в оркестре, сливаются в одну стройную мелодию, этакий фон, на котором то по очереди, то в несколько голосов сразу — дуэтом, трио или квартетом — солируют соловьи.

Я не вижу и не слышу кипящей реки, но помню, что вчера шел с Шафкатом Камаловым, старший научным сотрудником Института ботаники, поднимался от шоссе по скользкой горной дороге под мелким дождиком и видел и слышал этот бурный поток, любовался его белой пеной и даже мог проследить взглядом, как, спустившись

вниз, он делает несколько поворотов, как бы успокаиваясь и приводя себя в более или менее речной вид, а затем вливается в довольно широкую, солидную голубовато-зеленую реку Пскем.

И еще помню, что долину реки Кайнар-сай окружают настоящие высокие горы с ослепительными белыми вершинами — Западный Тянь-Шань. Однако и это последнее — лишь в памяти, потому что, проснувшись утром в одном из белых одноэтажных домиков стационара и сладко потягиваясь, я вижу в окне лишь тяжелые гроздья сирени, мешанину листьев и блики солнца. И только когда спускаюсь по деревянным ступенькам крыльца и шагаю по дорожке к роднику, чтобы умыться, в просвете меж ветвями деревьев мелькает далекий горный пик в белом чепчике. А позади, за домиком, — крутой, уходящий вверх склон, густо поросший деревьями.

А жить мне в этой ароматной долине целую неделю. И я могу делать все, что хочу. Захочу — буду просто слоняться по горам, захочу — выберу себе удобный склон и буду загорать (только осторожней, чтоб не обжечься, горное солнце коварно!). И смотреть себе на вершины Тянь-Шаня, слушать соловьев, дышать, пить горный воздух с боярышником.

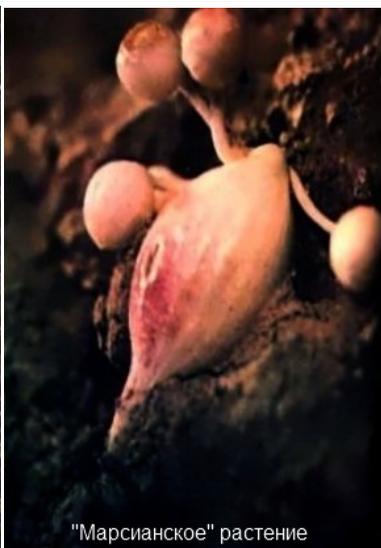
Вчера вечером, когда утих дождь, мы с Шафкатом все-таки совершили небольшую прогулку по горной дороге и видели множество ярко-желтых цветов термопсиса (в одном из цветков дремала невиданно огромная черно-синяя пчела) и естественную аллею могучих деревьев грецкого ореха, каждому из которых лет по двести («Невский проспекты — так называется эта аллея на языке стационарцев, об этом я узнаю позже от директора, Александра Яковлевича), и головокружительные обрывы оползней (один из таких оползней увлек за собой и похоронил старое здание стационара, а вместе с ним и тысячу деревьев грецкого ореха, по крайней мере...).

Еще видели мы чудеса — метровые, поставленные стоймя капустные листья (оказалось, что это доисторический бузульник), и высокие, в рост человека, желтые султаны с мягкими войлочными лоскутами под ними (корояк), и шерстистые, чуть-чуть липкие на ощупь темно-зеленые языки лекарственного девясила, и словно бы аккуратно сплетенные кем-то венки шиповника туркестанского, и со вкусом разукрашенные белыми и розовыми цветами круглые кустики оносмы...

— Посмотрите, Шафкат, что это? — сказал я, присев около крошечного, совершенно ни на что не похожего растеньица, состоящего сплошь из одних бело-розовых клубеньков; оно примостилось на обочине дороги под сенью двухсотлетнего великана. — Откуда здесь это удивительное создание? Уж не занесло ли его семена из далеких космических пространств?

"Паруса времени" - бузуйник

"Марсианское" растение

— Да, действительно, смотрите-ка, — с недоумением сказал ботаник Шафкат, присаживаясь на корточки рядом со мной и разглядывая диковину местной флоры. — Что-то неизвестное... Хм! Сколько здесь хожу — не встречал... Вы сфотографируйте, пожалуйста, на всякий случай. Вдруг...

Потом выяснилось, что это всего-навсего луковичка гусяного лука с ответвлениями-детками, просто он так причудливо разросся, что Шафкат поначалу его не узнал...

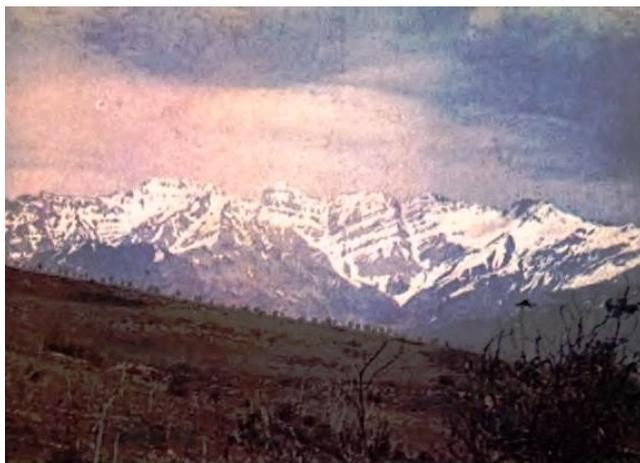
А еще по дороге ползали толстые, неповоротливые, сантиметровой пяти в длину бескрылые жуки-майки, напоминающие каких-то странных и опять же древних животных с большим туловищем и ничтожно маленькой головой. Их было много. Медленно, но неудержимо они ползли и ползли, объедая на пути дорожные травинки — целое нашествие ископаемых травоядных чудовищ...

Жук майка

Но это — вчера. А сегодня — пронзительно синее небо и решительные, зовущие к активной жизни солнечные лучи. И ничего общего с ташкентской жарой — прохлада.

Перекинем же через плечо зеленую охотничью сумку с фотоаппаратом, объективами, пленками и, наскоро позавтракав в обществе ботаника Шафката, а также хозяина Мирсаата, высокого крчкононого узбека с лысой, лоснящейся шоколадно-бронзовой головой, и еще хозяйки, полной, вечно улыбающейся, не знающей ни одного слова по-русски, встанем из-за стола и пойдем же скорее в распахнутый солнечный мир долины! Видите, солнце окончательно покинуло свое ночное лежбище за хребтом, выплыло из-за верхушки вон того дерева. Слышите, птицы уже сошли с ума, кричат кто во что горазд, спешат жизни нарадоваться, пока их вечно голодные дети не вывелись. Чувствуете, солнце стало меньше диаметром, но горячее. А боярышник, как пахнет боярышник! Спускаемся по тропинке — и внезапно словно в поток попадаем, в душистый, сладкий поток, и, кажется, даже кожей лица ощущаем густой теплый, ласковый запах. Вот одинокое сильное дерево с мощной кроной, здорово похожее на наш родной дуб, исконно русский, легендарный. Не узнать вчерашней дороге — все залито солнцем, все по-другому, цветы появились там, где их не было, птицы летают, пчелы жужжат, а вон мелькают и бабочки. Какие?.. Белые. Но нет, кажется, не аполлоны. Нет, не аполлоны. Белянки... И все равно вокруг рай. Дорога вынырнула из зарослей, и долина распахнулась во всем своем великолепии.

Впереди в сиреновом мареве застыли остроконечные белые вершины. Хотя и знаешь, что они далеко, однако именно потому, что видишь их целиком, от подошвы до пиков, кажется, что они — вот

они, рукой подать, а взобраться ничего и не стоит... Но опускаешь глаза пониже — и понимаешь, что от их подошвы до того места, где мы с тобой, читатель, стоим, — целая страна лежит. Во-первых, широкая долина Пскема и сам Пскем — голубовато-зеленая полосочка, этаким намеком — и тоже в сиреновой дымке. На этой стороне Пскема — крыши домиков, утопающих в зелени, — селение Сиджак. Много ближе — серая нитка шоссе и мост через наш родной Кайнар-сай. Вон он какой — широкий сравнительно, хотя здесь, где мы стоим (он от нас слева), его в зарослях и не видно. Совсем близко, рядом с дорогой, — деревянные домики пасеки, а справа... Справа — крутой склон, где поросший орехом и другими деревьями, где с оползнями, а наверху, на бровке, — желтая пена ферулы! И там же, конечно, лиловый спутник ее — мужественный эремурус...

Эремурус и ферула

О ферула! О эремурус! Лида Булгакова в Музее природы так пылко говорила о них, что я полюбил их заочно.

«Вы крупным планом снимаете? Очень интересно! А я тоже вот, в микроскоп... Посмотрите, какое чудо. Это ферула...»

Я посмотрел. И увидел желтовато-зеленоватую кубышку с зачатками лепестков. Ничего особенного.

«Да, красиво, — сказал я. — Очень. Это что такое?»

«Это ферула! — ответила Лида сияя. — Я как раз ее изучаю сейчас. Правда она чудесная?»

«Чудесная. А... на самом деле как она выглядит? Целиком?»

«О, это прекрасное растение, просто удивительное! И она медонос!»

Это ферула просто, а есть еще асса-фетида...»

Лида смотрела на меня с таким обезоруживающим восторгом, что не полюбить ферулу было бы просто нехорошо. И я полюбил. И тогда Лида достала из своего стола и показала мне толстенную кипу черно-белых фотографий, на которых была изображена или одна ферула, то есть одно растение, или целые заросли ферулы, или Лида на фоне ферулы, или Лида со спутниками на фоне ферулы.

А про эремурус и говорить нечего. Эремурус я видел еще в Москве на картинках путеводителя по заповедникам — высокие, выше человеческого роста, толстые стебли с мощными лиловыми свечами на конце — символ экзотики. А название? «Эремурус» (ударение на первом «у»)! По-моему, прекрасно...

Но музейные экспонаты и фотографии не то! Надо видеть ферулу и эремурус на воле. Под тьянь-шаньским солнцем. В окружении гор. Под пронзительной лазурью и под ослепительными белыми облаками. В оранжировке с запахами, криками птиц, жужжанием насекомых...

Часть соцветия эремуруса

Однако стоп! До них еще надо добраться — вон они где, наверху, а склон крутой... Держись, читатель, сейчас мы свернем с дороги направо и краем оползня, вон по той узкой ложбинке, мимо раскоряченного дерева, цепляясь за ветви кустарника и за корни, полезем наверх. К феруле, к свежему ветру вершин!

Сначала нужно пересечь нижнюю, сравнительно пологую часть оползня — сухую комковатую глинистую поверхность с кое-где выросшими кустиками трав... Вот он, милый цветок, глянцевитое пятилепестковое солнышко величиной с чайную чашку. Прямо на сухой, растрескавшейся глине — розетка листьев, похожих на одуванчиковые, высокий, нежный, покрытый волосками стебель и — чашечка. И название-то какое солнечное — гляциум. Но не будем срывать этот цветок, бесполезно: нежные лепестки тотчас же отпа-

дают. Такая изнеженность вдруг у растения, выросшего на растресканной, непригодной для жизни почве! Однако же изнеженность глядициума кажущаяся: корень его очень прочен, он уходит на большую глубину в поисках влаги и надежно держит своего изнеженного на вид хозяина на реальной почве... С таким корнем можно позволить себе и изнеженность...

Эремурус робустус

А это что за черные прыгающие существа? Похожи на кузнечиков, но... Сверчки! Конечно же, теперь понятно, почему стрекот здесь такой мелодичный. Крошечные заколдованные скрипачи... Чутки, очень чутки, пугливы, никак не сфотографируешь: чуть что — прячутся в глубокие щели меж комьями глины. На вид — помесь кузнечика с черным тараканом.

Но дальше, дальше полезли... Что это зашелестело там? Господи боже мой, о змеях-то мы и забыли! Не кобра, не эфа, но щитомордник здесь вполне может быть, а уж гадюка — подавно... И полоз. Полозы вообще не ядовиты, но есть такой бандит — желтобрюхий полоз, настоящий зубастый агрессор, в отличие от благородных гадюк не оставляющий вас в покое, а, наоборот, бросающийся с открытой пастью, как будто вы и есть самый его заклятый враг. Яда у него нет, но зубы... Так что осторожнее, внимательнее надо смотреть, за что хватаешься, он может как раз на ветке висеть — то-то рассер-

дится! А может, и гадюка — если схватишься за нее, как за ветку, пеняй на себя, смотреть надо было лучше... Еще Дмитрий Викторович говорил, что особенно надо смотреть, за что рукой берешься. Береженого, конечно, бог бережет, а все-таки...

Что-то желтое впереди?.. Ферула! Не только наверху, а уже и здесь, на полпути, авангард сверху. И эремурус тут же, лиловые свечи. Уф, добрались до ферулы, можно передохнуть. Каждая веточка большого, в рост человека, растения усеяна крошечными зеленовато-желтыми цветочками, сквозящая полупрозрачная желтизна, нечто среднее между таволгой, зонтичными и соцветиями винограда. Нежный слабый парфюмерный аромат и множество жужжащих, ползающих, застывших неподвижно блаженствующих насекомых. И — к особой моей радости — итальянские клопы, полосатые, раскрашенные с примитивным легкомыслием: полоса красная, полоса черная, полоса красная, полоса черная. Этакий матрасно-носочный колер. Почему итальянские? Наверное, потому, что открыли их впервые в Италии.

Клопы итальянские

Да, так вот она, живая, настоящая ферула. И эремурус. Как всегда вместе. В горах. Не хватает легенды. Тем более, что есть и подробности. Ну, например, та подробность, что ферула встречается не только в горах, а и в пустыне. Другой, правда, вид. Асса-фетида. Что это означает в переводе с латинского, я скажу позднее. А царственный эремурус — только в горах и только вместе с ней, с ферулой. И еще — есть растение прангос, чрезвычайно похожее на горную ферулу, так что неспециалист даже и не отличит. И эремурус, как видно, не отличает, все равно рядом растет. Хранит феруле верность. Хранит верность желтокудрой своей подруге, а не знает, что рядом с ним — не ферула, рядом с ним — ее двойник прангос. Так что же здесь — обман, измена? Или нет, всё в порядке и желтокудрая прангос — родная сестра желтокудрой ферулы, и дружат они с эремурусом.

сом без всякого обмана? А почему ферула спустилась в пустыню и стала там этаким деревцем, цветущим весной, но до корней высыхающим к лету? Уж не потому ли, что люди повадились выкапывать луковицы эремуруса и сажать у себя в садах, разлучив его навсегда с нежной подругой? Ведь сюда, на Тянь-Шань, за луковицами эремуруса приезжали даже голландцы — накопили его мешками и увезли в свою равнинную, низинную Голландию. А о феруле не спохватились... Печальная история, если подумать.

Позже я узнал, что эремурус тоже растет в пустыне — не столь эффектный, правда, как царственный горный робустус (в переводе с латыни «мощный») или двухметровый эремурус Регеля. Еще лучше: значит, не оставил подругу в беде, в сухости и жаре пустыни, спустился следом за нею с гор, хотя и стал зато ниже ростом... Тем приятнее видеть сейчас, в это ясное майское утро, что даже на крутом склоне, на маленьком пятачке, отвоеванном у кустарников и деревьев, они растут рядом. Желтая ферула и лиловый эремурус — прекрасное сочетание! Кстати: если лучшие сорта эремуруса — украшение садов, то ферула асса-фетида (в переводе с латинского это означает «вонючая») — одно из ценнейших лекарственных растений пустыни.

Но сколько же других растений вокруг! Ведь это мы в городе привыкли к однообразию. Выросшие в каменных джунглях, мы редко представляем себе богатство зеленого мира. Из множества деревьев мы разве что можем выделить березу, елку, сосну, осину. Ну клен, дуб, липу, тополь. Ну ясень. Может быть, кто-то ольху назовет, иву, лиственницу. Конечно, если пойти в сад — там свой набор деревьев: яблоня, груша, слива, вишня, черешня, гранат, алыча, айва. В южных городах все знают каштан, платан, белую акацию, кипарис. В Сибири — кедр, пихта... Но ведь есть еще ильм, граб, бук, тис, вяз, самшит, шелковица, лавр, лавровишня, древовидный можжевельник, туя, маслина, актинидия, амурский бархат, пробковый дуб, осокорь и туранга, гледичия, лох, джужун, кандым и черкез, саксаул, мандарин, адамово дерево, эвкалипт, чинар, орех грецкий, орех манчжурский, орех Зибольда, орех серый, миндаль... Тысячи видов деревьев насчитываются на территории Советского Союза, что уж там говорить об индийских, индонезийских, африканских, южноамериканских джунглях. Только березы — той самой белоствольной, милой русскому сердцу березки, — оказывается, существует 120 видов на земном шаре (в СССР — 65), дуба — 600 (у нас — 62), ивы — 600 (в нашей стране — 120). И каждый вид интересен по-своему, каждое дерево еще хранит множество тайн. А кустарники? А травы? Про орхидеи, например, написаны целые монографии; в свое время да в какой-то степени и сейчас они, как и бабочки Морфо, ценились

высоко чрезвычайно, продавались и покупались по огромной цене, имели хождение на уровне драгоценных камней, редких марок, уникальных морских раковин или монет («одна Лаэлия элеганс Турнери была продана за 1000 германских марок, а Ванда коэрулея даже за 1900» — Брокгауз и Ефрон, т. 43, с. 225). В поисках семян редких видов организовывались экспедиции в джунгли Южной Америки, люди гибли за орхидеи! А тюльпан, роза, гиацинт, нарцисс? Про «гульпоманию» голландцев, охватившую чуть ли не каждого жителя этой европейской страны в XVII веке, существует целая литература. Даже Александр Дюма-отец написал роман о выведении редкой породы тюльпана — «Черный тюльпан». Великолепно описано это массовое цветочное увлечение в книге Н.Ф. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях».

В 1559 году несколько луковиц тюльпана привезены в Западную Европу из Турции. Постепенно этот крупный полураскрытый цветок завоевывает себе всё новых и новых сторонников, распространяется по европейским странам и наконец попадает в Голландию. Не отличавшиеся как будто бы особенным темпераментом, расчетливые голландцы заблевают вдруг неумеренной любовью к цветам. Разведением тюльпанов начинает заниматься в конце концов чуть ли не всё население страны. Тем более, что это очень просто — достаточно иметь горшки или ящики с землей и луковицы тюльпанов, которые продаются во множестве. Цветоводы выдают расписки на право приобретения луковиц еще не выведенных сортов. Расписки в свою очередь перепродаются по повышенной цене. Организуется биржа — собрание торговцев и покупателей тюльпанов, которых еще нет в природе, продаются и покупаются пока лишь расписки. Цены на них доходят до фантастических размеров. Иногда происходят счастливые случайности — по распискам, приобретенным по случаю и недорого, владельцы их получают действительно редкостные и дорогие сорта тюльпанов, а это равносильно обогащению, потому что за одну луковицу сорта Семпер Августус, например, богатые любители платят 13000 гульденов, за луковицу Адмирал Энквицен — 6000 флоринов. За одну луковицу сорта Фиц-Рой было заплачено «24 четверти пшеницы, 48 четвертей ржи, 4 жирных быка, 8 свиней, 12 овец, 2 бочки вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 4 пуда сыра, связка платья и один серебряный кубок» (запись об этом сохранена в документах). Дело дошло до того, что одно время в Голландии по рукам обывателей гуляло более 10 миллионов расписок!

«Да и само слово «биржа» (по-немецки «Бёрзе»), как говорят, — пишет Н.Ф. Золотницкий, — возникло даже от жившей в гор. Брюгге знатной фламандской фамилии Ван дер Бёрзе, уступавшей под

такого рода собрания (где продавцы и покупатели сговаривались. — Ю.А.) свое роскошное помещение». Филиалы бирж стихийно возникали чуть ли не во всех общественных местах — в трактирах, кабаках и т.д. За вывод особых сортов с заранее заказанными признаками богатые меценаты назначали огромные премии, достигавшие нескольких сот тысяч гульденов, по случаю выведения организовывали праздники. Один из таких праздников как раз и описан в романе Александра Дюма.

Были и курьезные случаи. Например, один матрос, случайно зайдя в лавку, взял с прилавка луковицу ценного сорта тюльпана, думая, что она съедобна. Хозяин догнал матроса, когда тот уже разрезал луковицу, посолил ее и собрался завтракать. Напрасно матрос уверял хозяина, что луковица совсем не вкусна и не стоит так переживать за нее. Хозяин передал дело в суд, и матрос получил шесть месяцев тюрьмы. В другом случае молодой человек случайно в разговоре стал чистить небольшую луковку, взятую со стола. Оказалось, это луковица знаменитого сорта Ван-Эйк. Молодой человек был приговорен к уплате штрафа в 4000 гульденов с заключением в тюрьму до полной выплаты...

«Тюльпомания» достигла таких размеров, что в конце концов вынуждено было вмешаться правительство. И вот 27 апреля 1637 года в Гаарлеме издали закон, «которым всякие сделки по тюльпанам и луковицам были признаны безусловно вредными, и всякая отныне по ним спекуляция каралась законом».

Своеобразной памятью об этой истории осталась каменная плита, приобретенная голландским садоводом Креелаге. Эта плита была установлена на одном из двух каменных домов, стоявших на улице Гоора в Амстердаме и снесенных в 1878 году. На плите написано, что оба каменных дома куплены в 1634 году за три тюльпанные луковицы. После закона 1637 года «тюльпомания» стала сходить на нет, однако через сто лет Голландия увлеклась новым цветком — гиацинтом. И вот уже 500—1000 гульденов за луковицу считается обыкновенной ценой, а луковица ярко-желтого Офира приобретается за 7650, луковица сорта Адмирал Лифкен — за 20.000 гульденов. «И это тогда, — восклицает Н.Ф. Золотницкий, — когда воз сена стоил чуть ли ни несколько копеек и на копейку в день можно было отлично прокормиться». Копейка — это, надо думать, одна сотая гульдена...

А в начале XX века массовое увлечение цветами возникает еще в одной европейской стране, народ которой как будто бы славится своей сдержанностью, — в Англии. Только здесь героем выступает не тюльпан и не гиацинт, а нарцисс...

Если же заглянуть в более давнее прошлое, то как не вспомнить,

например, пиры Нерона, во время которых с потолка сыпались миллионы лепестков роз и пирующие иногда насмерть задыхались под ними.

Конечно, во всех этих случаях дело не только в любви к цветам. Люди очень подвержены крайностям, а крайности, как известно, ни к чему хорошему не приводят. Однако цветы здесь не виноваты.

Наоборот. В Японии, например, до сих пор существуют праздники цветения сакуры, цветения хризантем. Мастер составления букетов, то есть специалист по икебана, пользуется не меньшей, а то и большей популярностью, чем знаменитый спортсмен или кинозвезда. Цветы в Японии — непрменный элемент быта, и это не мешает японцам быть не только культурным, но и весьма деловым народом, обогнавшим все страны мира и по производительности труда.

Что же, поговорим и о производстве. Что бы мы делали без растений? Скажем хотя бы то, что именно растения находятся в основании пирамиды жизни, именно им, так называемым первичным продуцентам, все живое обязано своим существованием на Земле. Всякая жизнь начинается с растений — именно они преобразуют солнечную энергию в энергию питательных веществ, которые потом усваиваются животными, в частности, человеком. Хотя ученые и добились кое-каких успехов по части синтеза органических веществ из неорганических, однако успехи эти очень невелики и опять же достигнуты только благодаря тому, что ученые не поленились пойти на выучку к растениям и животным.

История распространения ценных для человека растений по странам и континентам изобилует тайнами, приключениями, необычайными событиями и драматизмом. Вспомните истории с похищениями семян какао, кофе, хинного дерева, чая, каучука. Они читаются, как захватывающий роман. А судьба картофеля? Любимая наша картошка, к которой мы все так привыкли и без которой просто немисливо обойтись, привезена к нам из Южной Америки, и всего каких-нибудь лет триста назад о существовании вкусных рассыпчатых клубней жители России даже не подозревали. Больше того — когда картошку стали вводить на Руси как культуру, то это встретило резкое противодействие населения. Люди боялись есть подозрительные, ни на что не похожие клубни, некоторые думали, что, может быть, их хотят отравить... А помидоры? Их тоже привезли из Южной Америки, в диком виде они могут расти и нормально плодоносить только в Перу. И тоже поначалу многие боялись есть эти большие странные «ягоды».

Новому Свету мы обязаны и тем, что в наш пищевой рацион прочно вошла фасоль. То же и с кукурузой, которой на ее родине, в одном из южных штатов Америки, поставлен золотой памятник

в знак признания великих заслуг этого растения, дающего 250 зерен на каждое посаженное зерно, или вдесятеро больший урожай, чем любая из других зерновых культур.

Старый Свет не остался в долгу. Пшеница — первейшая из всех зерновых культур Земли, пшеница, которой засеивается сейчас одна треть всех земель, отведенных под зерновые, в диком виде встречается только в Азии, на Балканах, в Крыму. Кофе, знаменитый кофе, которым так славится сейчас Южная и Центральная Америка, завезен туда и во все остальные страны из Африки. Яблоки, рис, чечевица, ячмень, овес, с успехом произрастающие сейчас во многих странах мира, — это тоже богатства Старого Света.

Возможно, когда-нибудь будет написана история растений, и это будет одна из интереснейших книг Земли.

Но не менее важно лекарственное значение растений. Об этом написано множество книг. Огромный трактат Авиценны «Канон врачебной науки» содержит несколько тысяч страниц и посвящен главным образом исцеляющему действию растений. Множество целебных свойств корней, коры, листьев, цветов, соков, плодов, к сожалению, забыто, еще больше, видимо, не открыто. До сих пор не известны медикам многие секреты народной медицины, а многие из известных просто-напросто не исследованы. У тибетских, китайских, индийских, африканских и индейских знахарей по части знания лекарственных свойств растений нам следовало бы учиться и учиться...

Но и это не все. Растения необычайно интересны психологически и философски. Многообразие их форм потрясает. Как и среди животных, здесь тоже есть труженики, хищники, паразиты. Возьмите, к примеру, заразику, или стригу. Еще одно ее название — колдунья-трава. Это растение широко распространено в Африке, Южной Азии и Австралии, меньше — в Европе. В 1956 году оно проникло в Северную Америку. Это обманчиво красивое растение — один из самых страшных сорняков на Земле...

У нас стрига часто паразитирует на подсолнечнике. Скромная, симпатичная, она растет прямо под сенью его широких листьев. Но от такого соседства мощный подсолнечник вдруг начинает хиреть, листья его высыхают, гордая корона цветка сморщивается, семечки завязываются хилые, тощие или совсем не завязываются. В чем дело? А дело в том, что трогательная стрига не имеет собственных корней. Прорастая, семечко стриги пускает всего один корешок-трубочку, который впивается в корень подсолнечника. И сосет его соки. Если стриги много, корни подсолнечника не справляются с такой нагрузкой, и мощное растение засыхает. То же самое происходит со многими злаковыми культурами — пшеницей, ячменем, —

а также клевером, люцерной, сорго, сахарным тростником... Стриге что — к моменту гибели своего кормильца она успеваешь тихонько отцвести, дать семена, которые ветром разносятся по полю и ищут нового полнокровного хозяина. Один-единственный экземпляр заразики может дать в год до полумиллиона мельчайших, едва различимых невооруженным глазом семян. Эти семена в ожидании растения-кормильца способны пролежать в земле, не прорастая, по крайней мере 20 лет! Для практика-полевода колдунья-трава — неприимимый враг, для ученого-биолога — предмет настойчивых исследований, для философа, художника — загадка природы, источник раздумий, сопоставлений. Бывают ведь и люди-подсолнечники и люди-стриги...

Одним из антиподов стриги по части, так сказать, психологии является грецкий орех. О том, что это за дерево, я расскажу позднее. Сейчас хочу лишь заметить, что природа неисчерпаема, и недаром, по мнению многих ученых, биология пока находится на самой первой стадии своего развития, только-только еще занялась заря. Ботаника же — особенно — при всей своей древности до сих пор не выбралась из пеленок, до сих пор еще она не перестала быть наукой больше описательной, чем проникающей в суть. Да что там... До сих пор ученые ботаники не пришли к единому мнению по поводу систематики растений! И все еще дискутируется вопрос: какие растения считать высшими по эволюционному развитию — однодольные или двудольные? Что говорить о глубинах, если даже не все растения (как, впрочем, и животные) Земли открыты, описаны. Сколько еще белых пятен!

Вот и здесь, в Узбекистане, только недавно составлен шеститомный справочник флоры. Один из составителей его — Александр Яковлевич Бутков, лауреат республиканской премии им. Бируни, директор стационара на Кайнар-сае. А один узбекский ученый, по его словам, защитил диссертацию вот на какую тему: «Растения долины реки Пскем». Месяц или два он поднимался с палаткой в верховья Пскема. А река Пскем, между прочим, — одна из десятка рек Тянь-Шаня. И не всего, а только Западного... Можно ли говорить о том, что некуда приложить силы, что уже все открыто, исследовано, что родились поздно, что времена Пржевальских, Семеновых-Тян-Шанских, Арсеньевых и Билибиных миновали?

Синяя птица

А на плоскогорье, на небольшом хребте, отделяющем Кайнар-сай от соседнего, неизвестного мне названия сая («сай» — вообще по-узбекски «долина», «распадок» или «река»), я повстречал Синюю птицу...

Впрочем, это несправедливо, читатель. Получается так, что, оставив тебя на половине подъема, на маленьком уступчике, где хотя и растут ферула и эремурус, но негде даже присесть, где хотя и есть симпатичные итальянские клопы, но летают также и печально известные слепни, где в густом переплетении ветвей и трав вообще скрывается неизвестно что, я прочитал тебе длинную лекцию, а сам тем временем взобрался выше, на просторное плоскогорье, отдохнул, разделся до полиса, подставив кожу бархатистому ветру, да еще и Синюю птицу встретил. Нет, несправедливо это. А потому представь себе, что все перечисленное мы проделали вместе. Не считая пока Синей птицы, потому что о ней речь впереди.

Итак, сколько же здесь ферулы! Плоскогорье действительно плоское, разве что с небольшим наклоном и волнами, привольное, открытое ветру, со светлой лентой широкой полевой дороги — ну в точности русское поле, если не считать обрывов по краям и снежных пиков на севере и на востоке. И еще ферулы. Разве что наша сурепка может с нею сравниться по цвету и обилию цветков. Дорога тянется вдаль и исчезает где-то на подступах к темной, поросшей лесом горе — такой окаменевший упрямый лоб великана (вот бы забраться!), — справа от нее — низинка, доверху заполненная желтой воздушной пеной. Ферула. И здесь ферула — по самому краю обрыва. С эремурусом вместе, конечно. А внизу — страшно далеко! — извивается белая тонкая ниточка — Кайнар-сай! — а вон и три крошечных игрушечных домика стационара, покинутых так недавно...

Летит земной шар в мироздании, поворачивается слегка, подставляя свои бока солнцу, легкий ветер шевелит листья деревьев и траву здесь, в отрогах Угамского хребта Западного Тянь-Шаня, и столько всего живого вокруг, и такая радость и полнота жизни! Красота!

Сейчас много говорят и пишут о сохранении окружающей среды, о том, что те-то и те-то виды растений или животных исчезли с лица Земли, а такие-то и такие-то исчезают. И вот что считается главной бедой: если так будет продолжаться, то скоро нам будет нечем дышать и нечего есть. То есть воздуха и куска хлеба мы скоро можем лишиться. Но как же мало все-таки в этом хоре голосов, которые вопиют о другом голоде — о духовном! А ведь он давно уже гложет нас.

Человек с сытым желудком не может ощущать себя счастливым, если не хватает пищи всем его органам чувств и — разуму. Если у него, например, беспокойная совесть, если нравственное чувство его не удовлетворено. Не случайно есть такое выражение: кусок в рот не лезет. Это тогда, когда человек озабочен проблемами нравственного порядка. Даже собаки, например, потеряв хозяина, отказываются от пищи и худеют прямо на глазах. Что же говорить о че-

ловеке? Как часто материальная пища не спасает людей, отчаявшихся в жизни! И мы знаем, что максимальное число самоубийств на душу населения приходится в самых развитых, самых материально обеспеченных странах мира. Стоит ли к такому стремиться?

Не потому ли создалось столь печальное положение, что мы так часто приносим в жертву чисто материальным благам все остальное: товарищескую взаимопомощь, сочувствие ближнему, дружбу, любовь... И красоту. Ведь мы так и не научились — а может быть, разучились? — ценить красоту, просто красоту, без учета немедленной материальной пользы. В лихорадочной, обезумелой погоне за материальной пищей как же часто мы забываем о других, не менее важных своих потребностях...

Да, красота не слишком в почете в последнее время. А ведь еще пророк мусульман, автор Корана, Магомет сказал: «У кого два хлеба, тот пусть продаст один и купит цветок нарцисса. Потому что если хлеб — пища для тела, то нарцисс — пища для души».

У древних китайцев было много легенд, связанных с цветами. В одной из них такие слова:

«Тот, кто любит цветы и охраняет их, увеличивает свое счастье и получит блаженство. А тот, кто обходится с ними дурно и уничтожает их, будет несчастен и подвергнется самым строгим наказаниям».

Так и хочется сказать: сбывается пророчество древних! Наказания, которым подвергается род людской за презрение к духовным ценностям, неисчислимы...

«Цветок лотоса — корабль, на котором утопающий среди океана жизни может найти спасение», — говорит древняя индийская пословица. Если это понимать не буквально, а символически, как и следует понимать пословицы, если под прекрасным цветком лотоса подразумевать природную гармонию и красоту, а также красоту человеческих взаимоотношений, то древняя индийская пословица имеет вполне современный и, я бы даже сказал, злободневный смысл.

Но что это? Вон там, посмотри, в лощинке. Мелькнуло между деревьями... Опять... Синяя птица! Настоящая Синяя птица сверкнула синим огнем и погасла. Села на дерево. Неужели прав был старина Метерлинк? Пойдем, пойдем за ней, за Синей птицей, еще хоть раз взглянуть. Плоскогорье-то, оказывается, волшебное... Смотри — опять. Ну до чего хороша! Светло-синие крылья и медленный чарующий полет...

Синяя птица! Кто б мог подумать... Есть. Жива! Настоящая Синяя птица... Улетела. Я даже сфотографировать не успел. И не надо! Зачем фотографии, если теперь я точно знаю: Синяя птица есть!

И что с того, что сначала Шафкат, а потом Александр Яковлевич убеждали меня на стационаре в том, что это была всего-навсего си- зоворонка, довольно обычная, распространенная в Средней Азии птица? Ведь она синяя, настоящая Синяя птица, и тот миг, когда я впервые увидел ее в горах Западного Тянь-Шаня, запомнится мне, наверное, на всю жизнь. Есть Синие птицы! Не верьте тем, кто гово- рит, что их нет.

Гости

Разбудил меня лай собаки. Я еще не успел проснуться как следу- ет, вспомнить, где нахожусь, еще рвались последние клейкие ниточ- ки какого-то сна — кажется, что-то о гигантских бронзовках, которые хватили меня своими мохнатыми лапками. Все потому, что вчера днем мы обедали с тремя геологами — Володей и двумя Танями, зашедшими к нам на стационар в гости. И одна из Тань, толстень- кая черноглазая хохотушка, узнав о моем занятии, пообещала нало- вить разных жуков и действительно наловила. И, посадив их в коро- бочку из-под пленки, положила на мою кровать.

— Я там наловила каких-то жуков, — сказала Таня за ужином. — На вашей постели лежат, в коробочке...

Когда я после ужина зашел в комнату, то увидел, что коробочка на постели приоткрыта и пуста, а на одеяле и под подушкой устрои- лись несколько симпатичных бронзовок и жук-скакун...

Не помню уж, как лай собаки связался с навязчивыми бронзов- ками из моего сна, но только растворилась дверь, и на пороге своей комнаты я увидел жестикулирующую, делающую мне загадочные знаки хозяйку-узбечку, в первый момент принятую мною за черно- глазую Таню... Когда отзвуки сна окончательно утихли и все стало на свои места, я попытался понять, что нужно хозяйке. Но мои по- знания в узбекском языке еще не достигли необходимого уровня, и я понял лишь, что она настойчиво зовет меня куда-то. И побыстрее. Видимо, это было как-то связано с лаем собаки.

Наскоро одевшись, схватив фотоаппарат, я побежал на лай. Хо- зяйка, сопровождая меня, делала такие энергичные зовущие знаки и лицо ее было до такой степени возбуждено, что я почувствовал се- бя в роли защитника и подумал, что не фотоаппарат надо было взять, а что-нибудь поувесистее. Волк? Медведь? Росомаха?..

Была рассветная мгла, солнце еще не взошло, сердце от внезап- ного бега и неизвестности стучало молотом. Наконец в туманной дымке я увидел собаку. Она лаяла в сторону куста. Я с напряжением вглядывался на бегу, слегка замедляя шаги, чтобы не попасть прямо вот так, с лета, под удар какой-нибудь мощной когтистой лапы... Вот и куст. Осторожно я подошел ближе, краем глаза оценивая на вся-

кий случай топографию местности: вдруг придется временно отступить? Тут я опять обратил внимание на хозяйку, которая, как видно, без всякого страха шла за мной по пятам и даже чуть ли не подталкивала меня к кусту. Собака лаяла активно, однако и она, похоже, не была слишком испугана. Я наклонился к кусту и раздвинул ветви.

В неверном свете утра моим глазам предстала очаровательная полосатая мордочка барсука. Он был достаточно крупен, для того чтобы постоять за свою жизнь перед собакой. Зрелище портила агрессивность собаки, которая теперь прямо так и бросалась на барсука, правда, оставаясь на достаточном расстоянии, потому что барсук хотя и с некоторой долей пренебрежения, но все-таки недвусмысленно огрызался. Наконец я решил сбегать за лампой-вспышкой, отстранился от куста и только тут увидел, что хозяйка сует мне в руки нож.

Не понимая, я уставился на нее. И только через несколько секунд до меня дошло. Вот оно что, оказывается. Вот зачем она меня с таким темпераментом звала.

Радость от встречи с гостем померкла. Я не побежал за лампой-вспышкой, отошел от куста, лай собаки стих вскоре. Барсук скрылся в лесу. Я не взял нож, и хозяйка смотрела на меня с разочарованием и некоторым презрением. По глазам ее было видно, что хотя я гость у них и что она, конечно, будет кормить меня завтраком и обедом, однако прежнего уважения от нее не дожждаться. Ведь барсук даже не убежал никуда, как ловко его собака в куст загнала — чего же проще было взять нож и...

Пришедший к завтраку Мирсаат, узнав от хозяйки об утреннем происшествии, долго расстроено цокал языком, а потом обратился ко мне с сочувственной улыбкой:

— Что, не удалось взять борсык? Ай-яй-яй...

Позже от Александра Яковлевича я узнал, что у узбеков ценится барсучий жир — он будто бы обладает целебными свойствами и его довольно дорого продают на рынке. Но выяснилось, что у Мирсаата есть бутылочка жира, и не одна, — на всякий случай, потому что пока, слава богу, никто не болен. Значит, нужно было убить барсука, чтобы жир его потом продать. Но я что-то не замечал, чтобы Мирсаат и его многочисленные родственники бедствовали... И уж совсем бессмысленное: в мае жира у барсука очень мало, охотятся на него обычно осенью... Так зачем же?

Вечером произошел еще один случай, который как бы поставил точки над «i».

Мирсаат поймал змею. Ему это было нетрудно сделать, потому что он всегда ходил в сапогах и в таком случае нет ничего проще,

как наступить встреченной змее на шею, а потом, передвинув сапог, взять ее пальцами за шею же.

Это была даже не змея, а змееныш, сантиметров 35—40 длиной. Поначалу я решил, что это детеныш полоза, потому что полозов здесь, вероятно, должно быть больше, чем любых других змей. А если полоз — значит, не ядовит. И не только не ядовит, но полезен, потому что уничтожает, как правило, грызунов. Правда, если не разбираешься в змеях, лучше с ними быть осторожнее.

Надо отдать должное Мирсаату — он не убил змею сразу, он принес ее для меня. И уверял, что она ядовитая, что он будто бы видел у нее во рту страшный зуб.

При внимательном рассмотрении я понял, что это была маленькая гадюка.

Я не перестаю удивляться гармоничности природы. Попросите художника нарисовать змею — всегда ли она получится у него красиво? А тело живой змеи принимает удивительно пластичные позы. Вполне естественно, что в данный момент у нее не было особенного желания фотографироваться, и, несмотря на то что я тщательно нацеливал на нее объектив фотоаппарата, она упорно пыталась скрыться, равнодушная к популярности и славе. Словно дикая крапавица, жительница гор, случайно попавшаяся на глаза заезжему режиссеру, еще не отравленная соблазнами кинематографа, напуганная светом юпитеров, она торопилась уйти со сцены, игнорируя старания оператора и режиссера. Мирсаат не очень-то любезно отбрасывал ее на старое место носком сапога, а я и так и так пристраивался, чтобы найти подходящий ракурс. И что ни поза ее, то находка. Вот что значит природная раскованность, отсутствие вымученного кривлянья, неискренности! В конце концов мы так надоели ей, что она начала делать угрожающие выпады и шипеть, но достаточно почувствовать себя на ее месте, чтобы понять и раздражение ее и гнев.

Сделав несколько снимков, я попросил Мирсаата отпустить змею, сказав, что я всегда поступаю так с теми, кого фотографирую. Мирсаат ответил, что это змея ядовитая, а ядовитых змей они всегда убивают, их нужно обязательно убивать, потому что они кусают людей. Я объяснил ему, что гадюки полезны, что кусают они только в самых крайних случаях, что во многих местах нашей страны эти змеи взяты уже под охрану, а кое-где их даже разводят. Если взять на вооружение принцип убивать всех, кто может оказаться опасным, то очень скоро мы останемся в одиночестве на Земле. А то и вообще не останемся, если принцип такого «профилактического» убийства распространить и на людей, как это в истории уже бывало...

Но Мирсаат не слушал меня. Он повторял, что ядовитых змей они

убивали всегда и он убьет эту. Но не убил сразу. Он начал щелкать маленькую змею по носу ногтем. Потом схватил за шею и приложил к ноздрям ее горящую папироску...

Не хотелось бы думать плохо о человеке, но мне показалось, что делает он это специально для меня — за то, видимо, что я защищаю тех, кого нужно обязательно убивать, и за то еще, что утром я так позорно упустил барсука. Казалось, он хочет немножечко перевоспитать меня...

Юная степная гадюка

Я опять попытался объяснить Мирсаату. Я повторил, что гадюки просто так не кусают, что государство взяло их под охрану не случайно, что они полезны. Увы, Мирсаат не слушал меня, не соглашался со мной. Он был у себя дома и делал то, что делали его предки всегда. Я же был для него всего-навсего заезжим гостем, жителем другого края, — мне ли учить его, коренного горца? Что я мог сделать? Мог ли я вот так, сразу, рассказать о том, чем стали интересоваться мы все так недавно: о странствующих голубях, которых было когда-то видимо-невидимо, а сейчас не осталось на Земле ни одного; о бизонах, когда-то верой и правдой служивших индейцам Северной Америки, а потом безжалостно уничтожавшихся белыми завоевателями просто так, для развлечения, отчего они тоже чуть-чуть не исчезли совсем; о стеллеровой корове — морском животном, безобидном, которого так легко было убивать на отмелях дальневосточных морей и о котором мы знаем теперь только по историческим описаниям. Да, Мирсаат жил в чудесном краю, в котором пока еще не перевелись барсуки, змеи, райские мухоловки и Синие птицы. Пока еще... И не приходило ему, конечно, в голову, что издевательство над людьми очень часто начинается с издеательства над животными. Что, убивая живое, мы убиваем и часть себя. Что мир един и что ес-

ли мы не научимся любить все живое, то живое перестанет любить нас и мы сами перестанем в конце концов быть живыми.

Но я чувствовал, что моим словам все-таки не хватает убедительности. Я говорил ему, а сам думал: «Вот что может ответить мне Мирсаат: он может сказать, что они, коренные горцы, убивая ядовитых змей и барсуков, все же не уничтожили их совсем, а вот мы, горожане, отравили не одну реку, свели много лесов и столько плодородных земель превратили в пустыни. Не лицемерие ли — сокрушаться об одной маленькой змейке?»

Что отвечу, если он скажет так?

Лес, которому 50 миллионов лет.

— Здесь — северный ареал грецкого ореха, за Угамским хребтом его уже нет, — говорит Александр Яковлевич и печально смотрит на цепь снежных вершин, ослепительно сияющих в небесной лазури.

Я тоже смотрю на далекие вершины Угамского хребта, не пропускающие орех на север, и тоже проникаюсь печалью. Правда, печаль моя другого рода — жить на стационаре мне осталось всего лишь два дня. Непосвященному, мне пока еще непонятен меланхолический настрой Александра Яковлевича. Вокруг — прекрасный ореховый лес. Какая может быть здесь-то проблема? Ну и что, что за Угамским хребтом его нет? Зато здесь есть. И во множестве. Александр Яковлевич приехал вчера вечером и сегодня с утра решил прочитать мне лекцию о грецком орехе и о работе стационара на Кайнар-сае. Изучение грецкого ореха, собственно, не входило в мои планы, но раз уж подвернулась такая возможность, почему бы ее не использовать? Честно говоря, я без особого воодушевления слушаю Александра Яковлевича, изо всех сил стараюсь изобразить на лице живой интерес.

Отдав должное вершинам Угамского хребта, Александр Яковлевич переводит взгляд на нашу долину.

— Ведь эти леса росли здесь еще пятьдесят миллионов лет назад, — говорит он и смотрит на меня почему-то с упреком.

Мы входим в чащу, и я осматриваюсь. Прекрасный лес, настоящие джунгли, к тому же еще и доисторические. Огромные кряжистые деревья застыли в неподвижности, их живописно изогнутые ветви устремляются ввысь, крупные резные пальчатые листья сложились в экзотичный узор, сквозь него лишь кое-где скромно просвечивает голубизна. Внизу, в зеленом полумраке, торчат большие листья бузульника. Как паруса. Паруса времени... Птиц не видно, но голоса их звучат отовсюду. И каких только голосов нет! И робкое чирканье, и мелодичное пение, и рассерженные дикие крики, и странные мурлыкающие призывы. Так и кажется, что сейчас вы-

порхнет из чащи и пролетит мимо нас нечто ослепительно пестрое, ошеломляюще яркое. Где-то справа журчит ручей, но его в зарослях и не видно. В нескольких шагах от нас в тщетной мольбе застыл большой высохший скелет дерева, разметавший, воздевший к небу корявые ветви. Немая скорбь, застывший пафос. Участник страшной драмы, разыгравшейся в этом лесу, жертва жестокого колдовства? Очень красиво...

— Видите? — говорит Александр Яковлевич. — Не хватает влаги. Еще сравнительно недавно эти леса были гораздо гуще, богаче... Давайте вернемся на дорогу, я покажу вам противоположный склон. Вон, обратите внимание... Полосы, жилы видите?

Мы остановились на краю оползневого обрыва. Внизу, в густых зарослях, скрывается Кайнар-сай, на противоположном склоне долины действительно видны темные лоскуты и жилы — участки, поросшие деревьями ореха. Это тоже весьма живописно.

— Он теснится по руслам ручьев, — задумчиво произносит Александр Яковлевич. — А сколько места пустует зря! Южный склон почти голый... У многих деревьев, что там растут, концы веток сухие. Да и здесь — посмотрите...

Я смотрю. Действительно. Мощные, полные жизни ветви кое-где оканчиваются сухими сучками. Невдалеке — еще один эффектный скелет. Да, печально. Я помню, что видел подобное явление в некоторых лесах — по какой-то причине сохнут верхушки и концы веток дубов, кленов. Но здесь все же такая благодать, такое кипенье, такой весенний карнавал жизни, что я с трудом заставляю себя слушать неторопливую речь Александра Яковлевича. Городскому жителю, обитателю каменных джунглей, трудно мне увидеть что-то тревожное в этом разгулье растительности.

— Вы знаете, что Иван Владимирович Мичурин назвал грецкий орех «хлебом будущего»? — спрашивает Александр Яковлевич тоном экзаменатора и строго смотрит на меня.

— Что-то слышал, — виновато отвечаю я и, напрягая память, вспоминаю, что действительно слышал нечто такое. Помню, где-то читал дифирамбы ореху — что-то о жирах и белках...

— В ядре ореха содержится до семидесяти семи процентов белков, до двадцати одного процента жира. Оно в семь раз питательнее говядины... — подсказывает Александр Яковлевич. — По витамину «С» грецкий орех — чемпион! В его незрелых плодах витамина больше, чем в шиповнике, черной смородине или лимоне. А древесина? А листья? Запах какой, чувствуете?

Да, я давно заметил, что запах здесь особенный — то ли хвоя, то ли какое-то освежающее лекарство.

Александр Яковлевич срывает крупный семилопастный лист

и протягивает его мне.

— Попробуйте, попробуйте, разотрите... Чувствуете?

Так вот оно что! Вот от чего запах — от листьев. Пряный, терпкий аромат, напоминающий хвою.

— Это эфирные масла, которые выделяют листья ореха, — продолжает мой строгий гид. — Как и у эвкалипта, они имеют фитонцидные свойства. Убивают микробов. Бактерии, помещенные вместе с листьями грецкого ореха, погибают через двенадцать — восемнадцать секунд.

— Значит, здесь, как и в сосновом лесу, может пройти насморк? — находчиво спрашиваю я.

— Не только как в сосновом, а как в эвкалиптовом, то есть еще лучше! — уточняет Александр Яковлевич. — Экстракт эвкалиптовых листьев лечит катар верхних дыхательных путей... Грецкий орех — прекрасное дерево, прямо клад для человека. По-латыни он называется так: «югланс regia». «Регия» — это значит «царский». Царский орех! В Южной Киргизии по склонам Ферганской долины орех растет лучше, чем у нас: там и влажности больше и теплее, — продолжает Александр Яковлевич. — Но ведь наш, узбекистанский орех тоже ценен. Разве не заслуживает он еще большего внимания хотя бы потому, что здесь условия для него хуже, чем ему здесь тяжело?

— Разумеется, заслуживает! — поспешно соглашаюсь я. — Но как же быть? Ведь наладить орошение в горах очень сложно...

— Верно! — радуется Александр Яковлевич моей пробуждающейся понятливости. — Вот мы и пытаемся решить проблему без орошения. Сейчас пройдем на опытный участок, я вам все покажу...

Опытный участок, примостившийся на небольшой, почти ровной площадке в горах, в чаще леса, поделен на две половины. С одной стороны стоят маленькие хилые деревца, какие-то желтые и корявые, с другой — здоровые и зеленые. Они раза в два выше и гуще и чувствуют себя, судя по всему, превосходно.

— Видите разницу? — с удовольствием спрашивает Александр Яковлевич.

— Нельзя не видеть, — отвечаю я. И, желая сделать приятное, добавляю: — Но ведь это совсем разные деревья!

— Нет! — удовлетворенно возражает мне Александр Яковлевич. — И те и другие посажены в одно и то же время. В 1941 году. И посажены, заметьте, на плохом месте, вдали от ручьев. А разница в том, что в одном случае мы применили наш метод, а в другом — нет...

— Какой же метод?

— Минеральные удобрения, только! Понимаете, почва здесь хо-

рошая и без удобрений. Беда в другом — отсутствие влаги в летний период, засуха. Но еще Тимирязев говорил, что минеральные удобрения творят чудеса. Даже от засухи можно спасти растения минеральными удобрениями!

— Как витамины для человека, да?

— Скорее — как хорошее, полноценное питание хотя бы периодами. Мы вносим удобрения осенью и весной, в период дождей. Растения набираются сил. Повышается водоудерживающая способность протоплазмы листьев — раз. Да еще сосущая сила корней увеличивается — два. Когда наступает засуха, здоровое, полное сил дерево с успехом сопротивляется ей. Видите, эти деревья цветут, осенью они дают по несколько килограммов орехов, а те вот-вот засохнут. И вы учтите, что удобрения мы планомерно вносим лишь с шестьдесят четвертого года, а то и не такой эффект был бы.

Я еще раз внимательно смотрю на опытный участок. Желтые, беспомощные сиротки-деревья, лишённые минеральных удобрений, действительно с трудом цепляются за жизнь — кажется, они вот-вот прекратят свое унылое существование. Зато полнокровные соседи их небрежно раскинули в стороны мощные ветви, равнодушные, как видно, к судьбе соплеменников. Возможно, они даже считают себя деревьями другой породы, такими избранными мира сего, любимцами бога. А дело, оказывается, просто. И бог, Александр Яковлевич Бутков, лауреат республиканской премии имени Бируни, как раз и думает над тем, как сделать все деревья такими же вот избранными, как уничтожить унижительную, печальную разницу между ними. И в этом свете судьба несчастных сироток по-своему героическая...

— Неужели все-таки лишь удобрения? — спросил я Александра Яковлевича для точности, а сам подумал: слово-то какое — «удобрения», производное от все того же, от старого, как мир, слова «добро».

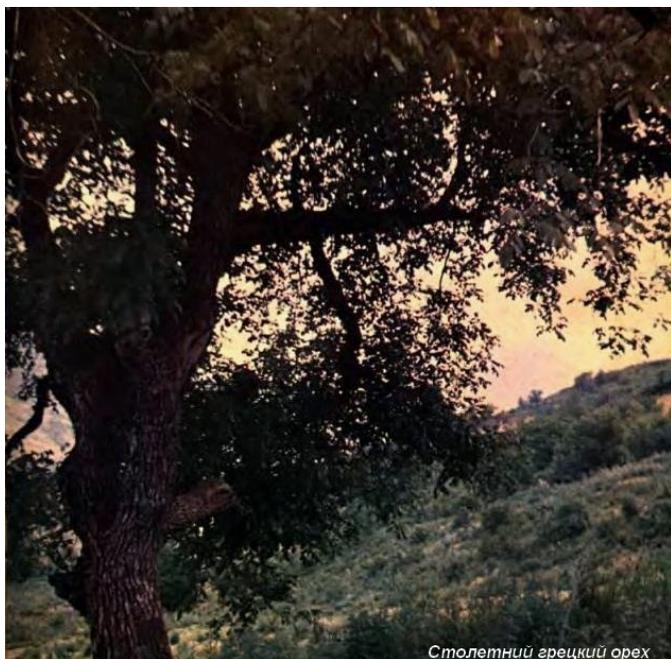
— Только! — с удовольствием ответил мне опять Александр Яковлевич. — Минеральные удобрения в лес привезти — это не то что ирригацию налаживать. Попробуйте-ка ирригацию в горах навестить! А мешки с солями — на лошадях можно или на ослух. И ведь как окупаются! За несколько лет окупаются весь метод. Вот, сами видите... Наши ореховые леса редеют. Вырубаются человеком, гибнут от недостатка влаги. Южный склон долины, вы знаете, почти пустует. Сейчас мы проводим опыты по засадке южных склонов с применением нашего метода. Опыты удачные! Шафкат Камалов как раз ими и занимается. Но есть у нас и беда. Мало внимания уделяют нам вышестоящие организации. Не принимают орех всерьез! А почему, спрашивается? Ведь это золотое дерево, хорошего хозяина еще как отблагодарит! Да что у нас... Возьмите Киргизию,

и то... Ставились там опыты, подобные нашим, в 1939 году, но прекратились. Почему? Быстрого эффекта не увидели! Так ведь надо же иметь терпение, нельзя же сразу. Дерево ореха вон сколько времени растет...

Когда мы возвращаемся, я уже другими глазами смотрю вокруг. Действительно, многие деревья на самом деле вовсе не такие роскошные, как казалось на первый взгляд, а кое-где — и, пожалуй, даже слишком часто! — виднеются настоящие древесные скелеты, живописные, правда, но ведь — мертвые...

— Ореховые леса можно спасти, — устало говорит Александр Яковлевич. — Их можно улучшить, расширить... Но пока всё больше разговоры. Особая, настойчивая и убедительная агитация нужна, как видно. У нас на стационаре не хватает рабочих — всего только трое-четверо. И участок, отведенный под стационар, слишком мал. А ведь, кроме ореха, мы занимаемся еще и плодовыми — дикой яблоней, алычой, хвойными деревьями, кормовыми травами. Скоро в этом районе будет зона отдыха ташкентцев — появятся новые проблемы. Нужно, например, продлить дорогу, чтобы рассредоточить зону и тем самым обезопасить леса. Никак не принимают орех всерьез...

Александр Яковлевич опять тяжело вздыхает.

Столетний грецкий орех

Рассуждение о любви

Когда-то давно мощное дерево Югланс регия с крупными пальчатыми листьями росло почти повсеместно на Евразийском материке. Первые ископаемые находки относятся к периоду верхнего мела — 100 миллионов лет назад. В третичный период грецкий орех достиг на Земле расцвета — места его обитания простирались до самой Гренландии. Однако потом, когда климат изменился, теплолюбивое и влаголюбивое дерево отступило в азиатские горы. К нашему времени сохранилось три очага, три генцентра, по Н.И. Вавилову: Китайский, Среднеазиатский и Переднеазиатский. К Среднеазиатскому очагу относятся наши естественные леса в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Туркмении. К Переднеазиатскому — Закавказье. И это всё. Даже происхождение ореховых лесов на Балканах, в самой Греции, вызывало дискуссию у ботаников: естественные они, оставшиеся с добрых старых времен третичного периода, или посаженные человеком? Правда, в последнее время доказано, что горные леса Балканского полуострова — Греции, Болгарии, Югославии, Албании — также естественного происхождения.

Но откуда же тогда взялись многочисленные деревья в Крыму, в Карпатах, на Северном Кавказе, в Молдавии, на Украине? Все они когда-то посажены человеком. Даже те, которые в настоящее время находятся как бы в естественном состоянии, в лесу. Они просто-напросто одичали. Или выросли из случайно брошенных в лесу орехов. С помощью человека грецкий орех проник и на другой материк — в Северную Америку...

Люди давно «раскусили» грецкий орех, давно поняли, какое это замечательное дерево. В Китае, где естественных лесов довольно много, грецкий орех введен в культуру еще во II веке до новой эры. У нас в Крыму культура его была известна также задолго до нашей эры. Там и сейчас встречаются вековые деревья, дающие ежегодно по 200 – 300 килограммов плодов. Про Кавказ и говорить нечего. На весь мир славились когда-то огромные ореховые сады черкесов. До сих пор во многих местах Кавказа живет хороший старый обычай: родился ребенок — посади на радость дереву грецкого ореха...

До нас дошли документальные сведения о том, что царь Алексей Михайлович, отец Петра I, чрезвычайно любил «орех греческий» и частенько заказывал его киевским монастырям к своему столу. Впрочем, мы с вами тоже любим греческие орехи — и просто так, и с медом, и в пироге, — а потому пристрастие царя для нас вовсе не удивительно. «Греческим» или «грецким» орех у нас называется, видимо, потому, что в Киевскую Русь — на нашу теперешнюю Украину — он попал впервые приблизительно в X веке, как раз тогда,

когда развивались оживленные связи с Грецией, откуда и привозили кушцы «зело лакомый плод этот». Может быть, известная поговорка «В Греции все есть!» с тех пор и пошла в ход?..

А вот что написано о грецком орехе в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона:

«Дерево это достигает огромных размеров и глубокой старости.

При церкви грузинского села Кехви (Горийский уезд Тифлисской губ.), в 12 верстах от м. Цхинвал, есть вполне свежий орех вышиною в 84 фт. (около 26 м), а в обхвате 28 фт. (8,5 м), в тени его могут укрыться до 200 всадников. Он дает ежегодно до 100 пудов плодов (1600 кг). Во многих местах Закавказского края имеются подобные же деревья...»

Словарь Брокгауза и Ефрона издан в 1893 году, а вот по свидетельству современного ученого А. В. Чурского грецкий орех в Горно-Бадахшанской автономной области (Таджикистан) поднимается по реке Пянджу до высоты 2400 метров над уровнем моря и достигает 32 метров высоты и 3 метров в диаметре! Диаметр кроны — 50 метров, урожай плодов — 300—500 килограммов... Вы только представьте себе крону диаметром в 50 метров — она покрое тенью городскую площадь! Возраст такого дерева 300—400 лет, но встречаются патриархи, которые прожили и все 500.

Ореховые шкафы, серванты, столы делают из древесины именно грецкого ореха. Особенно ценится прикорневая часть ствола — очень красивый рисунок, а еще больше — капы, наросты на стволе, достигающие полутора-двух метров в диаметре и полутора тонн весом. «Капы» настолько ценны, что существует даже такой сорт грецкого ореха — каповый. Если нарост аккуратно срезать, дерево остается в сохранности... Из древесины ореха делают не только мебель. Ею облицовывают кабины самолетов, каюты пароходов, салоны вагонов, фойе. Из нее вырезают шкатулки, всевозможные украшения и даже пропеллеры самолетов. Она тверда, прочна, хорошо поддается обработке.

Но главное богатство грецкого ореха заключается, конечно, в его плодах. По содержанию витамина «С» он — абсолютный чемпион среди растений. Да-да, не черная смородина, не шиповник, не цитрусовые. В незрелых плодах грецкого ореха вместе с зеленым околоплодником витамина С больше, чем в шиповнике или лимоне. Даже в листьях так много витамина, что они пригодны для его промышленного получения. А что касается ядра, то в нем содержится до 77% жира, до 21% белков, по калорийности оно в семь раз выше говядины. Но... Вот данные Чеботарева — привожу их по книге, изданной в 1969 году:

«Ореховые леса Южной Киргизии (Южная Киргизия занимает первое место в Союзе по площади естественных ореховых лесов) в 1945 году объявлены Государственным лесоплодовым заказником, однако около половины всех земель, входящих в состав заказника, находятся до сих пор в долгосрочном пользовании колхозов. В связи с этим 7 колхозов расположились прямо на территории орехо-плодовых лесов, что приводит к частым случаям лесонарушений в виде самовольных порубок, расхищения урожая плодов, потравы и запашки культур, самовольного прогона и пастьбы скота и крайне затрудняет все мероприятия по ведению хозяйства».

А ведь ко всему прочему в местах естественного произрастания каждое дерево ценно не только потому, что оно приносит то или иное количество плодов. Оно вдвойне ценно тем, что обладает уникальными генетическими свойствами, выработанными в процессе длительного (десятки миллионов лет!) естественного отбора...

Это и многое другое я узнал из книг, когда приехал в Москву. И решил написать для журнала очерк. Почти у каждого автора, пишущего об орехе, чувствовалось восхищение этим деревом и озабоченность его судьбой. А у меня к тому же оставалось свежее воспоминание о поездке на Кайнар-сай и экскурсии с Александром Яковлевичем. И все же очерк не получался никак.

А весной следующего года я отправился в командировку в Молдавию. В Кишиневском ботаническом саду встретился с известным молдавским селекционером Иваном Георгиевичем Команичем, сфотографировал мужские и женские цветы грецкого ореха и родственных ему видов, а также уникальную коллекцию ореховых плодов, собранную Иваном Георгиевичем.

Представляете себе: форма самих орехов, а также орехового ядра бывает совершенно разной. Величиной плоды ореха грецкого бывают с куриное яйцо, а по форме — круглые, овальные, удлинённые. У близкого родственника югланс регия, серого ореха, они остроколючные, как будто бы с клювом. Очищенное ядро грецких орехов, как известно, здорово похоже на человеческий мозг, а вот у сердце-

видного ореха, плоды которого действительно отдаленно напоминают по форме сердце, очищенное ядро — словно крендель или двухпалая лапа, клешня. Но главное я помнил: все эти ядра очень питательны...

Итак, казалось бы, чего проще? Нужно писать очерк, и писать так. Первая часть — вступление. Рассказать о том, как важно сохранить естественные леса ореха в Средней Азии и улучшить его культуру в Молдавии, на Украине, на Северном Кавказе, в Крыму, потому что югланс регия — замечательное дерево, очень ценное для человечества, особенно сейчас, когда количество людей на земном шаре неудержимо растет и нужно думать о будущих источниках продовольствия. Затем надо описать две поездки — на Кайнар-сай, к А.Я.Буткову, и в Кишинев, к И.Г. Команичу. Рассказать об их работе и сделать должные выводы. Вот и все. Тема нужная, злободневная.

А очерк не получался. Что за наваждение!

Встретившись с одним из своих друзей, я поведал ему о моей беде.

— Не получается очерк, — сказал я ему. — Самому на себя зло берет. Понятия не имею, в чем дело. Ведь хороший же материал. Нужный!

— Вот в том-то и дело, что «нужный», — ответил мне друг. — Кому нужный? Редактору? А тебе? Тебе — нужный?.. Мне кажется, ты недостаточно его любишь. Не проблему вообще, не ценность в народном хозяйстве, а само дерево. Ты вот говоришь о нем как о будущем источнике продовольствия, а сам... Неужели ты так и относишься к нему? Что-то не верится. Оно ведь живое... Разве ты насекомых фотографируешь потому, что это кому-то нужно?

Вот тут-то мне и стало наконец стыдно.

Да, чего только мы не приносим в жертву ей, «материальной пользе»... А ведь если подумать, то что это вообще такое — польза? Всегда ли мы точно можем сказать, что польза, а что нет? Разве то, что делается без радости, может принести кому-нибудь пользу?

Очерк я все-таки написал. Вымучил. Принес ли он кому-нибудь пользу? Мне — нет.

И вот еще что. Ведь даже и не в особой красоте грецкого ореха дело. Красота тоже понятие относительное. Для самца-букашки, например, нет ничего красивее булашки-самки... И нет в природе живых существ никчемных, неинтересных никому, ни для кого не красивых. И каждое играет свою единственную, неповторимую, не всегда ясную нам, людям, роль в хороводе всеобщей жизни, каждое интересно и красиво по-своему. Даже червяк, даже лишайник.

И каждый человек. В том-то и дело, что каждый. А иначе...

«Знаете, почему мир такой огромный? Потому что он никогда не отказывался ни от одной песчинки», — вот еще одна восточная мудрость. Вспоминать бы ее почаще в наш нетерпимый век.

Портрет пруса

Цвeточный паук

Ромерия, анхуза итальянская, астрагал, ослы, жуки, обитатели инопланетных миров и прочее...

Как и в самое первое утро, мой день на стационаре начинался с умывания родниковой водой и завтрака за длинным столом под сенью векового ореха. Затем я брал сумку и шел по одному из маршрутов. Их было три. Первый, уже знакомый вам, — вниз по тропинке мимо дерева-часового, стоящего в одиночестве как раз на том самом месте, где тропинка выходит на глинистую дорогу, а затем вверх по склону — к феруле, эремурусу, Синей птице, — на «Плоскогорье». Второй — по дороге, мимо термопсиса и вики тонколистной, по аллее столетних деревьев — «Невский проспект». А потом выше по склону, мимо опытного участка Александра Яковлевича, в самую чащу деревьев — к обрывам, оврагам, непроходимым зарослям зонтичных, девясила, бузульника — «Джунгли». Третий — на противоположную сторону «сая» с переходом по мостику через пенистый сумасшедший Кайнар — к Южному склону, особенно богатому боярышником, барбарисом, черемухой и всевозможными травами, — «Саванна».

Трудно отдать предпочтение одному из трех маршрутов.

Возьмите первый. Ведь, кроме ферулы с эремурусом, на Плоскогорье произрастает множество других любопытных растений. Ну, например, ромерия. Тот же наш красный мак, только маленький ростом. Но когда ярко-алые лепестки ромерии облетают, то вместо привычной маковой кубышки у нее зреет четырехдольный стручок с крупными семенами. Внешне от мака почти не отличимая, ромерия, с точки зрения специалиста, — совсем не мак. Кто знает, может быть, какой-нибудь суперэкзотичный венерианский (или другой инопланетный) цветок, полный загадок для земных ботаников, с точки зрения составителей букетов ничем не будет отличаться, например, от ромашки? Рискованное допущение... А вдруг? Считают же некоторые биологи, что изучение земных насекомых и фотографирование их полезны еще и с той точки зрения, что подготовят нас к встрече с инопланетными жителями. Почему, например, не предположить, что условия иной планеты оптимальны только для какой-то одной формы жизни и развитие животных пошло там по пути беспозвоночных; а очутившись в ее джунглях, космонавты будут чувствовать себя примерно так же, как чувствовали Карик и Валя из книги Яна Ларри «Приключения Карика и Вали»? Что, если там живут кузнечики, подобные нашим, только во много раз больше, пауки, бабочки, клопы, стрекозы? Глядишь, и макрофотография мелких существ, которая мне так нравится, окажется уже делом государственной важности и в какой-то степени поможет межпланетным общениям...

Еще на «Плоскогорье» встречаются анхуза итальянская и эхиум, или синяк. Тоже на первый взгляд растения очень похожие — с крупными листьями и мелкими ярко-синими, как знойное небо Италии, цветами. На синяке я нашел однажды великолепную рыжую мохнатую гусеницу бабочки бурой медведицы, отнес домой, потому что было уже темно, сфотографировал на другой день и принес обратно на «Плоскогорье». Поблагодарив красавицу за позирование, я посадил ее на лист растения, подобного тому, на котором нашел. Но она панически с него убежала. В чем дело? Ведь во время съемки она вела себя достаточно сдержанно, без всякой нервозности, хотя и пришлось ей провести ночь в стеклянной банке — непривычном помещении с ограниченным доступом свежего воздуха, да и с завтраком дело обстояло очень неважно, потому что вчерашние листики, которые я положил в банку, завяли... Только сделав несколько безуспешных попыток, я вдруг понял, в чем дело. Я сажал ее на анхузу, а она анхузу не переваривала, ей подавай синяк. Ее ботанические познания превышали мои...

Но не только ромерия, анхуза и эхиум. А мягкие, покрытые волосками, чуть липкие на ощупь, отдаленно напоминающие лопух

листья девясила? Почему-то их особенно предпочитали местные пауки — ярко-красные с черным узором, круглые, блестящие, словно покрытые нитролаком — ну точь-в-точь деревянные брошки или пуговицы, разрисованные талантливым народным умельцем. Почему деревянные? В этом нет никакого сомнения, достаточно их как следует рассмотреть. Ведь сквозь толстый слой лака, их покрывающий, четко просвечивает характерный рисунок древесных волокон... Пауки эти очень красивы, но все же вид у них какой-то злодейский, этакий даже злодейски-траурный, не предвещающий ничего хорошего. По-видимому, для птиц они достаточно ядовиты, раз обладают такой яркой, явно предупреждающей окраской. Иногда я встречал этих же паучков в цветках, в колокольчиках, причем они не прятались, а, наоборот, занимали такую позицию, чтобы выглядеть поэффектнее внутри лилового бокала. Они по-наполеоновски складывали на груди передние лапки — ну прямо щеголь, устроившийся так, чтобы все его видели, и презрительно наблюдавший за произведенным эффектом.

Грозное жало пчелы не помогло ей в борьбе с цветочным пауком милумена

Пчелы и мухи, конечно же, не могли устоять перед такой демонической красотой и попадали на старую, как мир, удочку. Глупые, они садились рядом с равнодушным щеголем, и тот, не будь дурак, мгновенно хватал их своими черными преступными лапами, прижимал к себе и... Милые будущие космонавтики! Если вы попадете когда-нибудь на планету, где жизнь остановилась на уровне беспозвоночных, и если в огромном цветке будет сидеть демонически прекраснейший, равнодушнейший с виду щеголь, пожалуйста, не подходите

близко к нему. Даже если вам очень захочется! Дело в том, что поцелуй его полон яда, а душа его черна, как космическое пространство. И вы нужны ему не как человек, не как личность, а... неудобно даже сказать... как продукт питания. Видите, если для умных птиц яркая окраска паука выступает как предупреждающая, то для глупых пчел и мух она привлекающая...

Кстати, девясил, листья которого предпочитают ряженные злодеи, — растение лекарственное, корни его содержат лекарственное вещество инулин (латинское название девясила «инула»), а также эфирное масло. Отвар корней применяется при различных заболеваниях; например, при катаре верхних дыхательных путей.

Листьями этой травы, что варились в винном нектаре.

Почки укутать полезно тому, кто страдает нефритом.

Если из корня его порошок приготовить и с мёдом

Съесть, — прекращается кашель, а также еще и одышка;

Если же сок из него принимается с соком из руты,

То, утверждают, питье исцелить помогает разрывы...

Так написал неизвестный средневековый автор о девясиле еще в X-XI веке в поэме «О свойствах трав».

Есть упоминание о девясиле и в знаменитом «Каноне врачебной науки» Авиценны:

«Расан—девясил высокий (инула хелениум).

...Самая полезная его часть— это корень. Сила сиропа из него велика в его действиях и наиболее значительна. Лучше всего [принимать его] в виде варенья с уксусом, горячесть которого ослаблена...

Он полезен при всех холодных болях, при возбуждении ветров и вздутиях. В нем есть сила, вызывающая покраснение, а также способность сильно очищать... Он полезен при воспалении седалищного нерва и болях в суставах, так же как и его корень и листья в лекарственной повязке, и помогает от холодных болей и при разрыве мышц... В виде лекарства для слизывания с медом способствует отхаркиванию и очень хорошо действует, если его примешать к лекарствам для слизывания, очищающим грудь. Он принадлежит к средствам, бодрящим и укрепляющим сердце... Девясил, особенно египетский, помогает от укусов гадов». (т.1, с. 576).

«Утром на горы свой взор обрати, а под вечер — на воды», — советует «Салернский кодекс здоровья», составленный философом и врачом Арнольдом из Виллановы в начале XIV века. И действительно. Пользуясь первым маршрутом, мне очень нравилось сидеть на восточном краю «Плоскогорья» и смотреть на ослепительные,

лишь иногда прикрытые легкими облаками вершины гор — Большой Чингам, Тангет, Ау-Кашка... К вечеру глаза уставали, и я с удовольствием разглядывал нитку шоссе вниз, домики селения Сиджак и уютный зелено-голубой Пскем...

Отправляясь вторым маршрутом — в джунгли, — я обычно встречал ослов — то бредущих в одиночестве, то нагруженных огромными вязанками хвороста и сопровождаемых погонщиком. Однажды я увидел осла, привязанного у дороги. Я подошел к нему и погладил по голове. Непритязательному трудолюбивому животному это, по-видимому, так понравилось, что он прикрыл глаза, раздул непропорционально крупные ноздри и задышал так страстно, что из ноздрей на меня фонтанами полетели мелкие брызги. Я даже подумал, что он вот сейчас затынет свою известную песнь. Кстати, с близкого расстояния ослиный крик звучит совсем иначе, чем издали, и он совсем не глупый, он полон страсти. Вообще осел, на мой взгляд, не отвечает сложившемуся о нем представлению; он вовсе не глуп, он просто себе на уме. Помнится, встретился мне осел, так перегруженный хворостом, что было удивительно, как это он еще ноги переставляет. И ведь дорога была не из легких — не по равнине, а по горам! Так мне стало жалко этого бедного ослика, что, видимо, даже в глазах моих сочувствие ему отразилось. И что же вы думаете? Когда осел проходил мимо меня, он так из-под своей поклажи на меня посмотрел, что я чуть не расхохотался. В глазах его ни намек не было на усталость, а наоборот — такая ухмылка: чепуха, мол, ты думаешь, это для меня груз? Тот чудак, что сзади с хлыстом идет, мог бы еще столько же на меня нагрузить, да я нарочно с места на место переступал, чтобы сучья его разваливались. Ты меня не жалея, мне такое — раз плюнуть... Ведь и правда, о силе и выносливости ослов ходят легенды.

Вообще второй маршрут был очень романтичен, с тропическим оттенком — «джунгли»... Особенно мне нравилось слушать птиц. Я даже иволгу частенько видел, хотя обычно увидеть ее довольно трудно, иволги очень чутки. Красивая птица, типично тропическая на вид, хотя и залетает далеко на север. Самец — ярко-желтый, с черными крыльями, достаточно крупный. А кричит!.. Потрясающий контраст: то мелодичнейшее, глубокое, богатое оттенками контральто — Обухова, или Има Сумак, а то вдруг... стыдно сказать — душераздирающий крик мартовской кошки. Вот и заведи такое существо в доме, заставь развлекать гостей. Сначала очарует, прямо загипнотизирует, а потом... Все насмарку!

С точки зрения фотографии во втором маршруте были очень любопытны три вида жуков: майки, кравчики и скакуны. О майках я уже говорил — типичнейшие ископаемые, а если поискать другое

сравнение, то — чуть сплюснутые сверху вниз тяжелые темно-синие цистерны с капотом и кабинкой для водителя впереди. Этакие медленно ползающие обтекаемые рефрижераторы. Они без устали уничтожали молоденькие растеньица на дороге. Надо сказать, что получалось это у них прямо-таки виртуозно — чувствовалось знание дела. Именно этот данный им природой талант как раз и позволил людям отнести маек к разряду насекомых вредных. Кстати, маек не рекомендуется брать в руки, ибо по краям толстого брюшка из специальных отверстий у них тотчас же начинает течь желтая... кровь. Да, каждый защищается как может: ради сохранения спокойствия, а то и жизни майки готовы пожертвовать некоторым количеством крови. А кровь у них едкая. Она содержит ядовитое вещество — кантаридин. Попав на кожу, кантаридин вызывает ожоги и появление водянистых пузырей. Если же его ввести в кровь животного, то наступает расстройство дыхания и сердечной деятельности, что в тяжелых случаях может привести к смерти. Имея такое своеобразное средство защиты, майки могут спокойно ползать, не опасаясь врагов. Однако на каждый яд есть свое противоядие в природе. На отдельных животных — таких, как ежи и некоторые птицы, — яд маек не действует...

Личинки маек настолько не похожи на взрослых жуков, что первоначально они были описаны как особый отряд насекомых. У них узкое тело, крупная голова с хорошо развитыми челюстями, сильные ножки, имеющие по три коготка, и длинные хвостовые нити. Называют их триангулинами. Длина триангулина около одного миллиметра. Едва успев вывестись из яйца, триангулин ползет и быстро взбирается на ближайший цветок. Как только на цветок садится крылатое насекомое, личинка майки проворно цепляется за волоски на его теле. Если это насекомое пчела, то рано или поздно маленький пассажир попадает в улей, прямо в сотовую ячейку. Там он спокойно покидает пчелу и первым делом съедает яичко пчелы, которое плавает на поверхности меда. После этого он линяет и совершенно меняет внешность. Теперь это белая толстая личинка с короткими ногами и широкими, похожими на ложки челюстями, хорошо приспособленными для поедания меда. Когда с медом покончено, личинка еще раз линяет и превращается сначала в «ложную куколку», потом в толстую безногую личинку, которая, не питаясь, окукливается уже по-настоящему. Только после всех этих бесконечных превращений из куколки выходит полноценная майка-ископаемое. Зачем все так сложно? Какими лабиринтами шел эволюционный отбор, создавая толстого, медлительного жука, защищающегося от врагов ядовитой кровью, растящего свое потомство таким странным способом? Неужели нельзя попроще?..

Кравчики — симпатичнейшие жуки. Облик у них трогательно деловитый. Челюсти снабжены большими клещами, но сразу чувствуется, что клещи эти—орудие труда, а не убийства. И вечно кравчики куда-то деловито спешат, вид у них страшно занятой, а черная хитиновая спинка перепачкана землей. Даже походка у них хотя и быстрая, но слегка неуклюжая, вперевалочку. Хищники так не ходят! Так ходят лесорубы, землекопы, метростроевцы, только что поднявшиеся из-под земли. А кравчик и есть лесоруб и землекоп одновременно, можно даже сказать, что и метростроевец. Только строит он не метро, а подземный дом — для своих детей. Дом кравчика не так прост. Тоннель идет в глубину на метр, а то и больше. По сторонам его делается несколько комнат-ячеек. В этих ячейках семья кравчиков, самец и самка, заготавливает впрок витаминизированное питание — нагрызанные на кусочки и смоченные слюной листья растений. Страшно любопытно наблюдать кравчика за работой по заготовке. Вот он вылезает из своей норки (отверстие в земле диаметром около сантиметра), осматривается и деловито, вперевалочку двигается к кустику листового растения. Вот он лезет вверх по стволу или стеблю, бесстрашно карабкается по отходящей в сторону ветке, добирается до листа и начинает его по кусочкам отгрызать. Челюсти действуют как короткие ножницы. Отрезанные кусочки просто-напросто сыплются вниз. Решив, что сделано для одного захода достаточно, он тем же путем спускается на землю, быстро находит сброшенные кусочки листа и по одному затаскивает их в свою норку, смешно пятясь и неуклюже переставляя широко расставленные лапки. В конце концов даже большой кусок зеленого питательного материала окончательно скрывается под землей, хотя видно, каких усилий стоит это кравчику. Через некоторое время он выбирается из норы и, слегка пошатываясь от усталости, вновь направляется на заготовительный участок. Возможно, это мама, а возможно — папа, потому что оба родителя-кравчика участвуют в строительстве жилья для будущих детей и заготовке зеленой массы...

Когда корма, по мнению мамы, в ячейках достаточно, она откладывает в каждую ячейку по яичку и вместе с папой тщательно закупоривает вход в норку землей, чтобы силосом да и будущими детьми не могли воспользоваться непрошеные гости. В спрессованной зеленой массе каждой ячейки вскоре начинается брожение. Теперь это настоящий силос, настолько качественный, что нашим животноводкам не мешало бы у кравчиков поучиться. Как только силос готов, тут как раз из яичка выводится кравчиновая личинка и принимается за еду. Она очень быстро растет и уже через месяц становится взрослой. Окукливается тут же, в своих личных апартаментах,

и вскоре в ячейке появляется жук, который проводит в земле конец лета, осень, зиму, а весной вылезает на свет божий, находит себе друга сердца — сотрудника. И все начинается снова...

Если кравчик — типичный представитель мирной профессии, труженик и вегетарианец, то жук-скакун — прирожденный разбойник, убийца-рецидивист. Если на упомянутой мною пока еще не открытой планете беспозвоночных окажутся чудовища, подобные жукам-скакунам... Нет, такое лучше не воображать. Если у тебя, читатель, слабые нервы, то лучше пропусти сейчас несколько строчек, не читай. А если прочтешь ненароком, то постарайся поскорее забыть, а то вдруг приснится. Во-первых, у жука-скакуна безжалостно выпученные глаза и огромные челюсти. И если челюсти кравчика — орудие труда, то здесь... Природа даже не позаботилась о маскировке: челюсти скакуна — два кривых зазубренных кинжала, острых, как бритва, отливающих металлическим блеском. По малейшему желанию хозяина они широко раздвигаются, как два коварно изогнутых турецких ятагана, направленных остриями и лезвиями навстречу друг другу, и, как только между ними окажется нечто живое...

Нет, прежде чем выходить из ракеты, космонавтам нужно будет как следует выяснить, какие именно животные бегают и бродят вокруг. Причем в достаточно большом радиусе, потому что... Видите ли, этот наш жук-скакун из подотряда плотоядных, семейства жужелиц в земных условиях достигает в длину всего-навсего полутора сантиметров. Но он бегает с такой жуткой скоростью, что если бы мы попытались вычислить его не абсолютную, а относительную скорость, то есть количество длин собственного тела, которое он пробегает за единицу времени, то пришли бы к ошеломляющему результату. Если бы, став размером, например, с собаку, это чудовище сохранило свои двигательные способности, то оно бегало бы со скоростью, приближающейся к скорости звука! Причем на этой скорости жук-скакун не только не наталкивается на препятствия, но прекрасно маневрирует и хватает ятаганами подвернувшуюся ему козлявку с удивительным хладнокровием и мастерством! Больше того: жук-скакун может прыгать, пользуясь своими великолепными крыльями, и, конечно, летать. Всякое сопротивление бесполезно... Ученые считают, что, приобретая крупные размеры, животное лишается своих умопомрачительных двигательных возможностей, ибо крупные мышцы не могут действовать столь же молниеносно. Для современных земных условий это действительно так. К счастью. Говорят, что и на других планетах этот закон, по-видимому, должен быть в силе. Будем надеяться...

Пойдя третьим маршрутом — через Кайнар-сай, — на противо-

положную сторону долины, на травянистый, лишь кое-где поросший деревьями и кустарником южный склон — в «саванну», — я как-то часа два потратил на то, чтобы сфотографировать ксилокопу. Помните черно-синюю невиданно огромную пчелу, дремавшую в цветах термопсиса, когда мы с Шафкатом Камаловым вышли вечером на прогулку в день приезда? Так вот, это была ксилокопа. Другое ее название — пчела-плотник. Ибо она помещает свое потомство в ячейках, которые выгрызает в пнях и мертвых деревьях. А питается нектаром и очень любит собирать его на цветах термопсиса. При чем собирает она его, надо сказать, довольно варварски: без церемоний вгрызается сбоку в цветочную стенку — и пьет себе! Цветок вряд ли чувствует боль (хотя некоторые ученые считают, что растения чувствуют, были опыты, подтверждающие это), но получается так, что ксилокопа — бессовестный жулик. Ведь растения с удовольствием предоставляют свой нектар тем, кто их опыляет, — всевозможным пчелам, бабочкам, шмелям, осам, некоторым жукам. И если насекомое ведет себя по отношению к цветку воспитанно и благородно, то есть пьет нектар так, как полагается, с парадного, так сказать, хода, суя свой хоботок в открытый венчик, то оно по пути всегда задевает органы размножения цветка, тычинки и пестики, и пыльца с тычинок прилипает к волоскам на теле насекомого, а пыльца с волосков в свою очередь прилипает к пестикам... Прилипшая к пестичку микроскопическая пылинка пыльцы затем прорастет, мужская половая клетка соединится с женской, и образуется завязь — зародыш будущего семени. Что и требовалось... А ксилокопа как поступает? Заходя не с парадного хода, а жульнически, сквозь стенку, она ворует нектар, словно взломщик, не дотрагиваясь ни до пестиков, ни до тычинок! Справедливо это? Нет. Почему она так поступает? Я думал — потому, что хоботок у нее слишком короткий и она не может достать нектар термопсиса, скрытый в глубине цветка. Но оказывается, длина хоботка у нее достаточная. Так почему же? Может быть, из-за лени?..

Похоже, ксилокопа чувствует, что поступает бессовестно, потому что она очень чутка — не в пример шмелям, пчелам и прочим сознательным, — и я долго пытался поймать ее в свой видеоискатель. Внешне она все-таки очень эффектна — не черно-синяя, а скорее черно-фиолетовая (по-латыни она так и названа «ксилокопа виолаксия», то есть фиолетовая), с темно-бурыми на просвет крыльями, отливающими удивительной неоновой голубизной. Летает с мощным, внушительным гудом и, говорят, больно жалит — я, правда, не испытывал и, честно говоря, не очень жалею...

Кстати, о термопсисе. Хотя он и является, судя по Большой советской энциклопедии, карантинным сорняком, то есть очень опасным,

однако именно из него делаются аптечные таблетки от кашля. Кроме того, он служит заменителем импортной ипекакуаны (рвотный корень) и идет на приготовление лекарства пахикарпин. В народной медицине отвар травы термопсиса применялся при лечении катара верхних дыхательных путей, гриппа, бронхита, воспаления легких, а также при головных болях.

*Ядовитые жуки-нарывники
на цветах астрагала.*

Астрагал Сиверса, названный так в честь ученого, его открывшего, — крупное травянистое растение с высоким, почти в рост человека, стеблем и великолепными разрезными дольчатыми листьями, похожими на листья желтой акации, только подлиннее. И стебель и листья покрыты нежными густыми волосками, так что если вдруг астрагал окажется перед вами против света, то он как бы весь светится. Вы, наверное, уже обратили внимание, что очень многие растения здесь покрыты волосками. Это не случайно. Дело в том, что волоски препятствуют испарению влаги, а так как в летний период климат здесь довольно засушливый, растения таким образом приспособливаются к засухе. В мае весь стебель астрагала Сиверса усыпан довольно крупными желтыми цветами, также очень напоминающими цветы желтой акации, только крупнее. И уж цветы особенно — так и нежатся в шелковистом белом меху. Красивое растение и полезное — кормовое, обладающее, по словам лауреата премии имени Бируни А.Я. Буткова, большой питательностью.

Но вот беда. Цветы астрагала Сиверса, вернее основные части

их — пестики и тычинки, — излюбленное кушанье нарывников рода Милябрис, желтоватых, с черными пятнами. А жуки-нарывники для скота ядовиты, что понятно уже из их названия. Нарывники — потому что вещество, содержащееся в их крови, то же, что и в крови жуков-маек, кантаридин. Он может вызвать у людей и животных не только воспаления, но даже смерть...

Вот пример задачи, стоящей одновременно перед ботаниками, энтомологами и животноводами. Астрагал Сиверса — растение, нужное скоту, задача ботаников — распространить его на местах выгона, энтомологам же надо придумать что-то, чтобы избавиться от нарывников, не нарушая в то же время природного равновесия. Травить нарывников химическими веществами? Рискованная, очень опасная затея, ибо может привести к самому плачевному результату, уничтожив заодно и полезных насекомых, например пчел. Поискать в природе естественных врагов нарывника, а затем каким-то образом распространить их? Это ближе к желаемому, но и здесь — куча проблем, потому что враги нарывника могут оказаться врагами и еще каких-нибудь насекомых или растений. Но и это не все. Дело в том, что сами нарывники... В общем, когда они жуки — они вредны. А вот их личинки приносят пользу, потому что живут в «кубышках» саранчи и поедают саранчовые яйца. Ведь известно, что саранча — всем вредителям вредитель! Уничтожим нарывников — а ну как саранча расплодится? Между прочим, сам знаменитый А.Я. Брем, автор «Жизни животных», считал нарывников полезными в сельском хозяйстве.

Так что проблем тьма. Иногда решение задачи кроется в совершенно новом подходе к теме — ну, например, не гонять скот в места произрастания астрагала Сиверса, а заготавливать растения на силос, причем не в период цветения, а раньше, когда нарывники не выросли еще и не облепляют цветов в таком количестве. Но, как считает А.Я. Бутков, именно в период цветения астрагал как раз очень ценен, а потому если это и решение, то, вероятно, не самое лучшее. Я заметил, например, что нарывники усеивают цветы астрагала далеко не всегда. Так, может быть, изучение циклов их жизни поможет? Александр Яковлевич согласился, что над этим стоит подумать...

Впервые увидев оносу на краю небольшого оползневого обрывчика, я невольно улыбнулся. Ну как будто праздничными незатейливыми фестончиками — простенько, но со вкусом — украшен небольшой, в полметра высоты, круглый кустик. А сами фестончики — этаких райских расцветок: белые и розовые. И весь этот фестивальный кустик серебрится из-за все тех же длинных шелковистых волосков, щедро покрывающих стебли и листья. Местные жители, осо-

бенно дети, любят высасывать сладкий нектар из ее цветочков — так же как у нас делается это с глухой крапивой. Волоски оносы особенно длинные и мягки — даже по сравнению с астрагалом Сиверса. Поэтому фотографии ее цветов вместе со стеблем и листьями против солнца получаются очень эффектными...

Прощание с западным Тянь-Шанем

Конечно, можно было бы еще рассказать про то, как в честь приезда сотрудников Александра Яковлевича за длинным деревянным столом под вековым ореховым деревом состоялся праздничный ужин и мы все коллективно ели «бешбармак по-кайнарсайски» — лапшу с кусками баранины. «Бешбармак» — это значит «пять пальцев», что указывает на способ еды. Огромная сковорода с жирным месивом, и каждый из трапезничающих запускает пальцы в свой сектор... Мне, не сжившемуся еще с узбекскими обычаями, было трудно преодолеть некоторую скованность, а Мирсаат, желая подбодрить меня, подсовывал в мой сектор особенно аппетитные, с его точки зрения, куски мяса, причем делал это, несомненно, от всей души, предварительно до блеска облизав свои пальцы...

Можно было бы поведать и о беседах с Александром Яковлевичем, не касающихся грецкого ореха, но затрагивающих не менее лю-

бопытные темы. Ну, например, его рассказ о полозах, которые в одно прекрасное время вдруг наводнили территорию стационара и попадались даже под кроватями в домиках, к ужасу приезжих лаборанток. А причина оказалась простой и совершенно естественной: перед нашествием полозов на стационаре завелись крысы. Исчезли крысы — исчезли и полозы, что великолепно иллюстрирует причинную взаимосвязь в природе.

Приятно вспомнить и ясную прохладную лунную ночь, когда мы с Мирсаатом и его молчаливой женой ходили в дом их дочери — за молоком. Я был поражен, увидев настоящий азиатский дом изнутри: прямоугольник глиняных стен, этакая глиняная крепость, а внутри — утоптанная земляная площадка, дворик. Посредине дворика — просторное глинобитное возвышение: одновременно и обеденный стол, и сиденье для гостей, и манеж для маленьких детей. Часть возвышения покрыта кошмой. Те, что сидят с краю, могут опустить ноги на землю, те же, кто забрался на возвышение, восседают по-турецки или возлежат по-древнеримски. В центр кошмы хозяйка положила стопку больших круглых лепешек. Хотя было ясно, что мы не съедим больше одной (лепешки не режут, а рвут или ломают на части), однако стопка была положена, как видно, с той целью, чтобы гости не думали, что, трапезничая, они оставляют хозяев без хлеба. За спинами возлежащих, занимая оставшуюся часть возвышения, высился частокол обыкновенного ясельного манежа, сейчас пустующего, потому что в этот поздний час дети спали.

При свете электрической лампы над нами я мог разглядеть также, что вокруг дворика, вдоль стен, располагаются собственно помещения дома. С одной стороны, двухэтажные полаты, покрытые кошмами и ватными одеялами, между прочим, на вид довольно уютные. С другой — выстроенная в один ряд мебель: вполне современные шкафы, тумбочки и даже сервант с зеркалами. С третьей — закрытый хлев для коровы, чье молоко мы как раз пили. С четвертой — еще какое-то помещение, назначение которого мне открылось чуть позже. Когда мы заканчивали трапезу и собрались уходить, раздался громкий стук в ворота глиняной крепости и во двор пожаловал сначала озабоченный молчаливый осел, а за ним — веселый громкоголосый мужчина, явно подвыпивший, давно не бритый, с одним единственным передним зубом, лихо торчащим во рту ни к селу ни к городу. Осел тотчас же деловито направился в то самое помещение, назначение которого я не мог сразу определить, — это оказался его личный загон, — а мужчина своим громким голосом разбудил детей и, наверное, полчаса с оглушительным хохотом рассказывал что-то Мирсаату по-узбекски. Как потом выяснилось, мужчина был сват Мирсаата, отец мужа его дочери, и только что вернулся из да-

лекой деловой поездки. Помню, меня удивил контраст между этим грубоватым весельчаком, хозяином дома, и дочерью Мирсаата, его невесткой, — очень женственной, мягкой, с врожденной грацией и, как мне показалось, тонкостью чувств. Как они уживаются вместе?

На обратном пути под яркой луной Мирсаат рассказывал, как здесь, в Узбекистане, жители занимаются выведением коконов тутового шелкопряда на дому. Для этого на специальном пункте можно получить несколько граммов микроскопических гусеничек, недавно вылупившихся из яиц. В нескольких граммах — тысячи крошечных червячков. Их помещают на деревянный или картонный лист в отапливаемом помещении, где температура не должна сильно отклоняться от двадцати пяти градусов Цельсия. Вместе с гусеничками на лист высыпают мелко нарезанные листья тутовника. Днем и ночью неутомимые червячки поедают тутовник, быстро растут, и через месяц их общий живой вес измеряется уже килограммами. Проходит около полутора месяцев, и крупные гусеницы плетут коконы-домики, в которых окукливаются. Тут надо не прозевать и вовремя сдать коконы на приемный пункт, пока не вывелись бабочки.

— А что делают с коконами, Мирсаат? — спросил я.

— А варят. Кукла подохнет — тогда можно кокон разматывать. А если варить не будешь, бабка большая вылезет и кокон прогрызет, испортит...

Конечно, можно было бы еще многое рассказать... Но хватит. Нельзя забывать, что ждет ведь экспедиционная машина в Ташкенте у ворот Музея природы. И хотя я не думал, что уедут без меня, но все же надо вернуться в обещанный день. Да ведь и тугай на Сырдарье, того и гляди, отцветут...

И на седьмой день своего пребывания в горах Западного Тянь-Шаня собрался я из стационара уезжать.

С утра полил нудный обложной дождь — точно такой, как в день моего приезда. Я никак не мог понять, что это означает. Небо над Тянь-Шанем тогда плакало от радости, а теперь — от горечи расставания? Или наоборот?.. До обеда дождь так и не кончился. Все же я решил ехать.

Вскоре меня подобрала машина с крытым кузовом и довезла до самой остановки автобуса. В Ташкенте с утра тоже был дождь, но к моему приезду солнышко уже подсушило улицы.

Счастливый, полный энтузиазма, готовый к немедленному отъезду на Сырдарью, я вошел в музей, к Георгию Федоровичу, успев, правда, удивиться, что у ворот не стоит никакой машины. Поздоровался и, утирая дорожную грязь с лица, энергично спросил:

— Завтра едем? С утра?

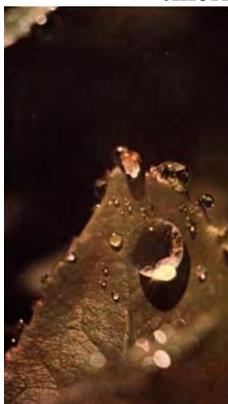
Георгий Федорович лишь мельком глянул на меня, отвернулся

к окну и неестественно тихим голосом невнятно проговорил:

— Понимаете, Розмарин... кузов еще не поставил. Болтов не хватает. Дней пять еще...

листья роз после дождя

Ожидание

И опять ташкентская жара обволокла меня, словно душное ватное одеяло.

В медресе Кукельдаш на этот раз были заняты все до одной кельи. В знакомом мне ранее пустынном и мрачном дворе теперь играла современная музыка и царило совсем не монашеское оживление.

Я поселился у Георгия Федоровича.

Маленький одноэтажный каменный домик его стоял на очень уютном участке за сплошным деревянным забором, а сам участок располагался на живописной старой улице Ташкента, не постра-

давшей во время недавнего землетрясения. По обеим сторонам улицы были проложены узкие каменные арыки, по которым текла мутноватая теплая вода, а над арыками, создавая сплошную тень, выросли мощные, полные жизни деревья — тополя, каштаны, адамово дерево и чрезвычайно оригинальная трехколючковая гледичия. Не только ветви и веточки гледичии были снабжены острейшими шипами, но, самое интересное, — весь ствол начиная приблизительно с двухметровой высоты. Шипы на стволе были прямо-таки царственные — до полуметра длиной, причем ветвистые, в виде елочек: на большом «отцовском» шипе торчали в разные стороны шипы поменьше — «дети», а на некоторых из них прорезывались совсем уж крохотные шипики — «внуки». Путаница, хаос, просто разгул колючести, и было странно смотреть на это большое, сильное дерево. От кого оно пытается так отчаянно защититься? Неужели эти столь интенсивные оборонительные меры чем-то оправданы?

Адамово дерево замечательно своими большими листьями — круглыми, как у липы, только значительно более крупными, — и красивыми яркими, удивительно сильно и приятно пахнущими цветами.

Полноправным членом семьи начальника экспедиции был Полкан — молодая стройная овчарка мужского пола. Он обладал несколькими заметными привычками. Ну, например, ни с того ни с сего начинал носиться по периметру участка с необычайно серьезным видом, как будто это занятие входило в программу его жизни — такая важная процедура, нечто вроде человеческого бега трусцой во имя здоровья. Возможно, правда, что он в этот момент воображал себя спортсменом-олимпийцем, которому необходимо соблюдать спортивную форму — год-то предолимпийский, приближается Олимпиада в Мюнхене... Частенько Полкан подходил к калитке, наклонял голову и долго, упорно высматривал кого-то в щели забора. Наконец, когда этот ожидаемый «кто-то» появлялся — чаще всего это бывал мотоцикл, — Полкан принимался отчаянно и звонко лаять и опротягу бежал вдоль сплошного забора до угла участка, где была другая пограничная щель. Полаяв и побесившись еще некоторое время, Полкан умолкал и внимательно вглядывался в пространство за щелью. Когда же потенциальный агрессор или же просто действующий ему на нервы двухколесный драндулет скрывался, Полкан оглядывался на нас с видом победителя и, скромно помахивая хвостом, подходил к столу...

В жару излюбленным занятием Полкана было лежать на спине в совершенно несобачьей позе — раскинув в стороны задние лапы и сложив на груди передние — и в таком виде спать, а иногда во сне еще и храпеть. Или чихать, если на его мокрый нос осмеливалось

садиться какое-нибудь неосторожное насекомое... Полкан страшно не любил слова «палка». Стоило Георгию Федоровичу сказать это слово и взять в руки хотя бы карандаш, хотя бы даже просто спичку, как Полкан, с уважением покосившись на этот предмет, опускал голову и виновато вилял хвостом... Играть он любил больше всего на свете. И при этом совершенно забывался, считая, как видно, что костюм человеческий так же легко чистится, как гладкая серая собачья шерсть.

Трижды выезжал я на автобусе в пригороды Ташкента — на север, на восток и на юг — и, преодолевая жару, фотографировал там на солнце своих любимых членистоногих. Долго ждать всегда плохо, но если не падать духом и найти себе какое-нибудь занятие, то ожидание может стать вполне сносным.

Так у меня появились фотографии:

– акриды — оригинального саранчового с удлинённой каплеобразной головой (ее портрет напоминал портрет дистрофика-гиппопотама);

– сколии — самой крупной на территории Советского Союза представительницы отряда перепончатокрылых, страшной своими размерами, но фактически безобидной, обладающей маленьким, слабым жалом и приносящей даже пользу в лесном хозяйстве, так как ее личинки паразитируют на личинках вредного для деревьев жука-носорога;

– красного с черными точками нарывника-калида, похожего на толстого важного кардинала из какого-то иностранного фильма; жука-листоеда, как бы целиком отлитого из зеленого металла.

Этот последний был особенно великолепен — просто ошеломляющая окраска; странно было видеть, что он не металлический, а живой! И здесь, наверное, уместно будет сказать, что этот «металл» — так же как прочный панцирь других всевозможных жуков, кобылок, кузнечиков, медведок и многих других насекомых, — эта мощная «броня» совсем не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Научное название «брони» — «кутикула», что в переводе с латыни означает «кожица». Эта «кожица», однако, не только предохраняет тело насекомого от внешних воздействий, но и заменяет костный скелет, так как специальные участки ее служат для прикрепления мускулатуры. Чаще всего основная составная часть кутикулы — хитин, высокомолекулярное азотистое соединение, не растворимое ни в воде, ни в спиртах, ни также в эфире, ксилоле и других органических растворителях. Даже слабые кислоты не действуют на хитин, а желудки птиц и млекопитающих не переваривают его. Правда, хитин — не единственная составная часть кутикулы насекомых,

в «латах» кузнечика его всего лишь двадцать процентов, но этого вполне хватает. «Броня» кутикулы состоит из трех характерных слоев, каждый из которых играет определенную роль. Самый толстый, внутренний слой — эндокутикула — имеет сложное пластинчато-волоконистое строение, чем напоминает творение человеческих рук — фанеру. «Фанера» эндокутикулы весьма совершенна, так как ее слои могут скользить один по другому, облегчая сгибание и растягивание. Средний слой — экзокутикула — значительно тоньше, но более прочен и гибок. Именно в нем содержится красящий пигмент, от которого зависит окраска насекомого, играющая столь важную роль в его жизни. Наружный и самый тонкий слой (иногда тоньше микрона) — эпикутикула, — жироподобный, воскообразный, также чрезвычайно важен, так как регулирует воздушную и водную проницаемость панциря, что имеет особенное значение в пустынных районах, где к таким печальным последствиям может привести чрезмерная потеря воды...

Зелёный листоед

Часть II. Луна над пустыней.

Дорога

Трудно в это поверить, но мы, кажется, едем. Машина мчится по гладкому и прямому шоссе. Так мы доедем до селения Дарбаза, что в переводе означает «ворота». Для нас это и правда будут ворота, потому что от Дарбазы мы свернем прямо в пустыню. До стоянки на Сырдарье останется 150 километров, причем по пути не встретится ни одного селения.

Мы пересекли речку Келес, на берегах которой я фотографировал листоеда и нарывника калида, миновали курорт Сары-Агач — здешние Минводы, — и с пышной, хотя и пыльной приташкентской растительностью, кажется, покончено. Начались адыры — степные

бугры, предгорья. Ранней весной они похожи на пестрые волнистые ковры; сочная зеленая трава, ярко-алые и желтоватые тюльпаны Грейга (самые крупные из диких тюльпанов), крокусы, а следом за ними, в конце апреля, — фиолетовые поля малькольмии, желтые пятна пажитника и красные разливы маков. Сейчас, после месячной обработки безжалостным майским солнцем, адыры напоминают растеленную кое-как светло-бурую шкуру огромного животного...

С утра мы занимались погрузкой машины. Правда, Розамат пригнал ее не к семи часам, как обещал, а часа на полтора позже, и мы с Георгием Федоровичем начали уже тревожно переглядываться. Однако вот машина появилась в воротах музея — голубая, свежешокрашенная, как новенькая, — и это был миг всеобщего ликования. На лице Розамата прочно утвердилось хозяйское, полное достоинства выражение — чувствовалось, что он здесь сейчас самый необходимый человек. Мы очень тщательно, проявляя незаурядную изобретательность, уложили в фургоне гору вещей, расположив их самым рациональным образом: чтобы они не помялись, чтобы было где троим сидеть, чтобы сорокалитровый молочный бидон с ташкентской водой не падал, а вода не выплескивалась. Мы были довольны своей укладкой, мы думали, что вещи так и будут лежать до самой Сырдарьи...

Сотрудники музея проводили нас добрыми напутствиями, пришел лично сам директор, Оскар Хайдарович, и позволил себе тепло улыбнуться на прощанье и даже пожать нам руки. Теперь это все позади. Впереди — Дарбаза, а за «воротами» — пустыня, полная неизвестности. Георгий Федорович заверил меня, что обычно они довольно быстро находят дорогу к своей стоянке, хотя с ориентирами в пустыне — сами понимаете...

Нас пятеро. В кабине — Георгий Федорович с Розаматом, в кузове — Сабир, Хайрулла и я. Чуть позже я вам представлю каждого персонально, а пока давайте смотреть в окно, прорезанное в стенке коробки как раз над крышей кабины.

Я сказал, что машина мчится? Это неверно. Точнее будет сказать, что она едва катится. Навстречу ползет лента асфальта. То ли Розамат плохо отремонтировал машину, то ли он потому едет так медленно, что боится растрясти вещи. И Сабир, который в прошлом году ездил в такую же экспедицию, гадает: если Розмарин по шоссе едет так медленно, то как же он будет тащиться там?

— А что там, очень плохая дорога? — осторожно интересуюсь я.

— Плохая не плохая, а если вещи нас не завалят, то хорошо. Пыли поглотать придется, — сверкая узкими глазами за стеклами очков, отвечает Сабир.

Вскоре выясняется, что наш фургон закреплен на раме всего

лишь одним болтом. Так по секрету сказал Розамат самому молодому участнику экспедиции Хайрулле. Узнав эту пикантную новость, Сабир ругается по русско-узбекски, я же, как обычно, верю в светлое будущее.

А по обе стороны дороги, насколько хватает глаз, тянутся адыры. В Средней Азии вообще, а в адырах в частности водится очень много насекомых. Трудно себе представить, что они делают летом, в этакую жару и сушь. Ни одной свежей травинки! Видимо, они пьют росу по утрам (ночи здесь, как известно, прохладные), едят корешки, сухие остатки растений, листья ксерофитов, колючки. А самое главное — охотятся друг за другом. Ведь только некоторые из них вегетарианцы, большинство же, конечно, хищники. Хищники поедают вегетарианцев или других хищников, которые, в свою очередь, закусывают вегетарианцами. Без вегетарианцев не обойтись. Как не обойтись без растений, на которых стоит пирамида жизни. Ибо только они и умеют улавливать солнечный свет, переводя его в химическую энергию жизни. «Первичные продуценты» — вот как называются растения поэтому. Но в том-то и дело, что растительности летом в адырах не густо. И все же они кишат жизнью.

Насекомых и паукообразных здесь, судя по книгам, тьма. Самые крупные членистоногие охотники достигают в длину сантиметров двенадцати, если с ногами. Это фаланги. Хватает и пресмыкающихся — змей, ящериц, агам, черепах. Есть птицы — степной жаворонок, полевой жаворонок, в оврагах гнездятся сизоворонки, щурки, сизый голубь, пустельга, залетают на охоту стервятники, черные грифы, пустынный ворон.

Из млекопитающих, по словам Георгия Федоровича, встречаются лисица караганка, желтый суслик, слепушенка, даже барсук и динокобраз. А с растительностью не густо. Просто поразительно. Чем же все-таки питаются жертвы хищников — вегетарианцы?

Да что адыры. Адыры — рай. В самых жарких и сухих местах земного шара — Долине Смерти (США) и пустынях Ливии и Аравии, в Сахаре, — там, где, кажется, все живое давно уничтожено палящими солнечными лучами, существует, оказывается, довольно разнообразная жизнь. После большого дождя, который бывает раз в десятилетие, мертвые пески оживают и покрываются множеством цветущих растений. Значит, семена сохранили всхожесть, несмотря на смертельно высокую температуру песка.

Вообще приспособляемость растений поразительна! Существуют сине-зеленые водоросли, выдерживающие нагревание до 85 °С — почти кипятка, а семена некоторых растений способны сохранять всхожесть после охлаждения до минус 270 °С — настоящий космический холод, без трех градусов абсолютный нуль. В воде гейзеров

Камчатки, имеющей температуру 80 °С, прекрасно себя чувствуют личинки комаров. На снегу в тундре весной можно встретить ледничников — крошечных насекомых из отряда скорпионниц. Один паук был пойман в Гималаях на высоте 7300 метров над уровнем моря, среди мертвых заснеженных скал, где нет никаких растений. Даже в глубоких пещерах, куда никогда не проникает свет, обитают представители нескольких типов и классов животных — саламандры, раки, рыбы, жуки-слепыши, так называемые «ненастоящие» кузнечики, губоногие, сенокосцы, клещи, пауки. Вся жизнь — в полном мраке, и все-таки, несмотря ни на что — в полном смысле слова «не смотря ни на что»: глаз-то нет, — жизнь!

Известно, что без энергии Солнца ничто живое на Земле существовать не может. Каким же образом получают энергию Солнца жители абсолютно темных пещер? А очень просто. Солнечная энергия приходит к ним в виде помета летучих мышей и птиц гуахаро, а также частиц растений, приносимых сточными водами...

А полярные животные? Ведь это только представить себе жизнь императорских пингвинов на Земле Адели в Антарктиде, где ветер достигает 70 метров в секунду при температуре от 10 до 30 градусов ниже нуля! По заключению специалистов, мороз в 30 градусов при таком ветре равносильен морозу в 180 градусов при штиле! Подсчитано, что за год через каждый квадратный метр поверхности ветер перевевает до 20.000 тонн снега... И все же колонии императорских пингвинов процветают, а как раз в самое суровое время года странные птицы принимаются насиживать яйца. Я как-то разговаривал с человеком, прожившим год в Антарктиде. Он удивлялся тому, что колонии пингвинов зимой собираются в местах не только никак не защищенных от ветра (впрочем, спрятаться от ветра там почти невозможно), но еще и удаленных от места питания — берега океана. Чтобы поест, пингвин совершает вояж в несколько десятков, а то и сотен километров. Наедается сам и приносит в зобу рыбу детенышам. Почему колония не перемещается к берегу, остается загадкой.

Но больше всего поражает другое. Известно, что все во Вселенной стремится к дезорганизации, нивелированию — так называемое свойство энтропии. Горы медленно разрушаются и сравниваются с землей, русла рек размываются, камни стареют и крошатся, Солнце остывает. И тут же, в противовес и вопреки бесконечному разрушению, — жизнь. Сверхорганизация. Постоянное совершенствование. Непрерывное усложнение. Одна живая клетка уже чего стоит, а — организмы? А человек? А человечество со все растущим техническим прогрессом? Откуда это все? Что движет сверхорганизацией жизни, почему эволюция направлена, отчего организмы не упрощаются, а, наоборот, усложняются, чем все это вызвано, для чего?..

Дарбаза. Несчастных 60 или 70 километров от Ташкента мы протащились за два часа.

— Почему ты так медленно ехал, Розамат?

— Тише едешь — дальше будешь! Фургон отвалится, нельзя. Ладна, если хотите, быстрее ехать буду.

И вот... О, этот торжественный миг! Шоссе тянется дальше, а наша машина, наш родной голубой фургон медленно сворачивает налево и, переваливаясь с боку на бок, ползет по разъезженной, высушенной солнцем дороге. Кузов немедленно наполняется типично среднеазиатской пылью — мелкой, горьковатой на вкус. Иногда что-то хрустит на зубах.

Пёстрый ковёр пустыни

С цивилизацией покончено, впереди — так называемые Приташкентские чули (сухие степи и пустыни, глинистые и песчаные), и где-то там среди них затерялась первая по длине и вторая по полноводности река Средней Азии — Сырдарья. «Дарья» — «река», «сыр-ра» — «тайна». Таинственная река.

Розамат выполнил свое обещание. Машина вдруг дернулась, взвыла, а в нашем фургоне началось такое... Если на первых метрах пустынной дороги вещи, аккуратно и рационально уложенные, всего-навсего угрожающе елозили и шуршали, то теперь... Запрыгал и принялся стрелять фонтанами бидон с водой, поползли вниз части палатки, выскочил откуда-то топор и принялся скакать по всем ос-

тальным вещам, и уж совсем шальную возню затеяли чурбачки, досочки, коряжки, которые мы аккуратно сложили в заднем конце кузова, чтобы было чем растапливать костер в тугаях. У каждого из нас всего две руки, а надо удержаться самому, сидя на ящике, который ходит ходуном, да еще придержать какую-нибудь особенно прыткую из вещей, да еще уберечь ноги, чтобы на них не свалилось что-нибудь слишком увесистое. Сабир ругается сразу на двух языках, сдержанный Хайрулла, который до сих пор молчал и только приветливо улыбался, и тот произнес несколько междометий. Ну, в общем, настоящая дорога началась.

Это пока еще не пустыня, скорее — полупустыня или очень сухая степь, но резкую границу провести невозможно. Пыль, жара, бесконечность горизонта, свободно разгуливает ветер, колыша кустики полыни, мятлика, пустынной осоки...

Мы останавливаемся на обед в ослепительном бескрайнем пространстве, у небольшого холма. Выпрыгиваем из фургона. Стих мотор, оседает пыль. Сильный сухой и горячий ветер, резко пахнущий полынью, душистой ромашкой, зизифорой. Зизифора — трава с мелкими листиками и необычайно приятным мятным запахом, сохраняющимся надолго... Внезапно вокруг машины начинают мелькать какие-то темные хлопья. Бабочки-сатиры! Крупные, черные, они слетелись во множестве, садятся на капот, на баллоны, ныряют под колеса — в тень. Что им нужно? Вода? Или возможность хоть немного побыть в тени? Температура на солнце наверняка выше пятидесяти градусов, разогретые бабочки мелькают с быстротой пули — трудно и уследить, — чувства их обострены, близко подойти и сфотографировать невозможно. Мы с Георгием Федоровичем поднимаемся на холм. От сухости ветра начинают слипаться ноздри, перехватывает дыхание, глаза режет от света.

— Посмотрите, какая кобылка, — говорит Георгий Федорович, показывая пальцем на землю.

Я смотрю и сначала ничего не вижу, кроме комочков глины.

— Ну вон же она, вон! — Георгий Федорович тычет пальцем в ко-

мочки. — Пустынная кобылка. Пезотметис.

Боже мой! Вот это действительно колорит! Совершенно немислимая бесформенная голова и головогрудь, как будто бы небрежно слепленные из глины, — ну просто живой глиняный комок со сложенными крыльями. И еще похожа на египетского сфинкса. И крупная! Я осторожно беру сфинкса за крылья и несу к машине — потом сфотографирую как следует...

— Да бросьте вы! — говорит Георгий Федорович. — Будут еще и не такие...

От его слов у меня сладко тает сердце, но кобылку я все же сажаю в коробочку из-под пленки.

Наскоро поев, мы едем дальше. Впереди больше половины пути, а время давно перевалило за полдень.

Асса-фетида летом

Остановка Кырк-Кудук, что по-казахски означает «сорок колодцев». Да, теперь по-казахски, потому что мы въехали на территорию Казахстана. Жара, однако, тут ничуть не меньшая, чем в Узбекистане, дует такой же сухой и горячий ветер. Представьте себе совершенно ровную на много километров поверхность земли, вернее — высохшей глины, покрытую очень низкой и жесткой зеленовато-серой растительностью. Этаким шершавый, а кое-где колючий бескрайний половик — грубая и короткая шерсть Земли, исполосованная желтыми линиями дорог. Это сухая степь. Чуль. Ни с того ни с сего посреди нее — толстостенная, то ли глиняная, то ли цементная коробочка с выступом. Над выступом торчит обыкновенный бензодвигатель со шкивом и рукояткой. От мотора вниз, в бетонную трубу, спускаются два матерчатых ремня. Это и есть Кырк-Кудук, спасение овцеводов. Мотор заправляется бензином, включается зажигание, ремни, а вернее — один кольцевой бесконечный ремень, начинает двигаться, нижняя его часть, достигающая слоя подпочвенных вод,

намокает и ползет вверх, где специальная скоба выжимает из нее воду, стекающую в цементный бассейн колодца по желобу. Люди пьют из верхней части бассейна, овцы, лошади и верблюды — из нижней. Вода горьковато-солонватая и, конечно, теплая. Но пить можно.

Кырк-Кудук, по словам Сабира, — половина пути, если считать не от Дарбазы, а от Ташкента. Грузовик катится уже по настоящей пустыне. Весной глинистая пустыня тоже напоминает пестрый ковер, а сейчас поверхность ее скорее похожа на войлок. Зеленовато-серый, буро-серый, буровато-зеленый — низкорослые ксерофиты. Местами, правда, поднимаются более высокие травы — полынь, солянка, ферула. Только ферула совсем не такая, как в горах Западного Тянь-Шаня. Асса-фетида. В конце мая она уже совершенно сухая — живописные скелеты ее похожи на карликовые взрослые деревца с довольно толстым стволом и округлой кроной. Запах полыни очень резкий, пряный. Когда стихает мотор машины, слышен громкий, монотонный, несмолкаемый стрекот цикад...

Вещи внутри фургона окончательно завоевали самостоятельность, перознакомились друг с другом и улеглись, как им хотелось. Мы с Хайруллой и Сабиром признали их право на независимость и энтропию и следили только за тем, чтобы не опрокинулся бидон с ташкентской водой. Пыль, щедро набившаяся везде, где только можно, и весело пляшущая над хаосом экспедиционного багажа, создает очень осязаемый эффект присутствия в безводных степях Средней Азии. Сабир перестал ругаться, а улыбка Хайруллы сползла с серого от пыли лица, а если и появляется иногда в ответ на чью-нибудь шутку, то представляет собой бледное подобие прежней...

Тем не менее мы приближаемся к Сырдарье. Правда, пока ничто не свидетельствует о ее приближении, хотя Сабир и говорит, что мы, скорее всего, едем в правильном направлении. Наконец далеко на горизонте показываются электрические столбы — этакое растянутое многогочие из тоненьких палочек. Далеко за столбами — зеленая полоска.

— Вот они! Вот они! — волнуясь, кричит Сабир. — Тугай, роденькие... Сырдарья! Рыбку ловить будем... Жора! Тугай видно, Жора!

Боже мой, тугай! Загадочные сырдарьинские тугай, встречи с которыми я ждал так долго. Неужели мы наконец приближаемся к ним?

Не буду подробно описывать, как от столбов Розамат поехал сначала в одну сторону, потом в противоположную, как несколько раз наш фургон останавливался и Георгий Федорович с Сабиром долго

спорили, в какую сторону ехать, как мы проехали мимо озера с названием, над которым я ломал голову еще в Москве. Ширик-Куль — это, оказывается, Гнилое озеро... Да, в нескольких километрах от Сырдарьи прямо посреди глинистой ровной пустыни образовалась впадина, наполненная водой и заросшая по берегам настоящим тростником, травой, ивами. Оазис. А где вода — там и люди. Несколько ветхих домиков, неожиданно большие и высокие стога сена, накопленного, как видно, весной, коровы и, конечно, голопузые дети на обочине прокаленной солнцем дороги. Плетни, здорово похожие на подмосковные, как, впрочем, и избы. Хотя лица детей и взрослых смуглые, глаза раскосые — казахи.

От Ширик-Куля до места традиционной стоянки энтомологической экспедиции на Сырдарье — 4 или 5 километров. Розамат гонит на предельной скорости...

Солнце садится. Желтые блики его, играющие на сырдарьинской воде, просвечивают сквозь узкие серебристые листья лоха. Машина останавливается рядом с просторной ровной площадкой, недалеко от берегового обрыва. Площадка поросла кустиками янтака — верблюжьей колючки, которую мы с Хайруллой принимаемся выпалывать. Колючки у этого нежно-зеленого растения с лилово-розовенькими цветами необычайно острые, длинные, впиваются в кожу без малейшей задержки, а верблюды любят ее и едят без опаски, с удовольствием уминая губами и языком. Хайрулла в расстегнутой донизу, распахнутой белой рубашке, местами сильно изменившей свой цвет, в сваливающихся широченных брюках — похудеешь за время такой дороги! — лохматый, с трудом наклоняющийся, кричущий, с красными глазами и серым от пыли лицом, по которому струятся буроватые капли, являет собой не очень-то бодрое зрелище, но по улыбке, время от времени вспыхивающей на его лице, видно, что он, как и все мы, счастлив. Хотя и голоден. Но Розамат с Сабиром уже устраивают какой-то особенный узбекский очаг...

Это поразительно, но Розамат, которому досталось больше всех — ведь он вел машину! — суетится с колоссальной энергией и кричит на всю пустыню...

Потом мы с Георгием Федоровичем ставим большую армейскую палатку, в которой нам предстоит жить пятнадцать дней.

Выпалывая верблюжью колючку, а потом ставя на этом месте палатку, я с удовольствием отмечаю, что по земле бегают множество мокриц, чернотелок, навозников, скаритов. На севере в нескольких десятках метров многозначительно темнеет в быстро густеющих сумерках полоса тугаев. Там — шакалы, кабаны, фазаны и множество невиданной, экзотической живности. Какие знакомства мне предстоят?

В сумерках мы наскорокупаемся в Сырдарье, а потом при свете фонаря празднуем свой приезд. На востоке над бескрайней таинственной гладью пустыни висит узенький, тоненький серп молодого месяца. Из-под него легкими порывами дует теплый упругий ветер. Он приносит горький запах полыни и монотонный, необычайно мелодичный звон сверчков.

Визитная карточка участников экспедиции

Для того чтобы вы, читатель, могли чувствовать себя в нашем обществе своим человеком, спешу персонально представить каждого члена экспедиции.

Начнем, разумеется, с начальника,

Георгий Федорович Колюх. Рост — метр семьдесят с чем-то. Волосы прямые, светлые, глаза голубые... Только не воображайте, что вы его уже знаете! Что это, мол, вялый, медлительный, с унылым взглядом... Ведь это естественно — иметь унылый взгляд, когда экспедиция бесконечно откладывается. В процессе дальнейшего знакомства с Георгием Федоровичем вы убедитесь, что ему в значительной степени присущ юмор, а также — резвость и быстрота реакции (см. главу «Трудовые будни биологов», где описывается происшествие со змееголовой). Основное занятие — сбор перепончатокрылых. Происходит это так. Георгий Федорович задумчиво стоит над цветущей гебелией или солодкой. Со стороны можно вообразить, что он о чем-то мечтает, решает в уме какую-то сложную задачу или просто ничего не делает. Но нет. Молниеносный взмах огромным сачком... и крошечная пчелка бьется в глубине бездонного кисейного мешка.

В последнее время Георгию Федоровичу довольно часто удается избежать ядовитого жала, когда он достает пчелу из сачка. Однако на основании своего богатого опыта отважный натуралист утверждает, что самое болезненное — это не укусы каракурта или тарантула, не укол скорпиона, а удар жала дикой пчелы... Хобби Георгия Федоровича — рыбная ловля.

Таксидермист Сабир. Таксидермист — это значит набивщик чучел. Правда, в моем представлении это звучит как «живодер», потому что, прежде чем набить чучело животного, нужно животное убить. Мы еще вернемся к этому вопросу. Итак, Сабир. Рост — метр восемьдесят с чем-то, если не метр девяносто. Вес — 61 килограмм. Строен, как молодой индеец. Чемпион по части загара. Правда, Георгий Федорович пытался отспорить у него приоритет в этом деле, упирая на то обстоятельство, что он, Георгий Федорович, специально не загорает, редко ходит раздетым и все равно достаточно темный, а если бы он ходил все время без штанов, как Сабир, то... Все же у начальника ничего не вышло — неподкупное жюри отдало приоритет Сабире. Представляя вам Сабире, я никак не могу обойти молчанием его Хобби. «Хобби» с большой буквы. Ибо тут мы как раз сталкиваемся с тем случаем, когда хобби по своей значимости, во времени, на него затрачиваемому, и всем остальным показателям явно довлеет над профессией. Я не хочу сказать, что Сабир был плохим набивщиком чучел, вовсе нет. Человеку, обладающему живодерскими склонностями, наверное, даже нравилось бы смотреть на Сабире, когда он занимается своим профессиональным делом. И в музее его работу ценят. Но вы бы посмотрели на Сабире, когда он занимается своим Хобби... Это великолепно! Он весь вдохновение, порыв, экстаз... Его Хобби — Рыбная Ловля. С заглавных букв.

Хайрулла. Взят в экспедицию в качестве рабочего, повара, завскладом, интенданта, сторожа, вахтера, часового и так далее. По профессии — студент пищевого института. Рост — средний. Вес... Значительно выше среднего. Соответственно своей профессии и вообще, умел Хайрулла, по-видимому, очень многое. Наверное, он умел и хорошо готовить. Мы, правда, не смогли это выяснить, потому что готовил всегда Сабир. Дело в том, что, кроме большого хобби у Сабире было еще и среднее... Итак, умел Хайрулла наверняка очень многое. А вот чего он не умел, так это плавать. Жить в палатке на берегу Сырдарьи — и не научиться плавать? Обидно! И я принялся Хайрулле учить. Как проходило обучение и чего мы с Хайруллой достигли, вы тоже узнаете в свое время...

Шофер Розамат, по кличке Розмарин, а на самом деле Розмет — так, сказал он, произносится имя его по-узбекски. Вес — выше среднего, рост — ниже среднего... Черноволосый, веселый, энергичный,

вдумчивый, деловой... Поэт, рассказчик, мастер художественного слова и певец, человек с полутора высшими образованиями... Несколькo загадочный... Больше я пока ничего не могу сказать, но, если вы дочитаете книгу до конца, кое-что вам станет ясно.

Наконец, ваш покорный слуга, как говорили раньше воспитанные люди. Рост — метр семьдесят четыре, вес — 68 килограммов... Впрочем, это не имеет значения. В свою пользу могу привести тот факт, что, когда в конце срока мы сравнивали свои отросшие бороды, моя борода, по мнению жюри, оказалась самой густой. Правда, не самой длинной. Самая длинная борода выросла у начальника.

Тугаи

Вы, конечно, можете представить себе мое настроение утром, когда, открыв глаза, я увидел над собой марлевый полог пашехоны. «Пашехона» в переводе с узбекского означает «мушинная комната», потому что слово «хона» вы уже знаете, а «паша» — это комары, мухи и тому подобный гнус. Пять наших раскладушек стояли в большой палатке по периметру — голова к голове, ноги к ногам. Мгновенно распростившись с остатками сна, я в полной мере ощутил себя в экспедиции, особенно потому, что как раз над моим лицом на белоснежной марле расселось несколько упитанных комаров с рубиново-красными тельцами. Не шевелясь, томно блаженствуя, они переваривали мою кровь, высосанную тайком, под покровом ночи. Шея в нескольких местах зудела.

Хорошо, что только комары. А если бы вчера вечером я недостаточно тщательно подоткнул под спальный мешок нижний край марли и ночью в мою уютную «мушинную комнату» вздумал забрести какой-нибудь общительный скорпион или каракурт?..

Внимательно осмотрев внутренность полога и насчитав в общей сложности семь упитанных, а одного почему-то тощего комара, я решил, что на этот раз обошлось и можно потихоньку выпутываться из марли и вылезать из мешка. Ботинки стояли на земле, под раскладушкой, и, протянув было за ними руку, я быстро отдернул ее, решив, что раз скорпионы и каракурты не смогли проникнуть в мой полог, то они наверняка нашли себе пристанище либо внутри ботинок, либо в куче одежды, сложенной на ящике рядом с кроватью. Там же, скорее всего, уютно свернулся и щитомордник. Кобры и эфы, по словам Георгия Федоровича, в этих местах пока еще не встречались.

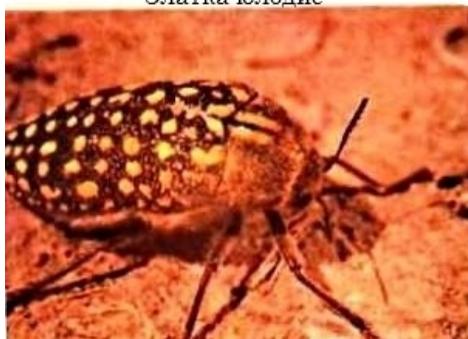
Осторожно оглядев поверхность земли под раскладушкой и ботинки снаружи, я рискнул протянуть руку, взял ботинок и энергично потряс его, желая показать тем, кто внутри ботинка сидит, что я с ними церемониться не намерен. Из ботинка высыпалось немного

земли, пыли и несколько муравьев. Больше ничего. Тогда я поднес ботинок поближе к глазам и тщательно осмотрел его внутренность. Пусто.

Ту же операцию я проделал со вторым ботинком, а потом с одеждой. Муравьи есть, симпатичные мокрицы мышинного цвета. Паукообразных и пресмыкающихся как будто бы нет... Радость жизни в полной мере овладела мною, я решительно выпутался из полога и принялся одеваться. Георгий Федорович еще спал, спал и Розамат, а Сабир с Хайруллой уже готовили завтрак.

Неужели в Средней Азии всегда так? Стоит кому-то приехать, как небо хмурится и, того и гляди, пойдет дождь. Небо над пустыней и тугаями затянули обыкновенные серые тучки. Дождя, правда, не было, и мы с Георгием Федоровичем решили после завтрака отправиться в путешествие по окрестностям. Однако еще до завтрака в двадцати шагах от палатки начальник небрежно показал мне на огромную, очень красивую златку, запросто как ни в чем не бывало сидящую на ветке чингила. Длина златки миллиметров тридцать пять, она сделана как будто бы из зеленой бронзы, испещрена желтыми пятнами и усеяна декоративными вмятинками — великолепно вычеканенная дорогая брошь. По-латыни имя этого жука звучит так: «юлодис». Можете себе представить, с какой радостью я на него набросился. Фотографировать без солнца не хотелось, пришлось посадить драгоценную находку в коробочку из-под пленки и поставить эту коробочку рядом с другой, где сидела уже кобылка пезотметис. Так был сделан второй шаг на пути создания моего зоопарка, вернее — энтомопарка...

Златка юлодис

Тропинка от нашей стоянки тянулась вдоль берега Сырдарьи. Шагах в тридцати мы пересекли небольшой овражек, сейчас совершенно сухой, но густо поросший солодкой, кермеком, колючими зарослями отцветающего чингила и гребенщика-тамарикса, который

в литературе принято называть тамариском — обычное для русского языка упрощение. Латинское «тамарикс», по-видимому, казалось более трудным для произношения или менее благозвучным для наших уважаемых предков. Видимо, ранней весной по овражку бежит ручей...

С солодкой, кермеком, чингилом, гребенщиком-тамариском и другими растениями тугаев я вас познакомлю потом. А сейчас хочу поделиться первыми впечатлениями...

Как часто воображение наше намного опережает действительность, особенно если мы очень хотим и долго ждем! Вот ведь я, взрослый человек, столько раз уже сталкивался с этим явлением, а все равно мечты в ожидании всегда разыгрываются неудержимо.

Нечто похожее на легкое разочарование появилось еще вчера, когда мы только подъезжали к зарослям на берегу Сырдарьи. Вниз по течению как будто бы и начинался зеленый массив низкорослых деревьев и кустарников, но нашу стоянку от реки отделяло всего-навсего несколько лохов и тамариксов, так что сквозь них просвечивала вода. С другой же стороны открывалась бескрайняя гладь пустыни.

Начитавшись о прибрежных джунглях, теперь кишащих кабанами и фазанами, а когда-то — тиграми, я ожидал увидеть высокие, густые, почти непроходимые заросли буйной растительности, переплетенные лианами, на ветвях которых в ленивом ожидании застыли ядовитые змеи. Каждый шаг здесь, казалось мне, сопряжен с опасностью, не знаешь, что тебя ждет, никак не решишь, куда смотреть — наверх, по сторонам или под ноги, — а самая лучшая одежда — толстые кирзовые сапоги и герметический скафандр... Когда в музее я спросил Георгия Федоровича, какая обувь нужна в экспедиции и он ответил, что легкие ботинки, а еще лучше — тапки, я воспринял это как обычную шутку, тем более, что научился уже понимать своеобразный юмор будущего начальника. Он, между прочим, даже предложил мне оставить в музее мои добротные, надежные туристические ботинки на толстой подошве. Как же, только этого не хватало! Меня, конечно, интересуют паукообразные и пресмыкающиеся, но не настолько, чтобы испытывать на себе действие секретов их ядовитых желез. Не говоря уж о пустынных и тугайных коллочках разных калибров.

Каково же было мое удивление, когда в первое наше путешествие по сырдарьинским тугаям Георгий Федорович действительно надел легкие разношенные городские полуботинки!

Первое, что обратило на себя мое внимание в тугае, — сильный приторный запах, наплывающий волнами. Он напоминал аромат цитрусовых — апельсина, лимона, — перемешанный еще с чем-то

пряным, и был из тех запахов, которые кажутся густыми, сытными, пьянят, вызывают оскмину, наконец, а все же вы никак не можете надышаться. В первые минуты я даже не понял, откуда он — заметных цветов поблизости не было. То, что нас окружало, напоминало скорее не джунгли, а саванну. Слева за редкими низкорослыми деревьями и стеблями тростника видна была обширная гладь Сырдарьи, справа — сплошная поросль травы солодки, перемешанной с какими-то злаковыми, над которой в одиночку и группами поднимались невысокие деревья. Саванна. Густая, пышная саванна весной, когда еще не успели выгореть от солнца травы...

Мы свернули по тропинке в сторону от реки. Тропинка едва угадывалась. Запах не проходил. Он стал сильнее, я почувствовал, что начинает тяжелеть голова. Только приглядевшись внимательнее, я увидел, что солодка цветет. Это ее мелкие лиловые соцветия, напоминающие соцветия вики, источали мощный цитрусовый аромат. Деревья стали сгущаться. Сухие прошлогодние стебли гигантского злака эриантуса — он вырастает в полный рост к концу лета и тогда же выпускает метелки своих соцветий — достигали высоты нескольких метров и доставали до вершин деревьев туранги. Корявые ветви кустарника чингила, вооруженные длинными колючками, переплетались так тесно, что не было и надежды сквозь это колючее ограждение прорваться. Вскоре мне стало ясно, что хотя тугайные деревья и низкорослы, однако заблудиться здесь проще простого, и в этом смысле тугай не уступает, наверное, прославленному амазонским джунглям. Пора было выбросить из головы прежние представления и знакомиться с реальной действительностью, которая оказывалась, кстати, вовсе не такой уж бедной.

Солнца не было, и миллионы здешних существ, не привыкших к такой погоде в конце мая, чувствовали себя довольно вяло. Во всяком случае, они что-то не очень бросались в глаза. Я тоже чувствовал себя вяло. И не только из-за аромата солодки. Из-за повышенной влажности и жары в тугаях очень душно.

Когда перед нами открылась уютная тугайная полянка, поросшая той же солодкой и злаками по пояс, я вдруг увидел нечто пестрое, черно-желтое, медленно перепархивающее над травой. Вялости как не бывало.

— Смотрите, Георгий Федорович, что это? — сказал я, пока мои дрожащие руки поспешно нащупывали фотоаппарат.

— Где? А!.. Это аскалаф. Их здесь много.

Аскалафус! Почему-то я вовсе не ожидал встретить здесь это любознательное насекомое, хотя если не здесь, то где же? Аскалафусы распространены главным образом в тропиках, у нас водятся лишь несколько видов, но и они очень колоритны и странны. Представьте

себе насекомое двух-трех сантиметров длиной, с тельцем и крыльями, отдаленно напоминающими стрекозиные, только более короткими, округлыми. Крылья к тому же разукрашены крупными черными и желтыми пятнами. Но это не все. Голова у этой «стрекозы» здорово напоминает мушиную — такие же выпученные глаза и густые волоски между ними. А усики длинные, булавообразные, точь-в-точь усики дневной бабочки (за них, кстати, аскалафус получил русское имя «булавоуска»). Но самым замечательным мне показалось другое. На кончике брюшка аскалафуса изящно укреплено круглое черное колечко — ни дать ни взять колечко пестрого медальона, который полагается носить на цепочке...

Немцы называют аскалафуса «склеенной бабочкой», и можно подумать, что какой-то искусный, но чудаковатый мастер, не очень-то искусственный в энтомологии, однажды задался целью сделать украшение для взыскательной дамы, — сделал, окрасил со вкусом в черный и желтый цвета, укрепил где надо колечко и только собиравшись моднице его отдать, как украшение ожило и улетело... Аскалафус — представитель отряда сетчатокрылых, а отряд этот весь замечательный, и не только по внешнему виду, но и по образу жизни. К нему относятся знаменитые муравьиные львы, златоглазки, нитокрылки, мантисы; о любом из них можно узнать много интересного. Впрочем, к ним мы еще вернемся. Пока же я, оставив Георгия Федоровича на тропинке, стал, затаив дыхание, подкрадываться к аскалафусу, который висел на травинке, небрежно распустив свои четыре пестрых крыла. В скользющем свете они голубовато блестели...

Ну как передать вам это ощущение огромности, глубинности мира, которое открывается каждый раз, когда берешь в руки камеру с насадочными кольцами и вглядываешься в видеоискатель?

Раньше я видел аскалафуса только лишь на картинке, а картин-

ка все-таки всегда передает изображение лишь в одной плоскости. Тут же — вот он, живой, а значит, бесконечно сложный, объемный, неисчерпаемый, многообразный. Я по своему опыту знаю, как меняется изображение в зависимости от освещения, позы модели, точки съемки фотографа. Иной раз стоит лишь чуть-чуть изменить ракурс — и изображение этого же предмета в окуляре становится совершенно другим. Подчас неузнаваемым.

Самое поразительное, что все разнообразие образов одного-разъединственного объекта существует в природе одновременно — можно снять так, можно иначе, а можно совсем по-другому, и все это будут фотографии одного и того же существа в одно и то же мгновение! Можно представить себе миллион объективов, фотографирующих одно и то же существо в один и тот же момент, и все фотографии будут разные! Какая из них передает сущность объекта?

Я торжественно и осторожно схожу с тропинки (первый снимок здесь — «исторический!»), решительно мну высокую траву — бесконечно «другую», бесконечно удаленную от мест обычной жизни моей, а следовательно, почти наверняка не имеющую ни одной «знакомой мне» молекулы, — вступаю в неведомый мир. Глядя в видоискатель, наклоняюсь, с волнением наблюдаю, как расплывчатая зелень наконец приобретает смутные очертания, а черное с желтым пятно в центре растет и вот-вот станет уже совсем резким — живое украшение с колечком. И тогда... Запечатленное, остановленное мгновение — память, которая остается со мной навсегда и которой — главное! — я смогу поделиться с другими.

Аскалафусу же нет до всего этого дела. Равнодушный к моим переживаниям, чуждый человеческой сентиментальности, он в самый неподходящий момент взлетает. Я останавливаюсь в растерянности. Как ему не стыдно! Ведь я же не собирался причинять ему никакого вреда.

— Ладно, оставьте его, — будничным голосом говорит Георгий Федорович, окончательно спуская меня с небес на землю. — Будут еще аскалафы, пойдемте дальше.

И я возвращаюсь на тропинку, успокаивая себя тем, что все равно солнца нет. Мы идем дальше.

Я теперь внимательно смотрю себе под ноги и на окрестную траву. Господи, чего здесь только нет! Когда тропинка расширяется и впереди виднеется вытоптанная глинистая полоска, по ней обязательно извивается ящерка, спешащая скрыться от нас. То тут, то там на открытых участках земли — лысинах — ползают жуки-чернотелки, муравьи, паучки. Трава, стоит только приблизиться к ней, оказывается населенной множеством всевозможных мелких и крупных букашек — мошек, цикадок, паучков, мух, жу-

ков-листоедов и слоников, молей, кузнечиков и кобылок. Они, правда, сидят довольно тихо в ожидании солнца, некоторые вообще не считают нужным как-то реагировать на приближение моего огромного, с их точки зрения, лица.

Скоро я обнаруживаю туркестанских жемчужных хвостаток — забавных, очень красивых маленьких бабочек со шпорами, начинающих усиленно шевелить сложенными крылышками при моем приближении. Сложенные вместе, их крылышки с испода выглядят хотя и красиво, но неброско. Когда же крошечная бабочка начинает тереть ими друг о друга, то нет-нет да и выглядывает вдруг из-под серенького испода одного крыла ярко-оранжевая лицевая сторона другого да еще со шпорой. Симпатичная бабочка пытается таким трогательным образом напугать своих врагов. Неужели это ей удается?

Я уже не пытаюсь фотографировать, а только смотрю. И все равно чувствую в голове тяжесть. Теперь еще и от впечатлений. Действительность может быть волнующей и очень насыщенной, даже если она не соответствует мечте.

Кто все-таки еще запомнился мне в утомительном хаосе первого путешествия, так это жуки-нарывники, облепившие кустики гебелии (травянистое растение из семейства бобовых с разрезанными листьями и довольно крупными светло-желтыми, почти белыми цветами у самого стебля), и солодки. Если под Ташкентом я нашел лишь одного черно-красного нарывника, похожего на кардинала, и чрезвычайно радовался, сфотографировав его, то тут их были сотни и даже тысячи. Правда, они несколько отличались от знакомого мне — тот, по словам Жоры, был нарывник Милябрис Фролови (нарывник Фролова), а эти — Милябрис-калида, но они тоже выглядели достаточно эффектно. Толстые, откормленные красно-черные жуки достигали в длину сантиметров трех; их было так много, что издалека казалось, что на солодке созрел урожай крупных ягод... Поначалу я поймал нескольких самых крупных и посадил в коробку, но потом

выпустил, поняв, что и при солнце они никуда не денутся: их здесь не тысячи — десятки тысяч. Нарывников Фролова тут тоже хватало, а были и еще какие-то — розовато-красные, с мелкими черными точками, окаймленными светлыми кружками; как сказал Жора, это были глазчатые нарывники...

И я уж не говорю о том, что на тропинке явственно виднелись следы кабанов, лошадей и шакалов, перья фазанов. В чаще чингила, эриантуса, лохов и туранги слышались подозрительные шорохи, крики...

Тугайный кузнечик

Сувениры пустыни

Как всяким порядочным гражданам, состоящим на службе, нам было необходимо, чтобы кто-то поставил штамп в наши командировочные удостоверения. Так как ни на берегу Сырдарьи, ни в тугайных дебрях сделать это было некому, мы на второй день с утра поехали в поселок Хаджи-тугай, находящийся от нашей стоянки, по словам Жоры, в двадцати километрах.

Так как вы, читатель, в поселке Хаджи-тугай, скорее всего, не были, то вам, наверное, любопытно будет узнать, как живут люди среди пустыни. Живут они, в общем, довольно обыкновенно.

Я вообще всегда — с детства еще — поражался тому, как все-таки мало отличаются друг от друга люди, живущие в самых разных условиях, как при желании легко им друг друга понять. Один человек вырос на севере, другой — на юге, один за всю свою жизнь ни разу не видел моря, другой — снега, третий — гор. У одного кожа белая, у другого желтая, у третьего черная. И все же человек всегда может понять человека, а чувства у нас, в общем-то, одни и те же... Не могу

забыть описания Миклухо-Маклая и других путешественников, впервые в истории побывавших у оторванных от цивилизации островитян. Эти «дикие» люди, аборигены, не знавшие языка, никогда не видевшие белого человека, понятия не имевшие о том мире, из которого он пришел, — мире каменных многоэтажных домов, движущихся и летающих механизмов, телеграфа, электричества, радио, — все же могли понять путешественника и понимали очень хорошо. Если, конечно, намерения его были добрыми. Впрочем, язык добра понимают не только люди. Но и животные. Даже растения. Все живое понимает язык добра. Вот он — международный язык, эсперанто...

О том, как живут люди в пустынном поселке, я расскажу чуть позже. Сейчас же хочу поведать о том, как мы ехали и какой представляется глинистая пустыня на свежий взгляд, а не после долгих часов утомительной тряски в фургоне.

Все-таки самое характерное, самое замечательное здесь — это запах.

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает
И мигом степи предо мной
Все обаянье воскрешает...

Это любимое четверостишие Жоры из стихотворения Майкова.

Аромат полыни и ферулы асса-фетиды, добротный, горьковатый, горячий, пряный... И еще — ветер и широта горизонта.

Вот мы едем уже довольно долго, а все еще видно яркое полосатое полотнище нашей палатки, волнующееся на ветру. Как в море. Можно очень долго разглядывать окрестности, находя всё новые и новые интересные детали. Направо и налево от нашей палатки тянется узенькая бледно-зеленая полоса тугаев. Налево, километрах, наверное, в четырех, поднимается тоненький столбик дыма. Если прислушаться, то из хаоса звуков — сипенье нашей машины, свист ветра, стрекот цикад — можно выделить тарактение трактора, доносящееся оттуда. Это казахстанские земледельцы распахивают прибрежную землю под рис... Так сказал Жора.

Серый колючий ковер пустыни исполосован дорогами. Удивительно и непонятно, зачем их здесь столько. В какую сторону ни помотришь, не видно ни машины, ни конника, ни пешехода. Только ветер то над одной, то над другой желтой полосочкой завивает смерчи. Пустыни, которые мы видим обычно в фильмах, — совершенно мертвые, с эффектными желтыми дюнами и караваном верблюдов, оставляющим за собой аккуратную цепочку следов, — это большей частью не природные ландшафты, а результат деятельности могучего властелина природы — человека. Если нарушать правила выпаса

и гонять овец там, где их уже много раз гоняли, то разрушается тонкий верхний растительный слой, состоящий из корешков, стеблей, колючек, и начинается катастрофический необратимый процесс — эрозия. То есть выветривание. Миллионы растений, заселивших поверхность раскаленных солнцем песков или глины, приспособившихся и дающих жизнь насекомым, пресмыкающимся, птицам, млекопитающим, перестают существовать, и смерть вступает в свои права. То, что природа накопила за века и тысячелетия упорной борьбы, человеком разрушается обычно в два счета. И тогда смело можно снимать полноценный художественный фильм с движущимися песчаными дюнами, растресканным такыром, смертоносным ветром самум.

«Леса предшествовали человеку, пустыни следовали за ним», — так выразился еще в прошлом веке Шатобриан.

Дорог столько, что у Розамата с Жорой, как видно, кружится голова — то одну из них они выбирают, то другую, идущую под углом, то опять прямо через полынь едут на старую. Еще одна иллюстрация мысли: человек теряется больше не когда дорог перед ним нет, а когда их слишком много.

Вдоль самой главной дороги тянутся то ли электрические, то ли телеграфные столбы. На изоляторе, в крошечном участке тени от верхушки столба, сидит сизоворонка. Правда, здесь, на ослепительном солнце, она не выглядит так эффектно, как в горах. Давно известно, что слишком яркое освещение губительно для Синих птиц. Что она будет делать, когда солнце поднимется окончательно и тени от столба не останется? Скрыться некуда, разве что лететь к тугаям.

Машина резко останавливается. Жора с Розаматом выскакивают из кабины, бегут назад, пытаясь высмотреть что-то.

— В чем дело? — кричу я.

Голос здесь тоже как-то сохнет, вянет от жары, крик производит жалкое впечатление. Я спрыгиваю на землю.

— Вот здесь, вот здесь бежал, — бормочет Жора, дико осматриваясь.

— Кто? Кто бежал?

— Варан, варан, — бормочет Жора и начинает ходить кругами.

— Вот такой дракон большущий! — кричит Розамат, распахивая до отказа руки. — На кривых ногах бежал, за машиной по степи бежал! На спине — гребень зубастый, — волнуясь, добавляет он подробности, и у меня тоскливо щемит внутри, оттого что я ничего не видел.

Я тоже бегу на поиски, а вокруг — полынь по колено, живописные скелеты ферулы асса-фетиды, напоминающие какие-то странные декорации, и выпрыгивающие из-под ног цикады — крылатые

трескучие брызги. Жизнь здесь, оказывается, бьет ключом. Но что это на феруле? Вот уж не ожидал! На совершенно высохшем желтом жестком скелете, позвякивающем на ветру, — многочисленная колония крупных черных жуков-усачей.

Бежать к машине за аппаратом? Или поймать цикаду? Усачей я видел не раз, их и в средней полосе достаточно, а вот цикады — новость. Помещу в свой зоопарк, потомна каком-нибудь кустике сфотографирую... Но это оказывается не так-то просто. Сердито треща, эти так называемые равнокрылые хоботные размером с хорошего шершня врезаются в воздух на расстоянии метра от вас и делают это так решительно, что броситься вперед и схватить рукой рассерженную трескунью как-то не решаешься, хотя и знаешь, что кусаться она как будто бы не должна. В целях безопасности я пользуюсь носовым платком. Наконец одна живая шрапнелина поймана. Но и в платке она так агрессивно трещит, что я спешу посадить ее в бумажный пакет. Глаза этого существа неестественно вытаращены — кажется, она обезумела от жары и собственного треска.

Варана мы не нашли. То ли он искусно замаскировался вместе со своим «зубастым гребнем», которым наделило его богатое воображение Розамата, то ли убежал на «кривых ногах» слишком далеко. Но зато, когда снова тронулись в путь, не один раз видели свершающих неторопливый дневной моцион черепах и агам, игриво перебегающих дорогу перед капотом машины.

Оказалось, что поселок Хаджи-тугай располагается тоже на берегу Сырдарьи, рядом с тугаем, расположенным по соседству с нашим. Однако если не считать тугая, занимающего, в общем, совсем небольшую площадь, вокруг поселка на много километров лежит пустыня. Население — больше пяти тысяч. Основное занятие — каракулеводство. Каракулеводческий совхоз Хаджи-тугай — миллионер. Настоящие улицы, каменные дома. Есть кинотеатр, магазины. Есть маленький аэродром. Вдоль улиц и рядом с домами растут деревья. Ходят загорелые девушки в мини-юбках. Жарко. Сообщение с Ташкентом — машинами или маленьким самолетом. Честно говоря, я был разочарован. Никакой экзотики. Совершенно обыкновенный пыльный поселок...

Печальные песни и музыка

На третий день после нашего приезда поднялся сильный ветер. Он был настолько силен, что мы всерьез опасались за палатку, хотя она и стояла под прикрытием лохов. Он дул с северо-запада и хотя, прежде чем достигнуть наших южных широт, должен был пролететь огромные пространства, все же принес с собой настоящий холод. Даже днем, при ярком свете солнца, мы натягивали на себя все что бы-

ло, и я благодарил сам себя за то, что взял с собой штормовку и теплый свитер. Ничем заняться было нельзя — о купании страшно подумать, фотографировать невозможно, рыбу ловить тоже: лесу сносило, а на реке поднялась сильная рябь. Оставалось странствовать по тугаям, но и это не приносило особенного удовольствия, потому что все перед глазами качалось и гнулось, в глаза летели веточки, листики и пушинки, в ушах противно свистело и гудело. Мы все, как нахохлившиеся воробьи, угрюмо скитались вокруг палатки, ожидая перемены погоды и надеясь, что ветер не станет еще сильнее и не понесет на нас кызылкумский песок.

Нас было четверо — Розамат вместе с машиной скрылся утром, на другой же день после визита в Хаджи-тугай. Недаром мы с Жорой очень долго ждали его в поселке, после того как отметили свои командировочные удостоверения. Розамат договаривался. Его сознательная натура не могла допустить такой бесхозяйственности, чтобы в течение всех двух недель экспедиционная машина, наш дорогой фургон, простаивала без работы. Когда он вернулся к нам, на лице его играла загадочная улыбка.

Встав на следующий день рано утром, он произнес следующий монолог:

— Мне нравится река. (Пауза.) Сырдарья. (Пауза.) Я люблю воду, я вырос в воде. Я как Тарзан.

Овладев общим вниманием и помолчав, он продолжал задумчиво:

— Да... Жизнь все делает с человеком. Ломает его, бросает туда-сюда, уезжать заставляет. И воровать...

Тут мы, конечно, и вовсе навестили уши в недоумении, только выражение лица Жоры было скептическим и скупающим. Он не первый год знал Розамата.

А наш шофер оптимистически оживился и, сказав непонятную фразу по-узбекски, тут же ее перевел:

— «Сначала экономика, потом политика!» Ленин так сказал...

Хотя я и успел уже немного привыкнуть к неожиданным высказываниям Розамата, однако все еще не понимал, к чему же он клонит. Наконец он подвел окончательный итог:

— Мне нельзя без дела сидеть с вами. Я люблю воду, я вырос в воде, и вы все мне друзья. Но я должен ехать. Ты не сделаешь — за тебя никто не сделает. Я там договорился, Жора. Надо совхозу помочь...

Тут даже мне стало все ясно: Розамат решил подработать.

— Ты ж заблудишься, ты вчера-то вон плутал сколько, — скептически сказал Жора.

— Нет! Не заблуждусь! Я дорогу запомнил. Я в Худжи-тугай по-

еду по вчерашней дороге. Там мне человека дадут. В Ташкент отвезти овец надо. Надо, Жора. У них государственный план горит. Надо помочь. Я договорился.

— Ладно, езжай. Только смотри, через три дня чтоб как штык здесь был.

— Через три дня — как штык! Розмет никого еще не подводил. Я вернусь, хотя спать мне не придется!

И он уехал.

Вечером ветер утих. Мы расселись вокруг столика, обильно поужинали, начали пить чай. Как только солнце окончательно скрылось, замерцали первые звезды и над пустыней низко повисла луна, послышалась первая песнь. Песнь ли? Нет, не песнь. Грустный, жалобный плач. Одинокая, потерянная душа скорбно рыдала где-то в пустыне.

Вы только представьте себе: поздние сумерки, позади — таинственный мрачный берег реки, едва слышные шорохи, плески, впереди — бескрайняя пустыня, над нею низко висит луна, и из-под луны, из бесконечного пространства Вселенной несутся отчаянные рыдания. В первый миг кажется, что это жалуется сама пустыня, ее обожженная солнцем, иссушенная ветрами душа. О господи, какой беспомощный, какой мучительный вопль!

— Шакалы, — тихо сказал Сабир.

Вот оно что. Еще в Ташкенте Жора пообещал вечерний концерт. Он сказал, что самое колоритное в тугаях — песни шакалов. Но я и представить себе не мог, что эти маленькие хищники так несчастны.

Первому шакалу, вышедшему из-под луны, вскоре откликнулся другой горемыка, со стороны тугаев. Казалось, он сочувствует первому, разделяет его печаль, но со своей стороны заверяет, что и в тугаях ведь не лучше, никаких сил нет терпеть, у всех у них, шакалов, доля одна.

«Аы! Аы-ы-ы...» — рыдал он в полнейшей безысходности.

Ему вдруг истерически подтянул нестройный хор голосов — как видно, членов семьи, — они соглашались со своим предводителем, подтверждали, что да, это не жизнь, сил нет никаких, и за что только эти мученья...

К пустынному шакалу тоже присоединилась семья — они были вне себя от горя, они понимали тугайных, они верили им, соглашались, что в тугаях тоже плохо, очень плохо... Но они просили понять, что от этого ведь им, в пустыне, не легче, терпение кончается, непонятно, зачем вообще все.

Да... Считается, что таким образом шакалы перекликаются, чтобы ограничить участки охоты, свою законную территорию, что песни

эти имеют, следовательно, важное социально-биологическое, а никак не эмоциональное значение — так же как, например, вой волков или соловьиные песни. Но уж нет! Ни за что не поверю. Чтобы эти похороны означали всего-навсего переключку? Нет уж. Может быть, трагедия в том, что у этих мелких хищников и ворюшек после захода солнца просыпается совесть? Одновременно — и голод, конечно. И перед тем как идти на очередной грабеж и убийства, они жалуются друг другу, изливают душу, потому что как ни скули, а идти нужно, есть ведь хочется...

Я почувствовал спазмы в горле. Хотелось бросить все, бежать в пустыню, помочь. Видно было, что мои спутники чувствуют то же самое. Сабир вдруг не выдержал, попытался подвыть. Представьте себе, ему откликнулись, поблагодарили за солидарность...

Ах, как жаль, что не было магнитофона!

Умолкли шакалы, тихо висела луна — располневшая со дня нашего приезда, похожая уже не на тоненький серпик, а на розоватый ломтик недозревшего помидора, — волнами наплывало дыхание теплого ветра, приносящего терпкий, свежий полынный аромат. И стала слышна негромкая, мелодичная, завораживающая музыка.

Это пели сверчки. Исключительно приятный нежный звон убаюкивал землю, натерпевшуюся за день от солнца, и земля, казалось, тихо и благодарно вздыхала...

О сверчки, эти черненькие невзрачные создания, совсем некрасивые, прячущиеся днем где-нибудь в углублениях почвы, в щелях под камнями, с тем чтобы ночью тихо выйти на воздух и, не надеясь ни на чью благодарность, нежно и мелодично, негромко, печально запеть! Скромные и робкие бесребреники, они играют под луной свои серенады и делают это так мастерски, что какой-нибудь счастливый или, наоборот, печальный влюбленный, выходя ночью в степь, занятый своими переживаниями, может быть, даже и не слышит их, но чувствует вдруг, что ему становится необыкновенно хорошо, и печаль его тает, и сердце сжимается от благодарности, и жизнь кажется при всех ее многочисленных горестях прекрасной. О, сколько же значит в нашей жизни музыка — даже та, которую мы подчас не замечаем! Не сверчкам ли — маленьким невзрачным созданиям — обязаны пленительной романтикой южные ночи?

В раскопках древнегреческих городов находили крошечные решетчатые клетки и думали: для кого они? Некоторые ученые пришли к мысли, что в них древние греки — страстные любители музыки — воспитывали цикад.

«Я не верю этому рассказу, — пишет Жан Анри Фабр в своей знаменитой книге «Жизнь насекомых». — Слух греков был слишком хорошо развит, чтобы довольствоваться пронзительным стрекотаньем

ем цикады. К тому же цикада быстро погибает в тесной загородке. Не смешали ли историки с цикадой сверчка? Этот домосед весело переносит плен; в клетке величиною с кулак он живет счастливо и не перестает стрекотать, лишь бы только ему ежедневно давали по листку салата. Не его ли воспитывали афинские ребятишки в крошечных решетчатых клетках, подвешенных к оконным рамам?

Я не знаю насекомого, которое пело бы так нежно, как итальянский сверчок, — продолжает ученый. — С какой ясностью и полнотой звучит его пение в тишине августовских вечеров! Сколько раз в тиши ночи при лунном свете ложился я на землю против куста розмарина, чтобы послушать очаровательный концерт пустыря! Итальянские сверчки кишат в моей загородке, каждый куст розана имеет своего музыканта, каждый куст лаванды — своего, на ветвях фисташковых деревьев звучат их же оркестры. И весь этот маленький мирок переключается от одного деревца к другому, будто каждый певец прославляет великую радость жизни».

Если бы я сочинял сказки, я придумал бы, что сверчки — это влюбленные. Печальные, но бесконечно счастливые влюбленные, которые потеряли когда-то своих возлюбленных, но помнят их, живут ими и прославляют те часы, которые были подарены им. Нет в их песнях ни досады, ни горя — а есть лишь сладкая, мучительная печаль уходящего бытия. О сверчки, эти некрасивые, неэффективные, робкие маленькие создания с большой и прекрасной душой...

В дебрях солодки

Еще через два дня ветер утих окончательно. Перед этим к нам приезжал на лошади местный лесник, парнишка-казах из поселка Ширик-Куль, и сказал, что если ветер не перестанет дуть в течение трех дней, то придется терпеть неделю. А если и за неделю он не уляжется, то будет свирепствовать десять дней, а может, и две недели — такие уж здесь порядки. К счастью, он утих, выполнив только программу-минимум.

Жизнь экспедиции входила в свою колею. Хайрулла на весь день оставался при лагере, Сабир с наслаждением отдавался своему хобби, Жора возился с пчелами, а я каждый день после завтрака брал зеленую сумку с фотопринадлежностями и отправлялся в тугай.

Через несколько дней я уже чувствовал себя в нем как дома. Что, правда, было плохо, так это жара. Жара и влажность. Характерным свойством тугайной растительности является очень энергичное испарение влаги, так как почвенных вод около реки хватает, а воздух пустыни сух, и растениям приходится самостоятельно создавать себе микроклимат. Вот они и создают, да так, что с трудом дыхание переводить. Да еще сверху печет. Присядешь рядом с каким-нибудь жу-

ком-слоником или нарывником — ничего, а встаешь — в глазах темнеет. Вставать же и садиться приходится часто, потому что ведут себя обитатели тугаев в солнечную погоду весьма беспокойно.

Чего только я здесь не снимал!..

Ну вот, например, уже известные вам нарывники-калида, довольно крупные жуки с лакированно-черным толстым тельцем. Их ярко-алые надкрылья, испещренные круглыми черными пятнами, блестя на солнце и издали бросаются в глаза. Как и майки, с которыми мы уже встречались, как желтоватые, с черными пятнами нарывники Шренка, кормившиеся во множестве на цветах астрагала Сиверса на Западном Тянь-Шане, нарывники калида весьма ядовиты. Их кровь содержит яд кантаридин. По словам старшего научного сотрудника Ташкентского музея природы Натальи Николаевны Музычук, которая занимается изучением этих жуков, несколько случайно съеденных нарывников могут убить даже крупное животное. Георгий Федорович рассказывал о мотоциклисте, который, несясь по тугайной дороге, сбил щекой летящего жука, а потом еще машинально размазал след на щеке рукавом. Щека очень скоро превратилась в сплошной нарыв...

Нарывники
калида

Яркая, бросающаяся в глаза окраска нарывников — пример предостерегающей окраски. Благодаря кантаридину им не нужно ни от кого прятаться, скорее наоборот — для них лучше, чтобы их видели. Скот, наученный горьким опытом, обходит растения, усеянные на-

рывниками, птицы тоже остерегаются трогать их, и поэтому крупные, пестрые, раскормленные жуки могут не только спокойно держаться поодиночке, но и собираться в многочисленные коммуны. Правда, в отличие от общественных насекомых — таких, как муравьи, термиты, пчелы, — нарывники собираются вместе не для того, чтобы строить общее жилище, совместно воспитывать детей, организовано нападать на соседние племена или, как, например, некоторые виды муравьев, разводить «домашний скот» (тлей) или возделывать «сады и огороды» (в «садах и огородах» муравьи «возделывают» культуры некоторых растений, выращивают грибы).

*Нарывник-калида
на цветах горчача*

Сборище нарывников носит гораздо более стихийный и неорганизованный характер. Но нельзя не заметить, что в какой-то степени оно, конечно, оправданно. Всем миром они скорее бросятся в глаза травоядному животному, которое их благоразумно обойдет, тогда как отдельно сидящего на цветке жука оно может и не заметить. В большом обществе облегчается поиск партнера для спаривания, да и поиски пищи проще: подходящие для нарывников цветы в тугаях растут куртинами.

Однако дело, по-видимому, не только в этом. Вообще сбор насекомых одного вида в группы свойствен не только нарывникам. Всем известны многомиллионные стаи саранчи, колонны гусениц походного шелкопряда, популяции тлей и так далее. Интересно, что жизнь в группе сильно влияет на насекомых. Особи, входящие в группу, приобретают новые признаки по сравнению со своими оди-

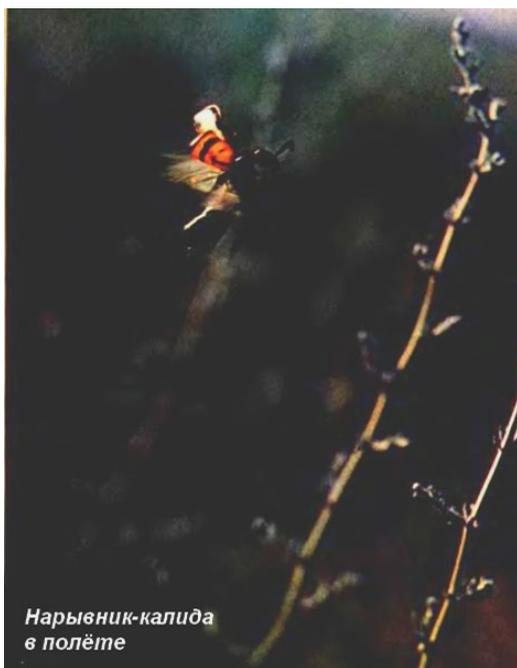
нокими сородичами — они меняют свои размеры (как правило, в сторону увеличения), окраску и даже форму тела.

Сравнительно хорошо изучен эффект группы у некоторых бабочек. Так, гусеницы южноафриканской бабочки лафигмы экземпты — «ратные черви» — в тех случаях, когда встречаются поодиночке, окрашены в зеленый или темно-коричневый цвет, собираясь же в группы, они облачаются в «униформу» — черный бархат. Увеличивается их миграционная активность — желание совершать групповые набеги на соседние кусты и деревья, — а также изменяется химический состав тела. Личинки бабочки сатурнии в группе покрываются цветными бугорками и совершенно меняют окраску тела — невозможно поверить, что это те же самые гусеницы. У общественных насекомых между самими индивидуумами, а также между ними и маткой существует постоянная и совершенно необходимая связь, основанная, как считают ученые, на химическом обмене, — связь настолько прочная, что общественное насекомое в одиночестве погибает очень быстро. Можно даже сказать, что общественные насекомые не имеют никакой индивидуальности и каждый муравей, например, — это всего лишь «клеточка», «винтик» единого организма, муравейника. У общественных насекомых такой прочной связи нет. Нет как будто бы и химического обмена. Так что же, все держится на «чисто психологической» основе? Пока здесь много неясностей. По-видимому, существует эффект группы и у нарывников, однако он мало изучен...

Днем нарывники в тугаях не сидели спокойно — они ползали по цветам, поедая пестики и тычинки, тут же спаривались, сталкивались и сталкивали друг друга, садились, взлетали, страшно гудели на лету и вообще представляли довольно эффектное, очень забавное зрелище. На бледно-желтых цветах гибелии они группировались в оригинальные, иногда совершенно симметричные композиции — словно участвовали в спектакле.

Но еще интереснее картина бывала утром. Одно время я взял привычку бегать по утрам — вместо гимнастики — перед умыванием и завтраком: направлялся от палатки в тугай и бегал по знакомым дорожкам (в самых обыкновенных спортивных тапочках, между прочим), перепрыгивая через надвигающиеся на тропинку кусты солодки, ныряя под ветвями тамарикса и туранги. И, как правило, в одном и том же месте встречал целую колонию — наверное, несколько тысяч — нарывников-калида, облепивших кустики солодки и стебли злаков. Так они ночевали. Чем им понравилось это место, я не знаю, их любимых цветов там не было, и вообще, как только лучи солнца согревали их немного, они один за другим сначала шевелили лапками, потом проползали чуть-чуть для разминки и вдруг

резко вскидывали переднюю часть тела, раскрывали, разламывали свои надкрылья и, как какие-нибудь черно-красные демоны, со страшным гудением взлетали.

Это было необычайно впечатляющее зрелище — увидев такое в первый раз, я опрометью побежал к палатке, схватил аппарат, вернулся и целый час пытался запечатлеть нарывника в момент взлета. Это оказалось очень трудным — взлетали они всегда неожиданно, нелегко было угадать, чья именно очередь, и, бывало, я выбирал одного; согнувшись в три погибели и затаив дыхание, держал его в фокусе, до рези в глазах вглядываясь в видоискатель, а потом в самый решающий момент или что-нибудь отвлекало меня — например, один из сотен соседних жуков в одиночестве или в компании с другом внезапно забирался под мою спортивную форму и бойко полз дальше и дальше, — или я сам терял терпение и, решив, что этот соня еще не скоро оставит свой насест, настраивался на соседнего, который, кажется, уже разминался; но в тот самый момент соня внезапно взлетал, я от досады сбивался с фокуса, и тотчас, разумеется, взлетал соседний. В результате я опоздал на завтрак, а взлет нарывника так и не снял. Днем я обычно проходил мимо этого места, но не видел ни одного жука.

Через некоторое время они перенесли свой ночной бивак на дру- гую территорию, невдалеке, но опять же с первыми лучами солнца улетали оттуда — это была только спальня, а не столовая.

Но не все группы вели себя так воспитанно. Некоторые прямо в столовой и ночевали... Всего лишь метрах в ста от нашей палатки, можно сказать — в пустыне, несколькими днями позже я нашел многочисленную эффектную стоянку нарывников-калида на зарослях цветущего травянистого растения — горчака. С первыми лучами солнца, чуть согревшись и проделав обычные «гимнастические упражнения», жуки никуда и не думали улетать, а тотчас принялись поедать пестики и тычинки маленьких невзрачных цветочков, на которых сидели. Здесь я многих из них с удовольствием и сфотографировал.

Но, как я уже говорил, не только нарывники вида калида распространены в тугае Ширик-Куль. Есть здесь и нарывники Фролова, не столь крупные, но, пожалуй, все же более эффектные — этакие траурные, черные, с красными пятнами; есть зеленоватые или даже синеватые, с металлическим отливом, очень осторожные, чуткие нарывники-цериокома (их я ни разу не встречал в группах); есть маленькие юркие желтые, с черными пятнами жучки, которые так и называются: нарывник-крошка; редко, но попадаются и такие же, как встречались на Западном Тянь-Шане, — нарывники Шренка...

Оса на цветах тугайного кермека

Очень интересными были для меня пчеложуки. По своей окраске и форме они напоминали нарывников Фролова — иссиня-черные, с красными пятнами, но были меньше размером и гораздо более утонченны, изысканны, я бы сказал — щеголеваты. Тельце и голова

их покрыты густыми короткими, словно подстриженными «под бобрик» волосками. И они несравнимо более подвижны, осторожны, чутки и чувствительны, чем все нарывники. Я бы так сказал: если нарывник Фролова напоминал кардинала, а большой, важный, грубоватый, громко гудящий на лету нарывник калида — обрюзгшего старого полковника или даже генерала, то юркий пчеложук — это, разумеется, был молодой, болезненно самолюбивый смазливенький лейтенант. Сфотографировать его мне удалось далеко не сразу — ближе чем на метр он, как правило, не подпускал. Несколько раз я видел совершенно потрясающих пчеложуков — матово-зелёных, с красными пятнами, — но сфотографировать их так и не смог...

По классификации пчеложук принадлежит к семейству жуков-пестряков, клеридэ. Все жуки этого семейства ярко окрашены. Свои яички пчеложук откладывает прямо в цветы, здесь вылупляются маленькие беспомощные личинки и спокойно ждут, когда на цветок сядет оса или, еще лучше, пчела. Тогда они цепляются за волоски этой доброй феи и летят вместе с ней в ее гнездо (осиные, пчелиные соты или улей). Там беспомощные дети непутевого щеголя отцепляются, осматриваются, ползут к личинкам доброй феи, которая занесла их сюда, подползают к ним и... спокойно принимаются за еду. Окрепшие, они справляются уже не только с личинками, но и с ослабевшими пчелами...

Взрослые жуки опять летят к цветам как ни в чем не бывало, наслаждаются их видом и ароматом, лакомятся вместе со взрослыми пчелами и осаами пыльцой и нектаром, а сами время от времени потихоньку кладут новые яйца. Частенько в них просыпаются юношеские наклонности, они хватают зазевавшееся насекомое и таким образом разнообразят свой стол... Если отбросить в сторону вопросы морали, то неплохая жизнь у этих красавцев, не правда ли? Только вот очень уж они пугливы и суетливы. Так и кажется, что нервы у них не в порядке — не иначе, как они опасаются, что когда-нибудь

грозные перепончатокрылые, обладающие страшным жалом, спохватятся наконец и, несмотря на щеголеватый мундир, зададут им хорошую трепку... Впрочем, ведь так часто все сходит с рук тем, у кого красивая внешность!

Очень красивы были также два спаривающихся жука, которые называются очень мило: «оленка неопушенная». Правда, они были вполне достаточно опушены светло-русыми густыми волосками, но все же не настолько, чтобы скрыть чудесную радужную расцветку гофрированных надкрылий. Цвет их брони, кутикулы, тоже был светло-русый, но отливал зеленым, золотым и даже красноватым металлическим блеском. Жучки так глубоко зарылись в цветок, что пришлось отогнуть лепестки с одного боку, чтобы их было видно. Они так были заняты, что не обратили на мою невоспитанность никакого внимания...

И уж совсем экстравагантно выглядел крупный, почти тропический листоед, которого для меня поймал Жора. Зеленый жук с металлическим отливом, которого я фотографировал под Ташкентом, не годился этому и в подметки, хотя принадлежали они, по-видимому, к одному и тому же виду. Блеск у этого был совершенно фантастический, неуловимый, желтовато-красный. Опять казалось странным, что эта красивая дорогая безделушка, целиком отлитая из зеленого заморского золота, шевелит лапками и может довольно бойко ползти. Оставалось предположить, что для пущей ценности мастер сделал эту безделушку еще и заводной. Вот только булавку, которой можно прикалывать ее к платю, забыл припаять. Длина этой ожившей дорогостоящей броши — сантиметра два.

*Тропидопола
на солодке*

Из многочисленных прямокрылых (в отряд прямокрылых входят кузнечики, кобылки, сверчки, медведки и саранчовые) меня особенно растрогала тропидопола — небольшое саранчовое, длиной сантиметра четыре. Она сидела на злаковом стебле, бережно охватив его ножками, и, передвигая ножки, поворачивалась вокруг него, чтобы спрятаться за ним, когда я к ней приближался. Взгляд у нее был трогательно удивленный. Ни дать ни взять заколдованная красавица, до сих пор не понимающая, как это она оказалась в таком густом, дремучем лесу. При ближайшем рассмотрении большие овальные глаза ее оказались деревянными полированными брошками таллинского производства. Отчетливо был виден рисунок древесных волокон. Похоже — карельская береза...

Еще во время самого первого нашего путешествия по тугаям Георгий Федорович привел меня к зарослям кендыря — высокого травянистого растения, из стеблей которого делают, между прочим, канаты и ткани. К радости начальника экспедиции, кендырь был в полном цвету, и мелкие розовые цветочки его, пахнувшие, похоже, жасмином, привлекали во множестве пчел. К моей же радости, цветы кендыря были прямо-таки усеяны небольшими, но яркими ба-

бочками из семейства медведиц, очень любопытными с точки зрения своей окраски и формы. Они называются «лжепестрянки» и своей многочисленностью обязаны как раз тому, что мы, люди, считаем неприличным и некрасивым, — обману. Формой, окраской, повадками они чрезвычайно напоминают ядовитых пестрянок, но отличаются от них тем, что не ядовиты. Это свойство — окраской и поведением подделываться под тех, кто ядовит (из соображений собственной безопасности), — называется мимикрией. Я тогда сделал всего два-три снимка, потому что не было солнца, а теперь, хотя прошло всего лишь несколько дней, лжепестрянки почему-то пропали. Розовые мелкие цветы кендыря теперь были усеяны множеством пчел, ос, наездников, пчеложуков, бронзовок.

Бабочек в тугаях встречалось не так много, как мне бы хотелось: несколько видов белянок, пандора, репейница, черные сатиры — такие же, каких мы встретили посреди пустыни, — чернушки и бархатницы, бражник-языкан и множество разнообразных голубянок.

Ни махаона, ни подалирия я в первые дни не встречал, хотя без конца искал их взглядом. Фотографируя однажды сиреневого (под цвет солодковых цветов) паука-бокохода, с наслаждением высасывающего пчелу, я вдруг услышал мелодичный и нежный звон. Поначалу я даже не обратил на него внимания, считая, что это у меня в ушах звенит от жары, но звук был очень уж мелодичный, приятный для слуха, от жары обычно не звенит так приятно. Если сравнить, то тембр напоминал, пожалуй, арфу, если бы какой-нибудь опоздавший на репетицию арфист вздумал заиграть на ней не в полусне, как обычно, а в темпе. Или это напоминало электроорган, на котором проигрывается несколько однообразных высоких нот. Однообразно, но очень мелодично. В недоумении я принялся оглядываться вокруг себя. И наконец увидел источник. Это была любовная

песнь двух цветочных мух-жужжал, довольно крупных, черных, с яркими белыми пятнами на брюшке, с длинными, вытянутыми вперед хоботками. Одна из них держалась за листик, другая же, соединенная с подругой (или другом) задней частью брюшка, оставалась на весу и быстро-быстро вибрировала крылышками, отчего и получался чистый, необычайно приятный звук. Я тотчас начал прицеливаться объективом. Та муха, которая сидела на листике, отцепилась, они обе оказались на весу, и согласная песня стала в два раза громче. Пролетев так немного, одна из участниц дуэта опять ухватила за край листика, но некоторое время не садилась, а продолжала подпевать партнеру. Было это очень красиво и поэтично. Еще раз пришлось пожалеть об отсутствии магнитофона; правда, записать довольно слабый звук было бы, наверное, очень трудно. А жаль. Кто б мог подумать, что мухи, пусть даже цветочные, способны на такое? Я и так и так пристраивался, волновался, понимая, что вряд ли подобную сцену можно увидеть часто, щелкал затвором довольно беспорядочно, особенно когда, притомившись, они обе посидели некоторое время спокойно. Ни на миг они не разъединялись. Наконец отдохнули и принялись петь с новыми силами. Так, с песней, и скрылись от меня в густых солодковых джунглях...

Бабочка-пандора, "царский" плац

В книге П.И. Мариковского «Юному энтомологу» есть маленький рассказ о «странном колечке». Я привожу его с сокращениями.

«У большого плоского камня, лежавшего на дне ущелья, раздался странный звук, очень напоминающий вой сирены. Этот звук начался с низкого тона и, постепенно переходя на высокий, тянулся

некоторое время, пока не прерывался внезапно, чтобы через некоторое время повториться вновь. Сходство с сиреной казалось столь большим, что можно было поддасться самообману, если бы не суровое молчание диких скал, совершенно безлюдного ущелья, пустынных гор, девственная, не тронутая человеком природа и ощущение, что этот загадочный и негромкий звук доносится не издалека, а где-то здесь, совсем рядом, у большого плоского камня, среди невысоких густых кустиков таволги и эфедры.

Певучие цветочные мухи

«Что бы это могло быть?» — раздумывал я, с напряжением осматриваясь вокруг, и вдруг над поверхностью плоского камня увидел странное, быстро вертящееся по горизонтали колечко, от которого как будто исходил звук сирены. Продолжая стремительно вертеться, колечко медленно перемещалось в мою сторону. В это мгновение за камнем что-то громко зашуршало, зашевелились кусты таволги, и на щербистый косогор выскочили две небольшие курочки с красными ногами и красноватым клювом...

Постепенно кеклики успокоились, и в ущелье снова стало тихо. Не было слышно и звука сирены, а на плоском камне было пусто. Впрочем, в центре камня сидела большая волосатая и рыжая муха-тахина, личинки которой часто развиваются на гусеницах бабочек и многих других насекомых; под тоненькой веточкой, склонившейся над камнем, примостился маленький зеленый богомол и, склонив набок голову, кого-то напряженно высматривал, а немного поодаль, на краю, близко друг от друга расположились две небольшие черные и блестящие мухи с ярко-белыми отметинами на груди и беспрепятственно шевелили прозрачными крыльшками.

Внезапно одна из мух закружилась в воздухе, за ней помчалась вторая, появился низкий звук сирены, еще быстрее закружились му-

хи, их очертания исчезли, и над поверхностью камня поплыло, медленно перемещаясь в разные стороны, белесоватое колечко... Это был совершенно необычный брачный полет.

...С тех пор никогда не встречалось белесоватое колечко и не приходилось слышать песню крыльев, похожую на звук сирены. И виртуозные пилоты остались неизвестными.

Встреча П.И. Мариковского со «странным колечком» состоялась в горах, в ущелье Караспа, но все же описание пятнистых мух очень напоминает тугайных музыкантов. Может быть, они тоже кружили друг за другом, перед тем как от воя сирены перейти к нежной мелодии арфы?

Фаланга

Особенно я ждал встречи с фалангой. Одна знакомая женщина, долгое время жившая в Казахстане, рассказывала в Москве так:

«Самое страшное у нас — это фаланги. Громадные, длинноногие, — как пауки, только с клювом. Бр-р! Обязательно в дом забегают. На людей бросаются. Они прыгать умеют! А укусит — не дай бог. Умереть, может, и не умрешь, а намучаешься... Ужас!»

Естественно, что, бродя в окрестностях Ташкента, пока Розамат красил машину, я мечтал встретить это страшилище и, конечно, запечатлеть. Только однажды на высохших и растресканных буграх у реки Келес я увидел нечто быстрое, очень проворное, промелькнувшее в сухой траве с такой скоростью, что о фотографировании нельзя было и думать. Хотя страшилище это было всего сантиметров двух длиной и вполне могло оказаться каким-нибудь пауком, я все же решил, что это именно и есть маленькая фаланга. Не знаю, она это была тогда или нет, но уж здесь-то, на краю самой настоящей глинистой пустыни, я наверняка должен был ее встретить.

И вот на второй день утром, пока Сабир с Хайруллой готовили завтрак, Жора доставал из ящика коробки-гробики для своих пчел, а Розамат зачем-то стучал кувалдой по капоту машины, я прогулялся к зарослям чингила, а на обратном пути...

Шагах в двадцати от палатки было нечто вроде перекрестка. Здесь пересекались две дорожки: одна — идущая вдоль Сырдарьи и ныряющая в тугай, и другая — прибежавшая из пустыни к реке. У перекрестка горбился сухой, колючий, выжженный солнцем бугор. И я увидел, что по бугру стремительно несется нечто похожее на бледно-рыжий призрак. Не успев как следует разглядеть это прыткое существо, но чутьем поняв, кто это, я диким голосом закричал:

— Фаланга! Фаланга! Жора, фаланга! Фотоаппарат скорее! Он на ящике!

А сам поспешно выхватил карманное зеркальце для подсветки и мужественно попытался преградить им дорогу беглянке. Фаланга удивленно остановилась перед вставшим на ее пути зеркальцем, мгновенно сообразила, в чем дело, и, подняв тяжелую голову, оснащенную двумя парами мощных челюстей, задрал кверху мохнатые длинные педипальпы, сделала угрожающий выпад в мою сторону. Машинально я отпрыгнул метра на два. Это чертово паукообразное угрожало не зеркальцу, оно угрожало мне! Мгновение фаланга пребывала в позе угрозы, к моему счастью, воздерживаясь от прыжка, а потом, решив, вероятно, что с этого трусливого дилетанта достаточно, опустила голову и педипальпы и деловито заспешила своей дорогой. Но не тут-то было. Собравшись с духом — была не была! — я не только подставил зеркальце, но рывком отбросил фалангу на прежние позиции, потому что заросли верблюжьей колючки были уже недалеко. В пылу сражения я слышал, как Жора совершенно спокойным голосом сказал Сабиру:

— Иди посмотри, правда фаланга?

— Быстрее, черт вас побери! — закричал я что есть мочи, растеряв солидность столичного жителя. — Аппарат давайте!

В следующий момент я уже слышал, как земля содрогается от топота бегущих ко мне членов экспедиции.

— Смотри-ка, правда фаланга, — снисходительно согласился Георгий Федорович, и я заметил, что в руках у него уже большой пинцет и банка со спиртом.

А Сабир совал мне в руки фотоаппарат...

Но это все были события второго плана, происходящие как бы за кадром, потому что маневры на перекрестке дорог продолжались. Отброшенная мною на старые позиции фаланга лишь на миг растерялась, поняв, что в первый раз недооценила своего противника. Она опять подняла голову, вскинула педипальпы и сделала бросок в мою сторону. Отпрыгивая на приличное расстояние, я все же успел заметить, как быстро-быстро, словно четыре вертикальные кривые пилы, заработали ее красно-бурые челюсти, и услышал негромкое, но достаточно внушительное шипение. Тут же я вспомнил, что по-узбекски фаланга называется «бойдикон», что означает «насытившаяся кровью», и что штатный работник Музея природы Сабир тоже считает ее опаснейшим ядовитым существом, самым ядовитым из паукообразных... Однако храбрость рождается в бою, и я не отступал. Предстояло не только удержать фалангу на перекрестке — предстояло сделать несколько снимков крупным планом, для чего необходимо будет приблизиться почти вплотную...

Почувствовав в своих руках фотоаппарат, я понял, что настал решающий миг.

— Сабир, поддержи ее, не давай уйти, — с хладнокровием главного командующего распорядился я, а сам ошущью взвел затвор и опустился на колени...

В своей новой позе я, естественно, несколько утратил мобильность, однако была и выгода в моем положении — по крайней мере фотоаппаратом защищено лицо. Хуже то, что, когда фаланга выходила из поля зрения объектива, я терял ориентировку и мог быть немедленно взят врасплох решительным и динамичным противником. Но нас теперь стало пятеро, и фаланга, хотя и не сдавалась, все же была явно деморализована тем, что не знала, на кого из пятерых в первую очередь броситься. Правда, когда я принялся надвигать на нее блестящее око объектива, сомнений в том, кто ее главный враг, у фаланги не оставалось...

К счастью, она принадлежала к виду, еще не освоившему прыжки. Она только шипела, яростно двигала челюстями и делала устремленные движения, однако дальше этой демонстрации дело не шло. И все равно храбрость ее вызывала самое искреннее уважение. Ведь нас было пятеро таких больших, а она одна, маленькая по сравнению с нами, и все же ясно было: защищаться она будет до последнего вздоха. Недаром я всегда говорил, что пауки — личности.

Агрессивная фаланга

Но как же все-таки она выглядит? Так же как и многие люди, в жизни она выглядит гораздо лучше, чем на фотографии. При первом поверхностном взгляде она, правда, кажется довольно-таки страшноватой. Она действительно похожа на большого паука с длинным членистым брюшком и мощной головой. Голова сверху напоминает острый, направленный вперед треугольник, конец которого раздвоен и оснащен длинными, очень грозными на вид зазуб-

ренными челюстями. Общая длина фаланги от острия челюстей до конца брюшка достигает иногда семи сантиметров, причем на голу приходится сантиметра полтора-два, а на челюсти — около сантиметра. С ногами крупная фаланга занимает овал длиной до 15 см. Ноги у нее длинные, обросшие золотистыми торчащими волосками. Волоски нужны фаланге не просто для украшения. Дело в том, что подавляющее число видов фаланг — ночные охотники, и чуткие волоски, улавливая малейшее движение воздуха, помогают отыскать жертву во мраке. Ног у фаланги не восемь, как у пауков, а десять. Правда, первая пара конечностей, педипальпы, — это не ноги, а скорее щупальца, на конце их нет ходильных коготков. Историческое происхождение этих ногощупалец у фаланг очень любопытно и великолепно демонстрирует ход естественного отбора и приспособление животных к местам своего обитания и образу жизни.

Все паукообразные, или арахниды, произошли от водных животных, так как жизнь на Земле вообще родилась в океане. А в воде условия жизни гораздо более однообразны, чем на суше. Поэтому предки арахнид были очень похожи друг на друга. Но вот началось великое переселение. Арахниды, как, впрочем, и всевозможные другие животные, стали вылезать на берег и заселять поля и леса, низины и горы. Вот тут-то и заработал великолепный механизм естественного биологического отбора. Виды, которые не могли выдержать новых условий жизни, вымирали. Выживали те, кто в результате мутаций получали от природы в подарок такие свойства, которые помогали приспособиться. Полезные свойства передавались по наследству. Рождался новый вид, более приспособленный. Мутации продолжали возникать. Те особи, которые внезапно получали еще одно свойство, ценное для жизни, оказывались в выгодном положении перед другими, выживали и давали многочисленное потомство.

Для того чтобы наглядно представить себе этот процесс, давайте посмотрим на рыбу, вытасченную из воды. Вот она лежит, беспомощная, задышающаяся, едва шевеля быстро высыхающими плавниками. Проходит совсем немного времени, и наступает конец. Но вот другое существо, похожее на рыбу, — головастик. Он тоже не может сначала существовать без воды. Однако по мере развития у головастика вырастают лапки, жабры заменяются легкими, и он превращается в лягушку. Лягушка, как вам хорошо известно, — уже наполовину сухопутное существо. А есть лягушки вообще сухопутные, нуждающиеся в воде только для того, чтобы вывести свое потомство. Считается, что в своем развитии от икринки до взрослого состояния лягушка коротко повторяет историю своего рода (биогенетический закон). Момент, когда у первобытных головастиков начали

отрастать конечности, а в строении жабр наметились первые сдвиги на пути к их превращению в легкие, можно смело считать началом Лягушечьей эры...

Конечно, вся эта история была страшно долгой, чудовищно сложной, дико трагической (ведь Его Величество Естественный Отбор не церемонится, он жестоко уничтожает неприспособленных, а жаловаться буквально некому...). Но в конечном счете предки пауков, насекомых, лягушек, млекопитающих и... нас с вами, дорогой читатель, все-таки вышли из моря и благополучно заселили сушу. Естественно, что все они почти неузнаваемо изменились. И даже родственники, которые в далеком прошлом были очень похожи друг на друга, утратили всякие связи между собой, и, если бы не титанический труд биологов-систематиков, палеонтологов и представителей многих других наук, мы бы ничего о единстве происхождения разных видов не знали. Так объясняет происхождение видов теория Дарвина.

А теперь возьмем для сравнения представителей одного типа (членистоногие), одного подтипа (хелицеровые), одного класса (арахниды), но разных отрядов — пауков и фаланг.

У тех и у других шесть пар конечностей. У пауков — четыре пары ног, нижние ротовые придатки — педипальпы, и верхние — хелицеры. Педипальпы невелики и играют роль органа осязания. Хелицеры иногда большего, иногда меньшего размера снабжены острыми крючьями, внутри которых имеется проток ядовитой железы. Именно хелицерами паук наносит своей жертве смертельный удар, а потом рвет и комкает ее, высасывая соки. И всякая конечность паука великолепно соответствует своей роли в охоте и жизни. Восьми ног вполне достаточно для передвижения по земле (если он бродячий охотник) или по паутине (если он мастер-домосед), небольшие педипальпы вполне сносно чуют добычу на небольшом расстоянии, тем более если она уже запуталась в паутине, а крючья-хелицеры наверняка сняты мухам и другим потенциальным паучьим жертвам в ночных кошмарах.

Но вот — фаланга. Паутиных желез у нее нет. Ядовитых, если уж говорить начистоту, тоже нет. Охотится она по ночам, а жертвы ее очень подвижны и обитают в бескрайних обширных пространствах пустынь и сухих степей. Тут, чтобы не умереть от голода, нужны крепкие ноги, тонкое чутье, ловкость и изворотливость. И когда началось великое заселение суши и перед арахнидами, заброшенными судьбой в сухую степь и пустыню, встала насущнейшая задача — выжить! — родоначальниками будущего многочисленного отряда фаланг стали те, у которых педипальпы непомерно выросли и, сохранив свою великолепную осязательную функцию, стали выпол-

нять еще целых две роли: во-первых, помогать при беге, во-вторых, и это главное, пожалуй, — ловко хватать добычу. Но на этом заботливая мать-природа не остановилась. Удача больше светила тем, чьи волоски на ногах и педипальпах (также присущие обычно большинству пауков) выросли, встали торчком и тоже получили сразу две роли — осязательную и удерживающую, потому что вырваться из мохнатых лап гораздо трудней, чем из гладких. Но и это не все. Хелицеры-крючья раздвоились, вытянулись, приобрели зубья и стали двумя парами грозных челюстей, во время работы напоминающих две пары механическихпил...

Вот какое своеобразное существо предстало передо мной в окуляре фотоаппарата. Добавьте к этому, что я видел ее в сильно увеличенном виде, эффект присутствия, как вы понимаете, был полный, а о том, что у нее отсутствуют ядовитые железы, я тогда не знал, и, ко всему прочему, колени, на которых я стоял, в нескольких местах уже ощущали всю глубину проникновения верблюжьих колючек. И уже тогда я понял, что на фотографии фаланга, конечно же, будет выглядеть гораздо хуже, чем в жизни.

Знаменитые челюсти фаланги

Как передать на фотоснимке восхитительную молниеносность ее движений, отвагу? В увеличенном виде она вполне могла бы сойти за обитателя планеты дельта Кассиопеи или другой какой-нибудь, и прав на это у нее было, может быть, больше, чем у любого другого земного существа. На паука она походила только издалека, вблизи же — и это самое интересное, — она ни на кого не была похожа! То есть просто не от мира сего! Одно то, что голова ее сбоку была исключительно орудием битвы, это становилось ясным сразу; даже глаза с какой-то непонятной зловещей целью были размещены у нее не по бокам головы и не спереди, а где-то на темени, почти на макушке — этаким вознесенный перископ в виде двух черных бусинок. Челюсти же были страшно длинные и не кончались там, где кончались красно-бурые лезвия. Две мощные раздвоенные мышцы соединялись в одно целое чуть ли не у самого основания головы, у самого «перископа», и казалось, что это сделано специально,

что именно до сих пор, именно на такую страшную глубину, клювообразные челюсти могут проникнуть в тело жертвы. Я уж не говорю о том, что вскинутые волосатые педипальпы не предвещали ничего хорошего. Да, что-то будет, когда наши космические корабли начнут наконец посещать обитаемые планеты. Что-то будет...

Я стрелял, как из автомата, едва успевая взводить затвор, и все-таки понимал, что хорошо, если получится хоть один кадр, хоть один! Вела себя фаланга очень спокойно, да еще мое волнение передалось окружающим участникам экспедиции.

Наконец я поднялся с колен. Жора немедленно наклонился с пинцетом, взял храброе существо за загривок и бросил в банку со спиртом. Скрепя сердце я выдержал это варварство — фаланга нужна для коллекции музея. Умерла она в боевой позе — с раскрытыми челюстями и поднятыми вверх педипальпами. Как настоящий воин.

Коварный отряд

Так уж устроен человек, что даже в том случае, когда он старается быть сознательным и не нарушать природного равновесия, он все же вносит изменения в окружающий пейзаж и вызывает перестройку экологических сообществ в местах своего обитания... Как ни хотели мы не губить ничего живого вокруг себя, сделать это нам пришлось — и из профессиональных соображений, и из нужд бытовых. Площадка, вытоптанная рядом с палаткой, вокруг обеденного столика, начисто лишённая колючего янтака и всех других растений, являла собой типичный пример эрозии... Для кого-то из живых существ это было, наверно, плохо.

Но для муравьиных львов это было как раз хорошо.

Выйдя из палатки однажды утром, я обнаружил во многих местах площадки целую серию аккуратных круглых воронок — как будто за ночь район нашего обитания подвергся массивной бомбардировке маленькими, но довольно мощными бомбочками. Множество беспорядочно снующих вокруг муравьев казались уцелевшими рассеянными бойцами. То тут, то там быстрыми самоходками двигались серые мокрицы, словно бы защищенные стальными пластинами, и медленно ползали бронированные тяжелые танки — жуки-чернотелки.

Что это? Нашествие? Последствия ночной битвы? Может быть, потрясенное, пережившее кошмарную ночь войско муравьев получило наконец передышку и постепенно приходит в себя?

Однако передышки не было. Война была как раз в самом разгаре. Аккуратные круглые воронки не были следами бомб. Они появились в результате методичной и беззвучной работы коварных муравьиных

врагов. И именно сейчас загадочные воронки представляли самую большую опасность. Вот он бежит, маленький черный воин, бежит по той самой дорожке, которой пользовался еще вчера. Но что это? На пути— громадная круглая яма. Откуда она появилась, кто выкопал ее? Неосторожный шаг, и... До чего же круты сыпучие стенки, невозможно удержаться, невозможно выбраться наверх, к своим, к солнцу, — мелкие песчинки влекут на дно воронки, в неведомое... Ах, но что это опять?! Удар! Еще удар! Горсти песчинок бьют точно в муравья, они лишают его последней возможности выбраться, сбивают вниз. А там... Огромные клещи высовываются из пыли на дне воронки, молниеносно хватают горемыку за ногу, за брюшко, за что попало и тянут, тянут в зыбучую глубину с кошмарной силой. Вот уже одна лишь голова, покрытая пылью, осталась на свету. Последний взгляд из глубины воронки на солнечный мир. И... все кончено.

«Ротовые части муравьиного льва в совершенстве приспособлены для того, чтобы высосать всю жертву, ни на секунду не разжимая челюстей... Когда жертва высосана досуха, оболочка ее выбрасывается вон из воронки». Этими словами известного английского энтомолога Давида Шарпа я заканчиваю трагическую историю черного бойца.

«Но почему лев? — спросите вы. — Почему лев, когда он поступает так коварно, предательски, совершенно не в духе настоящего льва, царя зверей?» Так уж его назвали. Первым дал ему царское имя льва биолог Реомюр, впервые описавший разбойника. В дальнейшем оно за ним так и осталось. По-латыни оно звучит очень красиво: «мирмелеон».

Далее я позволю себе опять процитировать авторитетное описание Давида Шарпа:

«Двигаются они только задом и при постройке воронки пользуются своим широким телом как плугом, взрывая им борозды; вырытый же песок удаляется следующим способом: некоторая порция его помещается на голову и резким толчком отбрасывается далеко назад. Когда личинка приступает к постройке своей ловушки, она начинает работу не с центра ямки, но проводит сначала круговую борозду диаметром с будущую воронку; вкапывая брюшко под поверхность песка, насекомое нагребает себе посредством передней ноги на голову песка с того боку, который ближе к центру, и отбрасывает этот песок прочь, на некоторое расстояние; делая второй круг внутри первого, третий внутри второго и т.д., насекомое удаляет постепенно весь песок и получает коническую ямку, воронку, на дне которой и зарывается совершенно, выставляя наружу одни широко раскрытые кривые жвалы. В этом положении молодой муравьиный лев терпеливо поджидает

ет, не забежит ли какое заблудшее насекомое в пределы его владений...»

И происходит уже описанное.

Итак, коварный разбойник — личинка. Выглядит она довольно неэстетично — серая, неопрятная, покрытая пылью, — но имеет внушительные челюсти-жвалы. Зато когда личинка становится взрослым насекомым...

Впервые увидев взрослого муравьиного льва, я поразился столь резкому контрасту. Милейшее, безобиднейшее на вид воздушное существо с изящным тонким телом, нежными полупрозрачными сетчатými крыльями и невиннейшим взглядом красивых зеленоватых глаз. Этакая кисейная барышня в газовом платье. Перепархивало это насекомое тоже медленно как-то, расслабленно мерцая своими прекрасными длинными крылышками. Можно было подумать, что слишком культурное воспитание не позволяет ему делать это с большей энергией. Никакого намека на темное, преступное прошлое!

Аскалафусы, муравьиные львы, нитекрылки, мантиспы, златоглазки, осмилы — любой из этих представителей отряда сетчатокрылых очень интересен как по своему образу жизни, так и по внешнему виду. Личинки уже известного вам аскалафуса, внешне напоминающие муравьиных львов, отличаются тем, что не роют воровок, а подкарауливают своих жертв, сидя под камнями, за травинками, как разбойники с большой дороги. У некоторых видов нитекрылок в юности длинная шея, которую увенчивают крошечная голова с большими клещами. Ведут они себя тоже отнюдь не добропорядочно, а селиться любят, по словам Д. Шарпа, «в склепах и пирамидах Египта, там, где скопляется песок».

Крошечная личинка мантиспы выводится из яйца осенью и зимует натошак, а весной отыскивает кокон с яичками земляного паука Ликозы, проникает в него и живет себе преспокойно, постепенно поедая сначала яички паука, а затем и выводящихся маленьких паучков. Замечательно, что самка паука почему-то делает вид, что не замечает разбойницу, когда та врывается в детскую, и в дальнейшем как ни в чем не бывало продолжает охранять свой кокон, хотя в конце тем временем происходит кошмарная трагедия. И эту прискорбную неосмотрительность и слепоту проявляет представительница интеллектуального класса паукообразных! Поразительно! Чем же так усыпляет ее бдительность личинка мантиспы?..

Определенно в раннем возрасте сетчатокрылые — это какие-то профессиональные бандиты, аферисты, взломщики, гипнотизеры. Даже личинка златоглазки, милейшего эфемерного существа с искрящимися позолоченными глазками, мягкими голубова-

то-воздушными крылышками, слабым, полупрозрачным зеленым тельцем, имеет страшный, преступный облик неопрятного рецидивиста и энергично нападает на беззащитных тлей. И поедает, вернее высасывает их с какой-то изощренной жестокостью — хватая их так, будто это не живые существа, а бурдюки со сладким сиропом (чем приносит, впрочем, несомненную пользу растениям и нам, людям). При случае личинка златоглазки разорвет даже коконы страшного каракурта!

Личинки же медленно летающих около воды осмилов — это какие-то универсальные убийцы, джеймсы бонды среди насекомых. С поразительной ловкостью и пронырливостью бегают они по берегу водоема, хватая тех, кого в состоянии схватить, и вдруг как ни в чем не бывало скрываются под водой и бегают уже по дну! С равным успехом они могут дышать и на суше и под водой. Так уж благосклонна к ним мать-природа, что снабдила их не только обыкновенными дыхальцами, но и дала способность усваивать через тонкую кожу кислород, растворенный в воде.

Взрослые сетчатокрылые, правда, тоже хищники, но все же не настолько отъявленные, и потом, очень уж они все артистичны. У нитекрылок (латинское название «немоптера») задние крылья очень сильно вытянуты, так сильно, что напоминают шлейфы или декоративные перья. Зачем, спрашивается? У ближайших родственников муравьиных львов, пальпаров, крылья испещрены яркими красными пятнами, а летают пальпары с изнеженной церемонностью. Хотя, будучи личинками, они изнеженностью вовсе не отличались и без всяких церемоний хватали насекомых намного крупнее себя, например — жуков.

Как выглядят и как ведут себя представители сетчатокрылых в тропиках — об этом страшно и говорить...

Удивительный отряд! И пока еще мало изученный...

Солнце на крыльях

Почему-то бывает так, что из множества событий, о которых мы мечтаем, какое-то одно вдруг становится самым желанным. И не всегда можно понять, почему.

Ну, например, когда в юности я был еще невежественно жесток и просто так, развлекаясь, занимался рыбной ловлей, мне больше всего на свете хотелось поймать леща. Не сома, который жил в Круглом омуте и о котором ходили легенды (он будто бы глотает не только утят, но взрослых уток и даже гусей, а однажды, говорят, схватил вошедшую в воду овцу), не голавля (рассказывали, что они бывают до пяти килограммов весом и, если посидеть с «тюкалкой» на перекате, можно такого вытащить), не шереспера (исключительно сильную, бойкую и красивую рыбку), не старую щуку. Леща! Золотистого, как поднос, широкого. Килограмма на два, не больше. Хватит даже на килограмм. Чтоб ранним утром, в тумане. Когда солнце просвечивает красным пятном, а на реке загадочные плески. И чтоб поплавок сначала качнулся несколько раз, а потом лег бы плашмя. И поплыл медленно. А я бы подсек, и удилище бы согнулось в дугу. И осторожно я вывел бы эту громадину, эту бронзовую печную за-слонку на поверхность воды. И лещ, глотнув воздуха, стал бы вялым. А я осторожно подтянул бы его к берегу, а потом шагнул бы в воду и вытащил красавца за жабры. И на руках была бы лишняя, остро пахнущая слизь и прилипло бы несколько золотых чешуй величиной с пяточок. И с силой изгибалось бы в руках мощное плоское тело рыбины. И хозяйка моя, тетя Ньюша, узнала бы, что я наконец поймал леща...

А щуку мне и не нужно. И легендарного сома не нужно. И голавля. Мне бы леща золотого. В тишине, ранним утром...

Что касается бабочек, то похожее чувство было у меня к аполлону и подалирию. Может быть, потому к аполлону, что водится он в горах, да и то не везде, и поиски его связаны с путешествиями. Красив он к тому же, большой... А название какое! Аполлон, бог света, покровитель искусств... К подалирию же потому, наверное, что выглядит эта бабочка очень своеобразно — нездешняя, не похожая на других. А потом, у С.Т. Аксакова в «Детских годах Багрова внука» была одна глава — «Собирание бабочек», которая в юности очень нравилась мне, а там как раз и говорилось с почтением о бабочке, которая называлась «Кавалер Подалирий». Раньше, кстати, они встречались довольно часто в средней полосе, но сейчас, увы... Сейчас в Подмосковье подалирия и не встретишь. Слишком много коллекционеров, собирателей бабочек, а подалирий ведь так красив...

Вы помните, наверное, что в Ташкенте, в долгом ожидании экс-

педиции, я рассматривал музейные ящички и узнал от начальника, что гусениц махаона они обычно насаживают на крючки как наживку, что в тугаях бывает и подалирий, правда не очень часто, но что летают там во множестве и другие бабочки, а некоторые даже похожи на поликсену, хотя, по-видимому, это все-таки не поликсены...

Какие же?

И на второй день, несмотря на легкую обалделость от множества новых впечатлений в экспедиции, я вдруг поймал сам себя на том, что с особенным вниманием разглядываю нескольких белых бабочек, порхающих невдалеке от нашей стоянки. Вернее, они были не белые, а желтоватые, но не приторно-желтые, как лимонницы, а оттенка слоновой кости. Бабочки близко не подпускали, к тому же в первые дни после нашего приезда дул ветер, и если одна из летуний садилась, то и тогда трудно было ее разглядеть, потому что сильно качалась трава. Но Жора заметил мой интерес и сказал:

— Вот это они и есть. Те, о которых я тебе говорил.

Уже на расстоянии я понял, что это не поликсены. Но тогда кто же?

Я уже и нарывников наснимал, и фалангу, и пчеложуков на кермеке, и бабочку-пандору, и туркестанских жемчужных хвостаток, и голубовато-серебристых жуков-слоников, а загадочные желтоватые бабочки все еще близко не подпускали.

Вообще-то бабочки очень общительные и любознательные создания, но пугливы, им нужно какое-то время, чтобы привыкнуть. Их наверняка интересовала наша палатка, множество незнакомых предметов нашего обихода, возможно даже и сами мы, но слишком внезапным, согласитесь, было наше вторжение на их законную территорию, и, прежде чем знакомиться с нами, им, конечно, необходимо было как следует к нам присмотреться.

Я же не торопился пока гоняться за ними, считая, что они никуда не денутся, вполне понимая их первоначальную осторожность.

Но вот прошла первая неделя. Прежде чем, по обычаю, идти в тугай, я решил наконец заняться бабочками цвета слоновой кости.

Как вы помните, только с одной стороны от нашей палатки — со стороны Сырдарьи, были заросли гребенщика и лоха, с противоположной же стороны и вокруг открывалась бескрайняя гладь пустыни. Только на севере, метрах в ста, начиналась полоса тугаев. На площадке рядом с палаткой не осталось ни одного кустика верблюжьей колючки, и можно было даже ходить босиком, но вокруг колючка росла во множестве, и не только она, но похожий на нее парнолистник, цветущий мелкими розовенькими цветами, и полынь, и солянка, и каперсы, и еще какие-то неизвестные мне растения с белыми цветочками, и вездесущая солодка. Загадочные желтова-

тые бабочки (их было две-три, самое большое — четыре) уже подлетали к нам довольно близко и садились на белые цветочки, на каперсы, на качающиеся под ветром кустики парнолистника или просто на высохшую до твердости глину. Как правило, крылья их были сложены вместе или полураскрыты — и это вполне понятно, потому что, если раскрыть крылья настезь и целиком подставить свое нежное брюшко солнцу, можно изжариться моментально.

Итак, решив, что для близкого знакомства время уже наступило, я взял наизготовку фотоаппарат и начал к одной из бабочек приближаться. Сначала она никак не подпускала меня к себе ближе чем на несколько метров, но потом, как видно, поверила. Наконец я смог ее разглядеть.

Бабочка солнечная гипермнестра во всей красе

Она была прекрасна. Нежные, не гладкие, а как будто бы слегка гофрированные крылья ее были разрисованы с необычайной тонкостью и изяществом. Чувствовалось, что великий художник наносил свои краски без спешки, без суеты, и особенная сдержанность, воздушность рисунка объясняется не скупостью его на краски, а гениальным чувством меры, удивительным вкусом. Все четыре крыла были оторочены с наружной стороны рядом аккуратных черных колец, но не сплошных, а состоящих из микроскопических точек. Они

как бы были выполнены углем в стиле пуантилизма, и это не казалось выспренным, потому что сплошные черные кольца были бы слишком грубы для этого воздушного существа. С внешней стороны каждого колечка черный цвет сходил на нет постепенно, внутри же оставался незапятнанный белый круг. Вообще с парадной стороны фон крыльев был белоснежный, а общий оттенок слоновой кости создавался за счет окраски испода, представлявшей из себя желтоватую, блеклую, как бы слегка слинявшую или выгоревшую на солнце копию наружного рисунка.

Понятно, почему бабочка, садясь, бережно складывала вместе крылья — она берегла свой рисунок! Но я не до конца описал его. Главная красота создавалась не полуразмытыми кольцами. На переднем, фронтальном крае верхних крыльев четко и ярко выступали по три удлинненных пятна. Два угольно-черных и одно, самое крупное, — кроваво-красное, отороченное черной каймой. Это последнее пятно, конечно же, было самой яркой частью рисунка, исключительно смелым мазком, но оно было нанесено с такой осторожностью, с таким чувством меры, что не только не нарушало общего утонченного-изящного ансамбля, а, наоборот, придавало ему законченность. По несколько черных и по четыре маленьких алых пятнышка, тоже отороченных черным, было на нижних крыльях... Общее впечатление от бабочки было удивительно светлое, оптимистичное, радостное — никакой трагичности от этого черного с красным! Больше того: казалось совершенно естественным, что это создание родилось именно здесь, в Средней Азии, стране солнца, сухих степей и пустынь, минаретов и мавзолеев, выжженного солнцем камня.

Некоторые энтомологи, в частности Тейер, считают, что «окраска каждого животного выражает собою общее впечатление от окружающей обстановки». К его мнению присоединяются многие ученые

и художники. Я с этим согласен! Белизна крыльев той бабочки, легкая размытость, пуантилизм черного рисунка, желтоватая, выцветшая обратная сторона как бы передавали впечатление от света, жары и открытости этих мест. А умеренная яркость красных пятен, не кричащих, а как бы растворяющихся на общем фоне, дополняющих и оживляющих весь рисунок, — это, конечно же, яркость горячего солнца! Я вообще заметил, что рисунок многих среднеазиатских гусениц удивительно напоминает элементы национальных узбекских, казахских или туркменских орнаментов. То же можно сказать о раскраске ящериц, змей, пауков. Определенно все это неспроста! Если в случае с животными природа действует сама, то через художников-людей она опять же проводит свою генеральную линию на их рисунках.

Паук-крестовик. Заколдованная ткачиха Арахна.

Фотографировать бабочку было трудно. Даже когда она привыкла ко мне и начала подпускать, то все равно сидела со сложенными крыльями, не считая, как видно, меня настолько своим, чтобы показать всю красоту. Или опасалась слишком яркого солнца. И все же в конце концов отношения наши настолько сблизились, что я присаживался рядом с ней и, держа сфокусированную камеру в одной руке, пальцем другой осторожно раздвигал крылья бабочки, надеясь, что хоть ненадолго она оставит их открытыми. Раздвигать крылышки она позволяла. Но почти тотчас сводила их вместе, не понимая, как видно, чего я от нее хочу. Так и не удалось снять ее как следует в первый день. Только с полураскрытыми крыльями...

Лишь через некоторое время мне повезло: я сфотографировал ее не только на голой травинке, но и на бурно цветущем кермеке — растении с мелкими сиреневыми цветками и тонким малиновым ароматом. Но как она называется, я не знал.

Возвратившись в Москву после экспедиций и листая в Ленинской

библиотеке атлас Курта Ламперта, я не нашел очаровательной бабочки в основных таблицах. Наконец, уже потеряв надежду, заглянул в приложение. Знакомый рисунок тотчас бросился мне в глаза. Как всегда, на картинке она, конечно, была не так эффектна, как в жизни, к тому же нарисована в атласе была только половина бабочки — два крыла. И все же я узнал ее. Оказалось, что она принадлежит к аристократическому семейству кавалеров, или парусников, и находится в близком родстве с аполлоном, подалирием, махаоном и другими, еще более эффектными красавцами, обитающими главным образом в тропиках. Не случайна, значит, изысканная тонкость ее рисунка! И как же, вы думаете, она называлась? Чуткий классификатор дал ей великолепное, очень подходящее название: «Гипермнестра гелиос».

Гелиос — бог солнца. А вот что значит «гипермнестра»?

«Гипермнестра (греч.) — одна из данайд, послушавшаяся повеления отца и сохранившая жизнь любимому мужу Линкею», — таковы краткие сведения из мифологического словаря. Маловато...

Обратимся же к книге Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции»:

«У сына Зевса и Ио, Эпафа, был сын Бел, а у него было два сына — Египт и Данай. Всей страной, которую орошает благодатный Нил, владел Египт, от него страна эта получила и свое имя. Данай же правил в Ливии. Боги дали Египту пятьдесят сыновей, Данаю же — пятьдесят прекрасных дочерей. Пленили своей красотой данаиды сыновей Египта, и захотели они вступить в брак с прекрасными девушками, но отказали им Данай и данаиды. Собрали сыновья Египта большое войско и пошли войной на Даная. Данай был побежден своими племянниками, и пришлось ему лишиться своего царства и бежать. С помощью богини Афины

Паллады построил Данай первый пятидесятивесельный корабль и пустился на нем со своими дочерьми в безбрежное, вечно шумящее море».

Далее легенда повествует о том, как долго плавал корабль Даная, как пытался отец спасти своих дочерей от замужества с сыновьями Египта, как хотел помочь ему Пеласг, царь Арголиды. Но ничего не вышло.

Гибель принесло Пеласгу и жителям Арголиды решение оказать защиту Даная и его дочерям. Победенный в кровопролитной битве, принужден был бежать Пеласг на самый север своих обширных владений. Правда, Даная избрали царем Аргоса, но, чтобы купить мир у сыновей Египта, он должен был все же отдать им в жены своих прекрасных дочерей.

«Пышно справили свадьбу свою с данаидами сыновья Египта. Они не ведали, какую участь несет им с собой этот брак. Кончился шумный свадебный пир; замолкли свадебные гимны; потухли брачные факелы; тьма ночи окутала Аргос. Глубокая тишина царила в объятном сном городе. Вдруг в тиши раздался предсмертный тяжкий стон, вот еще один, еще и еще. Ужасное злодеяние совершили под покровом ночи данаиды. Кинжалами, данными им отцом их Данаем, пронзили они своих мужей, лишь только сон сомкнул их очи. Так погибли ужасной смертью сыновья Египта.

Спасся только один из них, прекрасный Линкей. Юная дочь Даная Гипермнестра сжалилась над ним. Она не в силах была пронзить грудь своего мужа кинжалом. Разбудила она его и тайно вывела из дворца.

В неистовый гнев пришел Данай, когда узнал, что Гипермнестра ослушалась его повеления. Данай заковал свою дочь в тяжелые цепи и бросил в темницу. Собрался суд старцев Аргоса, чтобы судить Гипермнестру за ослушание отцу. Данай хотел предать свою дочь смерти. Но на суд явилась сама богиня любви, золотая Афродита. Она защитила Гипермнестру и спасла ее от жестокой казни. Сострадательная, любящая дочь Даная стала женой Линкея. Боги благословили этот брак многочисленным потомством великих героев. Сам Геракл, бессмертный герой Греции, принадлежал к роду Линкея.

А через несколько веков, добавим мы от себя, знающий историю и чуткий к красоте энтомолог Никерль назвал именем Гипермнестры прекрасную солнечную бабочку. Гипермнестра гелиос — Солнечная Гипермнестра...

Эмпуза

Я шел по кромке тугайных зарослей, там, где они постепенно переходят в пустыню, и хотя больших деревьев и густых трав уже нет, но еще встречаются мощные гребенщики, купы низкорослого чингила, полянки горчака или кермека. Кермек, душистый кермек с малиновым ароматом, всегда привлекал особенно пристальное мое внимание, потому что на его мелких сиреневых цветочках, собранных в большие кустистые соцветия, собирался, как правило, целый зоопарк: пчелы, осы, мухи, бабочки, кузнечики, зеленые нарывники-церокома, пчеложуки, хищные пауки и клопы-ринокорисы, зако-

ванные в черно-красно-бело-полосатые dospехи. Именно на кермеке я снял и Солнечную Гипермнестру. Богомолы же, за которыми я тоже охотился с вожделием — очень уж у них эффектная внешность! — встречались редко, но вдруг...

Хищный клоп ринокорис

Меланхолично, спокойно, совершенно игнорируя мое приближение, на одном из соцветий удобно устроилась большая, сантиметров семи длиной, зеленая изящная эмпуза. Только через несколько секунд она удостоила меня вниманием, медленно повернув в мою сторону треугольную голову с большими глазами и двумя усиками, похожими на длинные тонкие гребенки, лихо торчащие на затылке. Искоркой сверкнуло зеркальце со лба... Надо вам сказать, что эмпуза, ближайшая родственница богомола, носит на лбу зеркальце не случайно: имитируя блеск капельки воды, росинки, оно приманивает к своей обладательнице легковверных, не подозревающих о смертельной опасности насекомых. И вообще ее экстравагантная внешность удивляла самого Ж.А. Фабра.

«Среди насекомых наших стран нет более странного существа, — писал издавший виды натуралист. — Это какое-то привидение, дьявольский призрак... Заостренная физиономия эмпузы выглядит не просто хитрой: она пригодилась бы Мефистофелю...»

Эмпуза презрительно посмотрела на меня, а я вспомнил, что пленка в аппарате кончилась, а запасной я не взял. Да и света было уже маловато, вечер... Пришлось чопорную красавицу брать с собой, посадив ее в бумажный фунтик.

Выпущенная в лагере в поллитровую банку, она первым делом начала приводить себя в порядок, обращая особенное внимание на состояние гребенчатых усиков. Нагибая их по очереди передними ножками, как руками, она аккуратно пропускала между челюстями каждый зубчик. На кузнечиков и мух, пущенных в ее стеклянную

тюрьму, она не обращала никакого внимания, и я понял, что особа, обладающая столь аристократической внешностью и манерами, скорее умрет от истощения, чем опустится до того, что будет совершать трапезу в таких неподходящих условиях. Впрочем, глядя на ее исключительно изящный тонкий стан и плоское брюшко, я понимал: голод — ее обычное состояние...

В течение ночи она так и не притронулась к пище, а утро начала со своего обычного неспешного туалета. Когда солнце достаточно поднялось, я выпустил ее на сухую ветвь чингила и попросил начальника экспедиции направить на эмпузу зайчик от карманного зеркальца, чтобы добавить света. Та спокойно сидела, не обращая на нас ровно никакого внимания и делая вид, что вся эта съемочная шумиха ее ни капельки не касается. Даже внезапно представившаяся возможность бежать как будто бы ничуть не прельщала ее. Глядя в видоискатель с близкого расстояния, я подозревал, что ее томность и спокойствие — сплошная игра, но все же рассчитывал на то, что, пока она раскочается, я успею нафотографировать ее вдоволь.

— Не улетит она, Жора? — с опаской спросил я на всякий случай, навинчивая еще два переходных кольца, чтобы сделать портрет.

— Да нет, что ты. Ты же видишь, ей все до лампочки, — спокойно ответил начальник экспедиции, ловя зеркальцем солнечные лучи.

И в этот самый момент эмпуза лениво взмахнула крылышками и не спеша полетела к ближайшему лоху. Мы и в себя прийти не

успели, а она уже благополучно скрылась в серебрящейся кроне...

Я был мало сказать — расстроен, я был возмущен. Ведь я же так по-человечески к ней отнесся — уважал ее, кормил, восхищался ею и собирался непременно выпустить ее после съемки. А она? Дело даже не в том, что она при первой возможности так вероломно оставила нас, дело в том — как она это сделала. Мне кажется, что не в коварстве и вероломстве дело, а в том, что она действительно не считала нас с Жорой заслуживающими ее внимания. Мы ей действительно были «до лампочки» — это я недвусмысленно понял. Но ведь это-то и обидней всего...

Впоследствии я не раз ловил богомол, но такой большой и красивой эмпузы больше не встречал. Я, правда, успел сфотографировать нашу великолепную пленницу «во весь рост», но, к великому сожалению, так и не смог сделать ее портрет.

Удалось снять через некоторое время лишь портрет ее ближайшего родственника — богомола обыкновенного. Должен сказать, что он гораздо менее эффектен, чем эмпуза, однако стоит только посмотреть на него, и становится ясно: в его взгляде тоже есть нечто очаровывающее, хотя, конечно, чрезвычайно манерное. Нужно заметить, впрочем, что на насекомых его взгляд и поза — так же как взгляд, поза и зеркальце эмпузы — действуют неотразимо. Обманутые очарованием, спокойствием и мнимой смирностью подобных типов, они садятся поблизости, и тогда передние ножки, так смиренно, так молитвенно сложенные (латинское название богомола «мантис религиоза»), делают молниеносный выпад. И немедленно выясняется, что эти красивые конечности имеют с внутренней стороны кошмарные кривые зазубрины, которые безжалостно впиваются в жертву, и вот уже к ней приближаются страшные челюсти так называемого богомола... Известный советский учёный-естествоиспытатель Ф.Ф. Талызин пишет: «Крупные особи богомола, достигающие десяти сантиметров, храбро вступают в единоборство с колибри и даже мышью. Однажды в Мехико уличное движение приостановилось из-за того, что шоферы сбежались посмотреть на сражающихся среди шоссе богомола и воробья. Вскоре воробей отступил и улетел».

Учитывая свой опыт общения с богомолами, а главное — с эмпузой, я хочу сказать: не верьте тем, у кого слишком смиренный, слишком очаровывающий, слишком равнодушный или слишком «богомольный» вид!

Трудовые будни биологов

Теперь я хочу описать повседневный быт участников нашей экспедиции.

Жили мы, надо вам сказать, совсем неплохо. Георгий Федорович,

как и я, после завтрака шел в тугай на работу, повесив на себя сумку, в которой лежали коробочки с ватой, огромный пинцет, напоминающий страшное оружие Бармалея, и склянка с парами дихлорэтана — «морилка». В руках у него был сачок с толстой палкой и кисейным мешком такого размера, что, казалось, Жора еще надеется на встречу с каким-нибудь одуревшим от старости последним тугайным тигром. Ползая на четвереньках в зарослях солодки, гебелни или кермека, я иногда поднимал голову и видел вдалеке начальника экспедиции, задумчиво глядящего прямо перед собой. Вдруг он ни с того ни с сего взмахивал своей ловчей сетью и долго потом сосредоточенно рассматривал ее изнутри, словно пытаясь сообразить, почему же все-таки она оказалась пустой. Кроме нас двоих, в тугае, как правило, никого не было — и это хорошо, а то неизвестно, к каким выводам пришел бы любой нормальный человек, увидевший нас за работой.

Возвращаясь точно к обеду, Жора шел напрямик к палатке, не говоря никому ни слова, скрывался там, долго сидел около перевернутого ящика, раскладывая трупики пчел в коробке, тщательно пересчитывая их и мучительно соображая что-то. Потом он долго писал. Казалось, в глубине души он понимает, что его безумная забота — переловить всех тугайных пчел — обречена на неудачу, но боится признаться себе в этом и скрупулезно пишет отчет, пытаясь хорошей отчетностью заглушить упорный голос здравого смысла.

Таксидермист Сабир, первую половину дня отдававший своему главному хобби — вставая раньше всех, он проверял подпуска, поставленные вчера вечером, — вторую половину дня отдавал хобби маленькому: готовил обед, отбивая таким образом хлеб у Хайруллы. Иногда, в промежутке, он разделял какую-нибудь бедную птичку, подстреленную накануне жестоким начальником. Этот начальник в конце концов окончательно принял в моем воображении образ уса-того Бармалея, хотя и с голубыми глазами. Ведь он не давал покоя ни перепончатокрылым, ни птицам, ни рыбам, и, хотя я понимал, что все эти убийства делаются ради высоких целей, трудно было воспринимать их как должное. Жора, по-видимому, догадывался о моих чувствах, потому что в моем присутствии с ним частенько происходили досадные неудачи. Ну, например, чем объяснить, что, когда я сопровождал его на охоте, он почти всегда позорно мазал, хотя на самом деле был очень хорошим стрелком, что неоднократно подчеркивал не только он сам, что было бы, конечно, понятно, но и Сабир?

Однажды вечером мы отправились с ним в тугай за фазаном, с тем чтобы Жора убил его, а Сабир потом сделал музейное чучело. Обычно, когда я ползал в траве, не проходило дня, чтобы фазан мне не встретился. А тут мы ходили по самым фазаньим местам больше

часа — и ничего. Наконец пара крупных птиц взлетела и, перелетев через большую поляну, опустилась в заросли чингила метрах в двухстах впереди. Жора, потеряв от волнения свою велосипедную шапку (другой, к сожалению, не было в магазинах Ташкента), бросился вперед и начал обходить противника справа. Я шел не спеша, чтобы остаться перед фазаньим убежищем и, когда Жора обойдет заросли, выпугнуть птиц на него. На всякий случай я снял переходные кольца и поставил телеобъектив в надежде запечатлеть красавца прежде, чем смертоносный заряд настигнет его..

Остановившись перед зарослями, я ждал, пока Жора займет позицию, а потом слегка помахал руками. Раза два я услышал знакомое квохтанье в кустарнике, однако благоразумные фазаны не вылетали. В конце концов Жора принялся шуметь в кустарнике, как хороший кабан, однако и это не принесло успеха. Фазаны не показывались. Все же я чувствовал, что они сидят в чингиле, прекрасно понимая, что чингиловые колючки не пустят к ним даже такого храброго человека, как начальник нашей экспедиции. Так оно и вышло. Пошумев ветками безобидной туранги, Жора обошел чингил и оказался с левой стороны от него, метрах в двадцати от меня.

— Они там, Жора! — предостерегающе крикнул я, но наш опытный начальник проигнорировал мое дилетантское заявление и спокойно повесил ружье на плечо.

— Они давно пешком убежали, — сказал он. — Мою шапку не видел?

И в этот момент заросли чингила вспыхнули радугой. Фазаны — петух и курочка — с треском вылетели и низко над землей понеслись в глубину тугая. Нервы не выдержали — ведь усатый Бармалей оказался от них шагах в пятнадцати!

Жора сорвал с плеч двустволку, нажал на курок, забыв снять предохранитель, выругался, щелкнул предохранителем, выстрелил вслед удаляющимся птицам два раза, но красавец самец вовремя сделал финт в сторону, и парочка благополучно скрылась в густом лесу.

— Ах, дурак, ах, дурак старый!.. — несколько раз повторил Жора, стараясь не глядеть в мою сторону.

Я заметил, что с тех пор он не очень охотно брал меня с собой.

Но еще более курьезный случай произошел с рыбой, которая называется «змееголова». В экспедиции ее звали просто — Мао Цедун. Дело в том, что рыбу эту завезли из Китая, она очень сильно размножилась, вытеснила многие здешние формы и фактически стала вредителем. На вкус она ничего, но промыслового значения не имеет. Морда у нее широкая, мясистая, глазки маленькие, губы толстые... По словам Жоры, в прошлые годы они ловили змееголову

во множестве, а в этот раз то ли ее стало меньше, то ли она научилась избегать наши спаси, но попалась она нам всего лишь раз, да и то не на подпуск, а на жерлицу, которую поставил Жора. Но то, что она попалась на крючок, выяснилось после, а сначала события складывались довольно-таки драматически...

Вечером, когда низкое солнце освещало деревья лоха и они из голубовато-серебряных стали золотыми, мы с Жорой прогуливались по берегу Сырдарьи метрах в трехстах ниже нашей стоянки. Берег здесь был обрывистый, хотя низкий, всего метра два над водой, жерлицы ставить очень удобно. Ветра не было, река в этом месте образовала широкий плес, на далеком противоположном берегу тянулась полоска деревьев, там тоже был небольшой тугай, и все это — закатное солнце, тишина, заросли невысокого тростника, спокойная вода (только на самой середине угадывалось быстрое движение струй) — пусть отдаленно, но все же напоминало знакомую с детства картину: закат на какой-нибудь широкой русской реке — Волге, Каме...

— Смотри! — вдруг с волнением прошептал Жора, сделав круглые глаза и ошетилив усы, заметно подросшие за прошедшие дни.

— Где? Где? — испуганно переспросил я, оглядываясь по сторонам и думая, что в этот идиллический вечер хозяин Ширик-Куль тугая дрыхлый тигр, переживший всех своих соплеменников, решил все-таки сходить на охоту...

— Да не там! Куда ты смотришь? В воде!..

С этими словами он схватил меня за руку и, оттащив от берега, чтобы кто-то меня не съел или я кого-то не испугал, опрометью побежал в лагерь, успев крикнуть, что он бежит за ружьем.

Так ничего и не поняв, я все же остался стоять на месте, понимая, что раз начальник меня здесь оставил, значит, надо стоять, тем более что если опасность в воде, то на суше мне пока что бояться нечего..

Вскоре, освещенный золотыми лучами, появился начальник, бегущий с двустволкой наперевес, и это выглядело так живописно, что я не удержался и сфотографировал его на бегу. Не обращая на меня внимания, Жора подкрался к берегу, прицелился... Разрывая блаженную тишину вечера, грянул выстрел. За ним еще один... Вслед за тем начальник принялся быстро снимать штаны и осторожно спустился в воду. Затаив дыхание, я ждал, чем же все кончится. Жора пошарил руками на дне реки и вытащил средних размеров рыбу... Из полураздробленной метким выстрелом пасти рыбы тянулась леска, которая оканчивалась на удилище, воткнутом в берег... Увидев попавшую на жерлицу змееголову, Жора не сообразил сразу, что она уже сидит на крючке, и впопыхах решил, что она просто так отдыхает. Поэтому и побежал за ружьем. Конфуз был настолько

сильным, что Жора, ни слова не говоря, надел штаны, сплюнул и, не глядя на меня, пошел в лагерь, размахивая змееголовой, как старой половой тряпкой, которую за негодностью он несет на помойку.

Рыбы у нас было много. Поначалу это приводило нас в восторг и позволяло уверенно смотреть в будущее, тем более что начальник не отличался чрезмерной щедростью при закупке продуктов в Ташкенте, а наш аппетит, усиленный напряженной работой, держался на довольно высоком уровне. К тому же Розамат не выполнил своего обещания и не вернулся через три дня, и съездить в Хаджи-тугай хотя бы за хлебом мы не могли. Рыба спасала нас и вселяла оптимизм. Но в конце концов... Вы не замечали, что судак все-таки суховат? Жуешь его, как деревяшку... Сом получше — мягче, по крайней мере жирнее, но все же, знаете ли... Жидковат как-то. И привкус у него. Сазан ничего, есть можно. Если, конечно, в меру. Но лень кости выплевывать, и вообще как-то... Карась на вкус неплохой, но у него-то действительно одни кости, и потом... Колбасы бы какой-нибудь...

В конце концов мы наладили натуральный обмен с жителями поселка Ширик-Куль.

К нам частенько наведывался сначала на лошади, а потом на мотоцикле один из них — местный лесник, совсем молодой казах. Он чинно здоровался, садился, закуривал и беседовал с Хайруллой. Правда, беседа эта была весьма сдержанной - видимо, из-за наличия существенных языковых барьеров: Хайрулла не знал по-казахски, а парнишка-лесник владел исключительно казахским. К счастью, предки казахов и узбеков общались между собой, потому что некоторые слова имели похожие корни. Со стороны беседа Хайруллы с гостем выглядела очень впечатляюще. Хайрулла, солидный, представительный, с лицом, в чертах которого угадывалось сходство с известным президентом Соединенных Штатов Америки Джоном Кеннеди, восседал за столиком в тени лохов в своей дневной резиденции, а именно — на глиняной террасе, вырытой Розаматом прямо в крутом откосе сырдарьинского берега. То ли из-за значительности момента, то ли потому, что спина и плечи сгорели на солнце, Хайрулла был одет в белую сорочку, правда расстегнутую, что можно отнести на счет климатических условий. Парнишка-абориген сидел перед ним в кепке, в серой куртке и в кирзовых начищенных сапогах. Спину он держал очень прямо, а на лице его неустанно играла вежливая улыбка. Казалось, местный князь прибыл с визитом почтения к пришельцам из далекой страны. Говорили они изредка, а больше молча и благожелательно смотрели друг на друга. В конце концов Хайрулла заметил пристальные взгляды, которые князь кидал на рыбу... В результате переговоров стороны пришли к взаимо-

выгодному соглашению: мы даем рыбу, нам привозят хлеб, кумран и кумыс.

В следующий раз князь приехал уже в сопровождении спутников — хитроватого пожилого мужчины, высокого белозубого и веселого парня и премиленькой девочки лет семи с необычайно приятной улыбкой. Они привезли нам лепешки и кислое хмельное верблюжье молоко — кумран. А также сравнительно свежие ташкентские газеты для Хайруллы. Чего только не достигнешь путем добрососедских переговоров!

Пришлось и мне подключиться к добыче рыбы, тем более что делал я это с большой охотой, нарушая, увы, свой принцип: не убивать...

Если от вытоптанной площадки, этакого плато, на котором стояла наша палатка, спуститься по береговому откосу вниз, сквозь лохи, минуя обеденную резиденцию — этакую гасиенду, куда на день мы ставили стол и стулья и где коротал дневные часы Хайрулла, принимая гостей или почитывая газеты, то попадешь на пологую травянистую полосу берега. Это еще не берег основного русла, а лишь — узкой заводи, поросшей чиём и низким тростником. Здесь мы с полуметровой глубины таскали хороших карасей, закидывая наживку в окошки меж тростников. Ниже заводь становилась шире, чище и глубже и была похожа на слабопроточный канал. Недалеко от соединения ее с основным руслом я облюбывал уютный просвет на берегу между тростниками — спокойную, чистую бухточку, укрытую зеленью со всех сторон. Здесь было очень приятно посидеть перед самым закатом, глядя то на поплавки, то на небо, которое то золотилось нежно и топило в своей ласковой глубине солнце, то вдруг принимало оттенок зрелого апельсина или краснело, как вишневый кисель, а то становилось совсем зеленым, с одной лишь узкой багряной полоской на горизонте. Караси здесь попадались хорошие — до полукилограмма, а однажды я вытащил даже сазанчика граммов на восемьсот...

Важное место в нашем трудовом распорядке отводилось купанию. Для того чтобы выйти к пляжу, нужно было форсировать заводь (максимальная глубина в месте нашего обычного форсирования — чуть выше колена) и попасть на длинную косу-полуостров, кудрявую и зеленовато-розовую от зарослей цветущего тамарикса. Перейдя косу поперек, мы попадали на берег основного русла Сырдарьи. Дно опускалось очень полого — только метрах в пятидесяти от берега можно было наконец плыть, но течение здесь так несло, что, если плыть против, можно лишь с трудом удержаться на месте. Противоположный берег сравнительно близко, метров сто, но это не настоящий берег, а остров, который протянулся вверх по реке на несколько

километров, достигая в ширину метров пятисот. Именно до острова решил доплыть как-нибудь Розамат, поставив себе задачу покорить Сырдарью (и доплыл однажды, и долго сидел, гордый, на острове, подставив солнцу свою волосатую грудь). Здесь мы и купались. Все, кроме Хайруллы, который, как выяснилось вскоре, плавать не умел.

— Вы бы научили плавать Хайруллу, ты умеешь, а то ему обидно — живет в экспедиции, а плавать не научился, — сказал однажды Сабир, как всегда обращаясь ко мне попеременно на «вы» и на «ты».

И я принялся Хайруллу учить.

Происходило это так. Хайрулла храбро заходил вместе со мной в воду, пока она не доходила ему до колен. Затем на его лице появлялась неопределенная улыбка, и он начинал от меня отставать. Критическим моментом был тот, когда вода доставала до пояса Хайрулле. Здесь глаза его округлялись, и, хотя улыбка по-прежнему не сходила с добродушного лица, заставить его сделать еще хотя бы один шаг в глубину было чрезвычайно трудно. Как я ни убеждал его, что на такой мели никак нельзя научиться плавать, что он ведь будет здесь просто ползти по дну, он на мои уговоры не поддавался и заявлял:

— Вдруг я поплыву быстро, а там обрыв окажется?

Тогда я оставлял его и принимался демонстративно ходить вокруг, показывая, что никакого обрыва нет. Хайрулла недоверчиво наблюдал за мной.

— А вдруг где-нибудь здесь яма, а вы мимо прошли? — находчиво замечал он, не переставая улыбаться.

— Но я-то ведь рядом, Хайрулла! — кричал я, теряя терпение. — Не дам же я тебе утонуть!

Хайрулла некоторое время обдумывал мой веский довод и позволял протащить себя еще на несколько шагов. Вода поднималась чуть выше пояса. Хайрулла начинал отчаянно дышать и беспрестанно оглядывался на берег. Тут я, не теряя выгоды нашего положения и не давая Хайрулле уйти в сторону берега, принимался учить:

— Смотри, как надо делать руками... Понял? Ну-ка, попробуй...

Бедный Хайрулла вынужден был слегка присесть, иначе руки его двигались бесполезно по воздуху, и, зачем-то глотая воду, а потом шумно отплеываясь, наскоро делал несколько движений руками, не отрывая ног от дна, а потом вставал и, не слушая моих уговоров, спешил на менее опасную глубину.

И все-таки он молодец. С каждым уроком мы заходили чуточку глубже, а к моменту отъезда в Ташкент Хайрулла уже довольно спокойно переносил, когда вода доходила ему до груди.

— Вот видишь, я не боюсь!—говорил он, торжествуя и радостно улыбаясь. — Видишь, как здесь глубоко! И руками я научился, правда? Еще бы чуть-чуть — и ногами. И поплыл бы тогда, верно?

— Конечно! — бодро соглашался я. — Нам не хватило буквально пары уроков, жаль, что мы поздно спохватились с тобой.

Он и действительно молодец — думаете, легко научиться плавать за такое короткое время?

Только на седьмой день после исчезновения Розамата с машиной Жора вдруг заметил желтое облачко пыли на горизонте. И мы услышали знакомое надрывное жужжание мотора. Ах, Розамат, если бы он знал, сколько саркастических, ядовитых, сардонических и просто бранных слов было высказано по его адресу прямо и косвенно всеми участниками экспедиции — и вашим покорным слугой тоже, мною особенно, потому что если других он лишил пицци материальной, а именно хлеба, то меня еще и пицци духовной, так как Жора давно обещал мне поездку в песчаную пустыню Алька-куль-кум, для чего был совершенно необходим Розамат со своей машиной. И вот наконец голубой фургон показался, и еще в нескольких километрах от стоянки наш блудный шофер принялся сигналить — то ли для того, чтобы мы успели нарвать к его встрече цветов, то ли в расчете, что наше негодование по поводу его долгого отсутствия слегка уляжется. Зная Розамата, я думаю, что скорее первое, потому что, будучи сам человеком широкой души, он всегда рассчитывал на широту других, к тому же вряд ли он допускал мысль, что при виде него можно испытывать какие-нибудь другие чувства, кроме самой искренней радости. Нам же если и хотелось что-то нарвать, то не цветы, а этакую высокую траву с гранеными стеблями и зубчатыми листиками, покрытыми жгучими волосками, называемую в просторечии крапивой. Но она, к сожалению, в тугаях не растет... Розамат лихо затормозил, подняв густое облако пыли, распахнул дверцу кабины и стал на ступеньке, подняв в приветствии правую руку и сияя широкой улыбкой.

— Я вам хлеб привез, ребята! — закричал он с таким видом, будто ради этого ему не раз приходилось рисковать своей жизнью и мы все теперь должны его хором благодарить.

Как выяснилось вскоре, хлеба он привез всего две буханки, из которых одна была уничтожена тут же, во время ужина. Еще он привез в фургоне овцу — испуганное курчавое создание, которым его наградили за добросовестную работу в совхозе.

— Два раза в Ташкент ездил! — гордо заявил он и, пожалуй, не очень даже был опечален тем, что в ответ не зазвучали аплодисменты.

Странное дело. Хотя Розамат бессовестно подвел нас, а я считал

себя более всех обиженным — Алька-куль-кум! — все же я первым простил его. Как можно обижаться на человека, который совершенно искренне не считает себя виноватым и который к тому же не бездельничал, не пьянствовал, а работал, пусть и не совсем бескорыстно?

С возвращением Розамата жизнь в лагере стала гораздо более насыщенной. Этот человек совершенно не мог оставаться без дела. Причем каждое дело он выполнял не просто так, а с отдачей сил, темпераментно и с чувством собственного достоинства. Если он резал картошку для супа, со делал это особенным способом, прямо-таки артистически. Нож его отбивал быструю дробь, а картошка превращалась в красивые длинные ломтики. Если он подметал территорию, то обязательно мастерил хороший веник и сосредоточенно и аккуратно водил им, чтобы не поднималась пыль. Очаг, выкопанный им, тоже был какой-то особенный, с секретом. Если Розамат замечал, что кто-то делает что-то лучше него, то он внимательно присматривался, хмуря свои густые кудрявые брови, и старался чужое умение перенять.

Однажды утром я проснулся под своим пологом и совсем собрался уже вставать, надевать тапки и делать обычную утреннюю гимнастику с пробежкой по тугаям, как вдруг увидел сквозь марлю, что Розамат, чья койка была напротив моей, выпутался из полога и полез под мою кровать. Кряхтя, он натянул мои тапочки и вышел. Решив, что он ненадолго, я полежал еще минут пять, потом выбрался из пашехоны и, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на паукообразное или колючку, вышел босиком из палатки. Розамата поблизости не было. На утоптанной площадке я принялся делать первые упражнения, считая, что похититель тапочек вот-вот появится. Я уже начал терять терпение, как вдруг услышал странный звук. Так как поблизости не было железнодорожной линии и пыхтение паровоза начисто исключалось, я решил, что это, возможно, какой-то сумасшедший кабан, который слишком долго спал, а перед самым пробуждением увидел во сне прыгающего из кустов тигра. И тут на тропинке, ведущей из тугаев, показался Розамат... Ах, дорогой читатель, ты очень много потерял, что не видел этой великолепной картины! При всей своей работоспособности и энергии Розамат, надо тебе сказать, не отличался очень изящным телосложением. У него были довольно короткие ноги, которые, будучи сведенными вместе, почему-то не сходились в коленках, и неожиданно большой круглый живот. Видимо, совершенно не заботясь о таких пустяках, как нижнее белье, Розамат носил трусы, которые были ему широки, отчего постоянно спадали. Но, даже как следует подтянутые, они доставали ему как раз до колен. Я еще накануне заметил, что Розамат наблю-

дал за мной, когда я занимался гимнастикой. И вот он, как видно, решил перенять полезную привычку и немного побегать по тугаям... Господи боже мой, что это была за картина! Кривые ноги его смешно заплетались одна за другую, живот колыхался, под ним юбкой развевались трусы, но лицо Розамата было сосредоточенно и серьезно, он размеренно вдыхал и выдыхал воздух, надувая щеки, как парнишка, пускающий мыльные пузыри. От хохота я опустил на землю, но Розамат и бровью не повел. Громко пыхтя, работая согнутыми в локтях руками, как паровозными шатунами, он протопал мимо меня, потом остановился и, не теряя сосредоточенности, принялся наклоняться, дыша теперь уже с каким-то клокочущим свистом. Потом он, стоя на одной ноге, пытался поднять другую и достать ее носком до вытянутой горизонтально руки. Даже порядок моих упреждений он запомнил! Наконец, оглушительно фыркнув, он скинул тапочки, протянул их мне и направился в палатку за своими сапогами. И ни на миг его лицо не потеряло сосредоточенности, хотя я от смеха едва мог подняться на ноги.

Но что так и не привлекло симпатии Розамата — это рыбная ловля. Сидя вечером в своем уютном зеленом закутке на берегу протоки, любясь началом заката и наблюдая за поплавками, я вдруг услышал за спиной шорох. Понимая, что нельзя нарушать тишину, Розамат подкрался на цыпочках и тихо стал за моей спиной. Один из поплавок как раз в этот момент нырнул, я подсек и вытащил хорошего карася.

— Ух ты! — обрадовался Розамат. — Вот это да! А ну-ка еще...

Клёв в этот вечер был сравнительно слабым, и следующий карась заставил себя долго ждать. Впрочем, не так долго, как это иногда бывает. И все же, постояв всего каких-нибудь две минуты, Розамат заметно стал нервничать, переминаясь с ноги на ногу — его деятельная натура искала какого-нибудь применения.

— А нельзя его заставить как-нибудь? — спросил он, очевидно, имея в виду неторопливого карася.

— Вряд ли, — ответил я сурово, потому что топтание за спиной уже начало действовать мне на нервы. — Да что ты, Розамат, — добавил я, — ведь хороший клёв. Ты что же думаешь, что они один за другим должны клевать?

— А чего же зря сидеть? — искренне удивился Розамат. — Нет, я это не люблю.

Дождавшись все-таки следующего карася, Розамат облегченно вздохнул, как человек, с трудом досидевший до конца нудного заседания, и молниеносно скрылся, решив, как видно, к вопросу о рыбной ловле на удочку больше не возвращаться.

Однако самое интересное из того, чем щедро одарил нас Роза-

мат, — это, конечно же, его рассказы. Нельзя без конца что-нибудь делать руками — бывают ведь моменты, когда все необходимое сделано: пол подметен, суп сварен, миски на столе расставлены и все уже сели вокруг стола, в том числе и Розамат. Здесь наш неутомимый шофер считал своим долгом нас развлекать. Ему совсем немного времени требовалось, чтобы сосредоточиться и найти конец ниточки, за который он вытащит на свет божий и обнаружит перед нами очередной эпизод из своего богатого арсенала. Здесь были и случаи, происшедшие с ним, и анекдоты, услышанные от кого-то, и рассказы русских писателей, а также писателей национальных республик, и, конечно же, порождения его собственной блестящей фантазии. Тут Розамат оставался верен себе. Все, что он говорил, преподносилось с таким темпераментом, даже страстью, что вы просто не могли не переживать вместе с ним. Каждое слово у него звучало в полную меру, это было даже не слово, а осязаемый, зримый образ. Слушая рассказы Розамата, мне в третий раз пришлось пожалеть о том, что я не взял с собой в экспедицию портативный магнитофон.

...Вот мы, закончив трудовой день, сели вокруг стола и молча стучим ложками в полумраке. Солнце только что скрылось, луна не разгорелась как следует — висит низкая, тусклая, — шакалы еще не жаловались, сверчков тоже не слышно. Полный Хайрулла тяжело вздыхает, переводя дух после дневной жары, Сабир озабочен подпусками — на том ли месте, где надо, он их поставил, не попала ли уже какая-нибудь гигантская рыбина? — Жора, хмуря брови и ожесточенно поскребывая щетину на подбородке, подсчитывает в уме свои дневные жертвы, а я поглядываю на Розамата и знаю, что всеобщему молчанию длиться недолго...

— Жил-был царь, — начинает Розамат, и лицо его сосредоточенно, а голос звучит таинственно и многообещающе.

— Опять Розмарин со своими сказками! — досадливо прерывает Жора, который, видимо, сбился со счета.

— Хоть бы дал шакалов послушать! — вторит ему Сабир, энергично работая ложкой.

— Ну пусть рассказывает, что вы... — возражает Хайрулла и заранее смеется — он, как и я, уже оценил талант Розамата.

— Давай-давай, Розамат, рассказывай, шакалов и так услышим, — говорю я.

И Розамат продолжает менее громким, но зато более таинственным голосом:

— Жил-был царь. Он был умный и хитрый. И была у него молодая красивая дочь...

Странное дело: я вижу этого умного, хитрого отца-царя и краса-

вицу дочку, избалованную и не знающую жизни.

— Стала дочка большой, а царю пора умирать. Зовет он ее к себе. «Доченька моя», — говорит он ей...

Последние слова Розамат произносит с великим трудом, в его голосе отчетливо слышен хрип умирающего. Даже Сабир стал реже стучать своей ложкой, Жора задумчиво уставился на Розамата, а мы с Хайруллой чувствуем мурашки, которые бойко бегут между лопатками...

— «Доченька моя, — говорит он ей. — Я умираю, оставляю тебя одну. Слушай, что я тебе скажу. Ты красивая, хорошая, к тебе будут подходить мужчины и предлагать что-нибудь. Ты их выслушивай, но никогда не говори «да». Поняла? Никогда не говори «да»...»

И в этот самый момент из пустыни слышится жалобный плач — этаким реквием по умирающему царю. Розамат умолкает, и мы тихо слушаем привычную ежевечернюю переключку. Сабир, как всегда, подвывает, Жора с видимым удовольствием закуривает, а мы с Хайруллой переживаем за красивую неопытную сироту-принцессу...

Умолкли шакалы, и Розамат продолжает:

— Приходит дочка царя на бал, к ней подходит красивый мужчина и говорит: «Разрешите, пожалуйста, пригласить вас на танец?» — «Нет», — отвечает дочка. Подходит другой: «Можно вас пригласить?» — «Нет», — говорит она. И так каждому. Что же делать? Как быть? Девушка ведь красивая. Неужели так и останется одинокой на всю свою жизнь?.. И тогда решили пойти к поэту Пушкину. «Вот, — говорят, — Пушкин, вы поэт, скажите, как нам быть? Эта красавица никогда не говорит «да». Кто только к ней ни подходит, она всегда отвечает «нет». Как же нам выдать ее замуж?» — «Всегда отвечает «нет»? — говорит поэт Пушкин. — Ну что ж, я попробую вам помочь». И вот он едет на бал. Подходит к девушке, видит — она красавица. «Вы, конечно, не будете возражать, если мы с вами потанцуем?» — спрашивает он ее. «Нет», — отвечает девушка. Они долго танцевали, а потом он спрашивает: «Вы ведь не будете возражать, если я вас поцелую?» — «Нет», — отвечает принцесса...

Тут уж не только мы с Хайруллой, но и Жора с Сабиром внимательно слушают Розамата — как всегда, он в конце концов овладевает вниманием всей аудитории...

Да здравствуют поэты, и пусть вечно живет поэзия!

Вечерние страхи

Скрывается солнце, выплывает луна, плачут шакалы; Розамат, а в отсутствие Розамата — Жора, рассказывает интересные истории.

Иногда роется в памяти и выкапывает отсюда бородатый анекдот и ваш покорный слуга. Наконец приходит время забираться в па-

латку и лезть в спальный мешок под марлевым пологом. Кажется — чего бы?.. Так хорошо отдохнуть после трудового дня, тем более что ночью на берегу Сырдарьи свежо и прохладно, не то что днем.

Но...

Если мы днем ходим в тугаи в разношенных ботинках, а то и в тапочках, если на вытоптанном вокруг палатки пространстве можно вполне прогуливаться босиком, если, искупавшись и отработав очередной урок плавания, мы спокойно загораем с Хайруллой на берегу, это еще не значит, что страшные истории о каракуртах, тарантулах, скорпионах, фалангах — миф. Я-то прекрасно помню, что один из сотрудников Академии наук Узбекистана целый год лежит в больнице после укуса каракурта. Если вовремя впрыснуть противокаракуртовую сыворотку, выздоровление обычно происходит довольно быстро — месяц, два, — но ведь ближайший пункт помощи от нас находится в двадцати километрах, а Розамат с машиной почти все время отсутствует... Правда, я помню ценный совет виднейшего нашего исследователя П.И. Мариковского, посвятившего много времени изучению каракурта и воздействию его яда на человеческий организм. Укус паука надо немедленно прижечь спичкой. Не позднее двух-трех минут с момента укуса, пока яд не всосался. Но коварство черного паука в том, что укус его очень слаб, почти не ощущим, во сне его, скорее всего, даже и не заметишь... А через десять минут после укуса сильнейшая боль распространяется в области живота, поясницы, груди, появляется удушье, рвота, судороги, сердце бьется с перебойми, вы чувствуете страх близкой неминуемой смерти... И если нет медицинской помощи, смерть иногда действительно наступает через день — два.

Самка каракурта

Вас, как и меня, конечно же интересует вопрос: зачем маленькому паучку такой сильный яд? Ведь он в пятнадцать раз сильнее яда гремучей змеи... Кстати, любопытно, что яд каракурта особенно сильно действует именно на млекопитающих. Для насекомых, которыми каракурт питается, он не так уж и опасен, гораздо менее опасен, чем, например, яд паука, который называется «агелена лабиринтовая». А ведь яда агелены млекопитающие почти и не чувствуют...

П.И. Мариковский считает, что сильный яд, действующий на млекопитающих, необходим пауку в его борьбе за норы. В опаленной, сожженной солнцем пустыне или степи очень важно найти подходящее укрытие. Например, нору суслика или песчанки. Зная о страшном укусе маленького черного паука с красными пятнами, мелкие грызуны часто уступают каракурту свои норы без боя. Заняв чужое убежище, самка может спокойно плести у входа в нору свою хаотическую сеть, которую «украшают» обычно хитиновые останки съеденных жуков-чернотелок, кузнечиков...

И все же в природе еще очень много загадочного. Ну хорошо, допустим, что токсичность яда каракурта мы объяснили с точки зрения практической пользы для хозяина и, следовательно, нам понятен здесь направленный ход естественного отбора, а как быть с тем самым крошечным боливийским паучком-скакуном, укус которого почти всегда смертелен? Да-да, есть в Боливии, южноамериканской стране, паучок, длина которого всего 4 – 5 миллиметров. Но человек, укушенный им, испытывает страшную боль и умирает через несколько часов... Зачем же этому-то крошечному созданию такая страшная сила? Ведь видов пауков-скакунов множество и большинство из них безопасны для млекопитающих и человека, почему же Его Величество Естественный Отбор отметил именно этого паучка? И с какой целью? Ведь паук-скакун всю свою жизнь странствует, и норы ему не нужны...

И почему, наконец, одно из самых ядовитых существ на Земле, возможно даже самое ядовитое, — не паук, не змея, а... лягушка! Да-да, маленькая, очень симпатичная на вид лягушка кокоа из Колумбии, которая свободно помещается в чайной ложке...

Далее я привожу дословную выписку из брошюры доктора медицинских наук Ф.Ф. Талызина, виднейшего советского паразитолога, члена-корреспондента АМН СССР, «Ядовитые животные суши и моря» (изд-во «Знание», М., 1970, с. 39):

«Загадкой для ученых остается сильнодействующий яд, содержащийся в колумбийской кокоа-лягушке. Крошечная лягушка достигает 2—3 сантиметра и весит чуть больше грамма.

Испанский врач Посадо Аранго, находясь в 1860 году у колум-

бийских индейцев племени холо, наблюдал, как охотники приготавливали смертоносное оружие. Они насаживали крохотную живую лягушку на тонкую бамбуковую палочку и держали ее над пламенем костра до тех пор, пока лягушка не начинала выделять кожный яд. Количество вещества, получаемое от одной лягушки, достаточно для нанесения яда на кончики пятидесяти стрел. Индейцы охотятся с отравленными стрелами на крупных диких зверей. Можно судить об опасности этих наконечников, если даже малейшая царапина на теле животного приводит почти мгновенно к его смерти. Сами туземцы никогда не берут кокоа-лягушку голыми руками.

Как утверждает сотрудник Фармакологического института немецкой Академии наук Р. Глезмер, животное, раненное стрелой с ядом кокоа, погибает в страшных судорогах от паралича дыхательных мышц. Кокоа-яд в 50 раз сильнее столбнячного токсина...»

Но вернемся к нашему отечественному каракурту. Сила яда его породила легенды и поверья. Ученый Россиков, много времени посвятивший изучению этого любопытного паука, писал: «У калмыков есть поверье, будто души всех обиженных людей на свете переселяются после смерти в паука каракурта, для того чтобы мстить людям за их черствое сердце...» И еще нужно заметить, что химическая природа яда каракурта плохо изучена, так как очень трудно добыть достаточное количество его в чистом виде...

Короче говоря, встреча с этим пауком в спальном мешке не сулит ничего хорошего. В особо мрачное расположение духа меня привела мысль о том, что начало июня — как раз период миграции каракуртов, когда молоденькие, но уже вполне созревшие ядовитые пауки — самцы и самки — бродят по степям и пустыням в поисках подходящих мест для жилья и друг друга. Охваченные смутным беспокойством, находясь во власти инстинкта, бродят и бродят они днем и ночью и в любое время могут появиться у вас под боком. Каракурт принадлежит к числу тех существ, количество которых резко меняется год от года. Иногда их бывает меньше, иногда больше. Жора рассказывал, что несколько лет назад на этом же самом месте каракуртов было так много, что они попадались даже в мешке с рисом... Мы за всю первую неделю поймали только одного каракурта, да и то самца, который, по словам Жоры, вообще не ядовит, по словам же ученых, ядовит, но не так, как самка. Я, естественно, почти целый час фотографировал его в разных позах (удивительно, что пятна на его брюшке напоминают красные «сердечки» на картах червонной масти, а число их — 13...). После сеанса Жора варварски утопил каракурта в спирте, причем я что-то не заметил, чтобы наш

храбрый начальник обращался с каракуртом как с безобидным существом — он очень уважительно брал маленького паучка своим бармалеевским пинцетом...

Кто знает, вдруг этот единственный каракурт был лишь разведчиком, за которым вполне вероятно нашествие многочисленного смертоносного войска?

Днем, при радостном свете солнца, страхи, разумеется, улетучивались, и я жаждал честной, открытой встречи с каракуртовой самкой, для которой были забронированы кадры на обратимой пленке «Орвоколор». Однако вечером...

Я вдруг припомнил незначительный как будто бы дневной эпизод. Для чего-то я вхожу в палатку и вижу, что края полога выбиты из-под спального мешка и мое уютное лежбище открыто любому восьминогому существу пустыни. Если каракуртиха соблазняется норами сусликов и песчанок, то не придет ли ей в голову, что эта удобная стеганая «нора» тоже сойдет? В первые дни в подобной ситуации я спешил заправить края полога, но потом понял, что там уже вполне может кто-то сидеть и таким образом я его только запроу до ночи в своей пашехоне. Вам, возможно, мои вечерние страхи покажутся смешными, но я, в таком случае, хотел бы посмотреть на вас в подобном же положении. А ведь не только каракуртиха может соблазниться спальным мешком, но и скорпиониха (или скорпион), и, возможно, тарантулиха, и, конечно же, фаланга. Пусть крупнейший наш паразитолог Б. Павловский и его коллега А. Штейн ставили опыты с фалангами, давая им кусать свои пальцы, и пришли к заключению, что фаланга не ядовита. Во-первых, мы не знаем,

какие у них были фаланги и какие места своих пальцев они фалангам подсовывали. Во-вторых, у них наготове были разные медицинские средства. А тут... Да еще если во сне...

А был у нас на всю экспедицию только один фонарь. Жорин. Я, конечно, взял с собой из Москвы фонарь, но не захватил батареек, а в Ташкенте, надо вам сказать, круглых батареек как раз и не было.

И вот сидим мы вечером, слушаем рассказы Розамата или Жоры, любуемся луной, которая с каждым днем все полнеет, отдыхаем от дневной жары, музыкой сверчков наслаждаемся... И чувствую я, как с темнотой растет у меня где-то в недрах сознания смутная тревога. Потом мой взгляд как бы случайно все чаще и чаще останавливается на огромном бледном силуэте палатки. Луна ярко освещает ее с одного бока, видно, как легкий ветерок едва-едва колышет парусиновым пологом, приоткрывая время от времени темную глубину. Я машинально нащупываю коробок спичек в кармане...

Как жаль, что нельзя просидеть до утра! Да ведь и спать все же хочется. Мы идем.

Первым внимательно осматривает внутренность мешка и пашехоны Сабир. За ним — Хайрулла, потом я и Жора. У Жоры фонарь остается на всю ночь — ему легче. Ведь как ни разглядывай внутренность спального мешка — не пересмотришь всех складок. Да еще Жора торопит. Больше всех трусим мы с Хайруллой, Жора и Сабир не первый раз в пустыне, привыкли.

Как правило, все у нас обходилось благополучно. Но однажды...

Конец того дня вообще был какой-то нехороший. Жора предложил мне сопровождать его на экскурсию с ружьем к озеру — для музея необходимо было сделать чучело огаря. Хотя и неприятно становиться свидетелем убийства, однако прогулка сулила новые впечатления, и я согласился. Мы отправились.

Огарь — это довольно большая утка с красноватым оперением и очень красивыми черно-белыми крыльями. Интересен он тем, что кладет и высиживает яйца прямо в пустыне, роя для этой цели норы. Кормится же на близлежащей реке или озере.

Мы подняли с озера несколько огарей, и Жоре удалось сбить одного из них влет. Однако по тому, как огарь падал, ясно было, что он только подбит, но не убит совсем, и мы с Жорой опрометью побежали за ним в пустыню. Хотя здесь и росли довольно высокие кустики полыни, солянки, гребенщика и ферулы асса-фетиды, все же мы очень скоро обнаружили подраненную птицу, которая, слегка приволакивая крыло, пыталась от нас убежать.

Уже тут меня начало мучить противное двойственное чувство. Я прекрасно понимал, что чучело огаря нужно для погоревшего му-

зая, птица все равно будет подстрелена, ничего ужасного здесь нет, мы не браконьеры, и от того, что мы убьем одного, огари в этих местах не исчезнут. Наоборот! Экспедиция музея для того и делается, чтобы привить людям любовь и уважение к природе, и в конечном счете, убивая вот так этого, мы сохраним где-то гораздо большее количество других за счет воспитательной музейной работы. Все это так. Но в то же самое время...

Когда мы оба увидели птицу, которая неуклюже бежала, приволакивая подбитое крыло, Жора бросился за ней, хищно расставив руки, и крикнул, чтобы я гнал огаря на него. Я попытался это сделать. Но, видимо, потому, что была в моих действиях неуверенность, огарь не очень-то стремился бежать от меня в сторону Жоры. В конце концов он был почти уже рядом со мной. Как дважды два было ясно, что стоит мне сделать бросок — и ошалевшая от боли и страха птица забьется в моих руках.

— Ну, что же ты... Давай! — закричал Жора.

Я старательно убеждал себя, что мои колебания — глупость. Жора все равно поймает подбитую птицу, да ее и нужно поймать, иначе все равно шакалы ее ночью найдут. Да и для музея чучело нужно...

Апофеоз моих мучений наступил тогда, когда я совсем приблизился к огарю и в долю секунды оценил очень красивую расцветку его груди и крыльев, ярко-красные изящные лапки, а главное — сравнительно большие, очень выразительные, беспомощные глаза. Если бы птица знала людскую психологию, то самое мудрое, что она могла бы сделать, — это просто смотреть на меня так, как она сначала смотрела. Возможно, она и знала. Но где уж тут рассуждать! В какой-то момент огарь не выдержал, зашипел в отчаянии и попытался ущипнуть меня клювом. Не очень-то, но все же это мне помогло. Я схватил его. А тут подоспел Жора.

Жора не стал убивать огаря тут же, а посадил в мешок. И мы отправились в лагерь.

Всю дорогу я мучился тем, что совершил что-то нехорошее. Хотя без конца убеждал себя в обратном. В довершение ко всему Жора дал мне мешок с огарем, и я не мог отказаться, потому что Жоре нужно было подстрелить еще какую-то птицу. Теплый огарь шевелился в мешке за моей спиной, а я, как ни «подводил базу», чувствовал отвращение к самому себе и не знал, что делать.

В лагере тоже не стали сразу убивать огаря, и на миг у меня затеплилась мысль, что мы подлечим его, будем кормить, выходим и отпустим, как Серую Шейку... Я ведь так увлекался когда-то подобными сказками.

Я сам был противен себе своим слюнтяйством! Ведь если дать тут себе волю и быть последовательным, то нельзя уже будет есть мясо,

рыбу, нельзя рвать цветы (ведь я их тоже фотографирую, понимаю их и знаю, что по некоторым из последних научных данных растения обладают чувствительностью, как будто бы даже испытывают боль...). Тогда уж и комара нельзя будет прихлопнуть, потому что он сосет из меня кровь не просто так, а по необходимости — ведь, не насосавшись крови, Её Величество Комариха не сможет отложить яички... Тут нельзя будет сделать шагу, потому что всегда на кого-нибудь наступишь, и воздухом дышать тоже нельзя, потому что с воздухом вдыхаешь бактерии, которые на слизистой оболочке носоглотки, бронхов, легких, а тем более в крови гибнут... Короче — немедленно пулю в лоб или головой в реку, да и то осторожно, потому что всегда ненароком погубишь сотню-другую бактерий или простейших. Больше того — умирая, ты бессовестно отнимаешь жизнь у множества паразитов, которые могут жить только при живом человеческом теле...

Все так. Но... В каких случаях человек вправе лишать жизни других?

Мучился я своим раздвоением весь вечер. И пришло время ложиться спать. А перед этим... Перед этим, дорогой читатель, Сабир свернул шею огарю. Потом снял с него шкуру для чучела. А мясо пошло в плов. И каждому члену экспедиции положили по миске плова. А кроме этого плова, на ужин ничего не было (это было как раз в то время, когда Розамат нас второй раз покинул). Скажите мне, пожалуйста, правильно я делал, что этот плов не ел? Честно говоря, испытывая неловкость перед товарищами, я пытался есть его. Всем так всем! Но ничего не получалось. Тут даже рассуждения не помогали — не мог есть, и все.

Пришло время ложиться спать. Сабир первым проверял с фонарем свой спальный мешок и полог. Ничего не было. Хайрулла что-то замешкался, и мне второму достался фонарь. Находясь в смутном расположении духа, я долго, внимательно рассматривал каждую складочку в спальном мешке.

— Укусит тебя сегодня фаланга, вот увидишь, укусит, — сказал вдруг Жора. — Я удивляюсь, почему до сих пор не укусила. Новеньких они ведь всегда кусают. Что же ты, хочешь о фаланге писать, а сам даже не знаешь, как она кусается. Я бы на твоём месте нарочно...

— Да я не боюсь, Жора, — сказал я, пытаюсь убедить самого себя. — Лишь бы не каракурт. А фаланги я не боюсь. Просто неприятно. Паук и то...

— Все равно сегодня укусит, вот увидишь, — с мрачной настойчивостью повторял начальник экспедиции.

В тоне Жоры я чувствовал неприязнь. Не знаю, была она на са-

мом деле или нет, но право на нее он имел. Ведь получается что? Я мучаюсь, а Жора не мучается. Значит, я считаю убийство огаря преступлением, а Жора не считает. Отсюда следует, что я хороший, добрый, а Жора плохой, злой. А если я такой хороший и добрый, то, простите, зачем же я пошел с ним, зачем ловил огаря своими руками, зачем нес?

— Ну, все проверил? — опять подал голос Жора. — Проверяй не проверяй — бесполезно. Я сказал, укусит.

Я уже забрался в мешок и теперь проверял внутренность полога.

— Ладно, бери, — сказала я и напоследок направил луч фонаря на крышу пашехоны перед своим лицом. И остолбенел: как раз над моей головой буквально в полуметре от глаз, растопырив все свои десять мохнатых ног, как странный десятилучевой символ возмездия, сидела огромная рыжая фаланга.

Я сделал молниеносный рывок, из мешка вывернулся, но запутался в марле пашехоны и... позорно вывалился из раскладушки. Я не стяхнул фалангу прямо себе на лицо только потому, что она от испуга тоже, вероятно, остолбенела и мертвой хваткой вцепилась в марлю.

Хорошо еще, что на земле меня не поджидал какой-нибудь агрессивный настроенный скорпион...

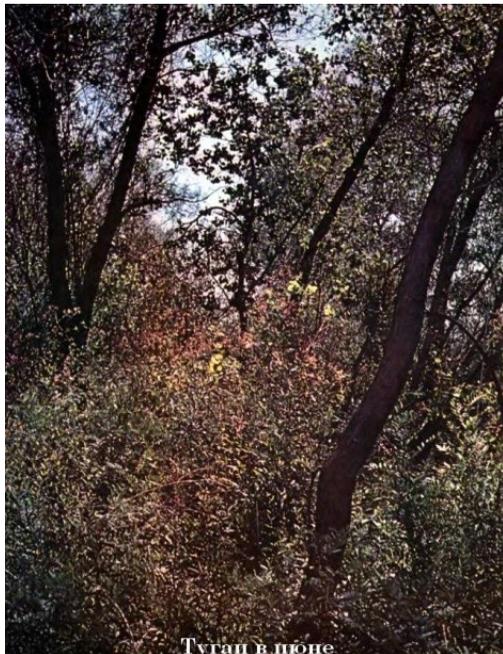
Переведя дух после первого приступа смеха, наш мужественный начальник отыскал перепуганную фалангу в складках марли, стяхнул ее на пол и раздавил.

— Баласы фаланга, баласы... — сказал он. — Даже спирта для нее жалко.

«Баласы» — это по-узбекски «маленькая». Посмотрев на нее, раздавленную, я убедился, что мой бравый начальник прав. Она была даже меньше той, которую я так бесстрашно фотографировал.

Хайрулла, проверявший на этот раз полог следом за мной, тоже обнаружил фалангу. Правда, он был уже подготовлен и поступил более сдержанно. Но самая большая фаланга оказалась в пашехоне Жоры. Вот ему! Правда, он не растерялся и, вооруженный пинцетом, отправил свою гостью в банку со спиртом.

Это было единственное в истории нашей экспедиции массовое нашествие фаланг. Правда, на территории лагеря они попадались довольно часто, но чтобы забраться сразу в три полога — такого больше не повторилось...

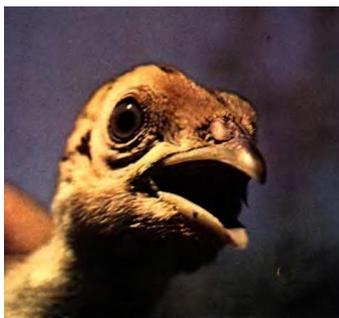
О чём рыдали шакалы

Ну, в общем, охота за членистоногими созданиями настолько захватывала меня каждый раз, что я так и не успел исследовать весь тугай, который протянулся вдоль реки на несколько километров и километра на два с лишним вторгался в пустыню. На крупных обитателей я тоже обращал гораздо меньше внимания, чем они того заслуживали, хотя не раз выпугивал из чащи фазанов и они взлетали, сверкая всеми цветами радуги, кудахтая и с трудом поднимая за собой длинный хвост. Однажды на дорожке я обнаружил кучку сине-зеленых и коричневатых перьев — не иначе, как следы чьей-то удачной охоты — может быть, шакала, а может быть, камышового кота или лисицы-караганки. Кабанов не видел ни разу, однако слышал громкую возню в чаще и видел изрытую их мощными клыками и раздвоенными копытами землю. Часто встречались лошади — красивые, гордые, но очень пугливые. Жители поселка Ширик-Куль пасли их оригинальным способом: просто выпускали в тугай, а когда нужно было, ловили их там.

В самой чаще, в зарослях эриантуса, чингила, гребенщика, тугранги, скрывалось небольшое мелководное озеро, соединенное с Сырдарьей узенькой травянистой протокой. В чистое от тростника

и кувшинок пространство мы с Жорой забрасывали удочки и ловили приличных карасей, граммов на двести каждый. Иногда в тростнике громко чмокала крупная рыба, скорее всего — сазан. Кроме карася, клевала мелкая густера. Во влажной мягкой земле на берегу озера мы копали червей для наживки, вместе с червями попадались рыжие сильные медведки.

Еще колоритнее был тугай на острове посреди Сырдарьи. Когда мы с Жорой решили исследовать остров и поплыли туда на байдарке, оказалось, что он тоже имеет тихое и достаточно широкое внутреннее озеро, куда от большой воды ведет извилистая протока. Озеро поросло водяным перцем — остролистом, ряской. На нем кормились утки разных видов, крачки, водяные курочки, выпи. Тугай на острове был гуще и богаче, чем на берегу, деревья здесь были выше, росли чаще. Во множестве встречались туранга, тал (тугайная ива) и настоящие лианы — аспарагус и ломонос. Животный мир острова также достаточно богат — кабаны, зайцы, фазаны (их крики часто долетали даже до нашей палатки на берегу), множество других птиц. Мы встретили здесь эффектную трехцветную (черную с белыми и рыжими пятнами) корову с маленьким теленком. Жора рассказывал, что не раз бывали случаи, когда у шириккульцев пропадали стельные коровы. Не знали сначала, что и думать, а потом оказалось, что будущая мать тайком переправлялась на остров, чтобы спокойно, без свидетелей, на лоне природы, выкормить своего детеныша.

птенец фазана

Самое красивое дерево в тугаях, пожалуй, лох узколистный, местное название «джида». Небольшие длинные листики его покрыты светлым налетом, отчего крона дерева издалека выглядит серебристо-голубоватой. При легком ветре листья колеблются, и тогда кажется, что ветви лохов покрыты густыми клубами живой серебристой пены. По-своему красив гребенщик тамарикс, древовидный кустарник, напоминающий по внешнему виду тую, цветет очень

мелкими, но зато чрезвычайно многочисленными розовыми цветами — издалека кажется, что это не цветы, а мельчайшие листики его постепенно меняют свою окраску, от нежно-зеленых в нижней части куста до ярко-розовых на верхушке. Неплохо выглядит цветущий чингил, ветви которого с непонятной целью вооружены непропорционально большими колючками. Но наиболее колоритное, наиболее характерное для этих экзотических мест растение, на мой взгляд, гигантский злак эриантус. Хотя, как я уже говорил, он и не вырастает в полный рост к началу июня и не цветет, однако прошлогодние соломенные стебли его и сухие метелки торчат повсюду и вместе с клубящимся серебром лохов и высокими травами — солодкой, гебелией, кендырем, кермеком — придают тугайным зарослям вид своеобразной саванны. За исключением некоторых наиболее густых участков, где саванна начинает переходить в непроходимый тропический лес.

Интересно, что почти все тугайные растения обладают двумя объединяющими их свойствами: устойчивостью к сухости воздуха и солеустойчивостью. Хотя поблизости и течет река, однако испарение с ее поверхности ничтожно по сравнению с гигантскими массами обезвоженного пустынного воздуха. Полотенца у нас сохли молниеносно, а кожа даже после купания очень быстро покрывалась белесым сухим налетом. Хотя растения тугаев и создают себе микроклимат за счет повышенного испарения, однако они должны быть готовы к сухим ветрам. Но это все же не самое главное. Самое главное — солеустойчивость, потому что характерное свойство пустынных почв — повышенное содержание солей. Туранга, например, — единственный вид тополя (из ста десяти!), который может расти на солончаковых почвах. А гребенщик-тамарикс настолько приспособился, что научился даже выделять поваренную соль наружу — она выступает из устьиц на кончиках его листьев. Ценнейшее свойство главных тугайных растений — не только самим произрастать на соленых почвах, но и очищать землю от излишних солей, делать ее пригодной и для других, менее выносливых растений.

Удивительна все-таки приспособляемость! В самих тугаях и тем более в глинистой пустыне, окружающей их, растения имеют очень длинные, глубоко проникающие корни. Злак эриантус при трех-четырёхметровой высоте стеблей обладает корневой системой свыше метра в диаметре, два-три метра глубины. А корни солодки, высота которой не превышает метра, проникают в глубину на четыре метра. Однако рекордсменом среди трав является, пожалуй, янтак, или верблюжья колючка. При высоте растеньица до полуметра корни ее в поисках влаги проникают в десятиметровую глубину. Абсолютный же чемпион-бурильщик — гребенщик-тамарикс. Однажды было ус-

тановлено проникновение его корней на глубину 37 метров! И это при высоте кустарника в два-три метра... В песчаных пустынях корни растения стремятся не вглубь, а вширь, потому что если в глинистых они существуют за счет пресного слоя подпочвенных вод при сухости верхнего, наружного слоя глины, то в песчаных улавливают ту влагу, которая всегда существует в песке уже на незначительной глубине. Вот и получается, что вес корневой массы пустынных и некоторых тугайных растений значительно больше, чем вес зеленой надземной части. Спасаясь от палящих лучей солнца и от сухости воздуха, растение как бы все больше и больше уходит под землю...

И все же, по словам Жоры, то, что мы видели сейчас на берегу и на острове — саванна и тропики, — было бледной копией тех роскошных тугаев, которые росли здесь еще в недавнем прошлом. Растительность была гуще, ею были заняты большие площади, водилось гораздо больше фазанов и кабанов, встречались тигры. Это были настоящие таинственные, полные опасностей «джунгли»... Почему же так?

Дело в том, что тугаи, эти естественные оазисы, эти маленькие райские уголки в пекле сухой и соленой пустыни, с некоторых пор принято вырубать. Да-да, самым элементарным образом. Вырубать, а потом еще и выкорчевывать корни.

На первый взгляд это кажется бессмысленной дикостью и кощунством. Но это не совсем так. Вырубают тугаи с определенной хозяйственной целью.

Помимо солеочистительной, тугайная растительность выполняет еще одну очень важную роль — кольматирующую. Мудреное слово «кольматаж» означает в буквальном переводе «наполнение» — наполнение прибрежной земли питательными веществами за счет осаждения ила во время паводков. Так что почва в тугаях не только очищена от излишних солей, но еще и удобрена, плодородна. Вот тугаи и рубают — с тем чтобы на их месте разводить бахчевые культуры, люцерну, хлопок, рис, кенаф. Задача Георгия Федоровича как раз и заключается в том, чтобы изучить опылителей тугайных растений. Для того чтобы выяснить, какие из них смогут опылять культурные растения после того, как тугаи уничтожат.

Так что бессмысленной дикости нет. А вот насчет осмысленной дикости и кощунства стоит, пожалуй, подумать.

Если бы своеобразное «освоение» тугаев делалось с чувством меры и при неуклонном соблюдении правил, возможно, это было бы хоть до какой-то степени оправдано. Да и то сомнительно. Обычно же, как правило, происходит следующее. Участок тугая рубают на чистоту. На освободившейся плодородной почве сажают культурные растения, которые в первые годы действительно дают прекрасный

урожай. Но это — лебединая песня тугайной земли. Потому что...

Прежде чем продолжать, давайте поговорим о пустынях. Ведь тугаи — это заросли по берегам рек, текущих через пустыни. В этом их особенность, в этом и их значение.

Пустыни занимают одну пятую часть суши земного шара. В общей сложности они составляют территорию, равную всей Африке или трем Европам. Они бывают песчаные, глинистые, щебневые. Некоторые пустыни называют каменистыми. В Туркмении есть гипсовая пустыня...

Климат этих земель чрезвычайно суров. В первую очередь, конечно, катастрофическая нехватка воды. Если в самых влажных районах земли (Индия, Центральная Африка) в год выпадает до 10.000 мм осадков, в умеренном поясе — около 500, то в пустынных районах количество осадков измеряется несколькими миллиметрами, а бывают годы, когда осадков не выпадает совсем. И это в сочетании со страшной, доходящей до 50 °С и выше жарой. 50 градусов — в тени, хотя тень в пустыне найти, сами понимаете, нелегко. Поверхность же песка нагревается до 80–90 градусов. Что это такое, можно себе представить, если вспомнить, что мы немедленно отдергиваем руку от батареи центрального отопления, температура которой не превышает 60 °С. Однако ночи в пустыне холодные. «В два часа пополудни здесь можно испечь яйцо в песке, а в два часа ночи заморозить его», — пишет известный английский путешественник Лоуренс Грин о Сахаре. Суточная амплитуда колебаний температуры воздуха во внутренних районах Сахары достигает 40 градусов, а на поверхности почвы — 70. Те, кто летал над Сахарой на самолете, пишет Лоуренс Грин, говорят об удручающем впечатлении — мертвое буро-серое море песка, подавляющее своей безысходностью. Оазисы чрезвычайно редки, и по сравнению с безбрежностью песчаного океана они с высоты производят жалкое впечатление. До сих пор территория, занимаемая Сахарой, очень мало исследована — меньше даже, чем территория безбрежных, дремучих и опасных джунглей Амазонки. Летчики стараются облетать наиболее пустынные районы, а если и летят над песками, то стараются держаться поближе к краю. До сих пор исследователи ищут и не могут отыскать на территории Сахары легендарный оазис с романтическим названием «Рай бушменов», хотя рассказы о нем передаются из поколения в поколение и есть будто бы люди, которые в этом оазисе побывали и собирали алмазы, которые валяются прямо на песке. Об этом тоже пишет Лоуренс Грин. А он должен хорошо знать то, о чем пишет, ибо сам родился в Южной Африке. Много исследователей пыталось разгадать тайны Сахары, кое-что люди об этой пустыне знают, но... немало человеческих костей белеет сейчас под жгучим африканским

солнцем среди песка. Костей тех смельчаков, которые не вернулись.

В Африке есть и другая гигантская пустыня — Калахари. Огромные пространства занимают пустыни в Австралии, Южной и Северной Америке. Азиатская пустыня Такла-Макан, расположенная в Таримской впадине на северо-западе Китая, считается одной из самых труднодоступных на земном шаре из-за резкой континентальности и сухости климата и отсутствия растительности. Многие тысячи квадратных километров занимает пустыня Гоби в Монголии. А гигантский Аравийский полуостров практически весь — пустыня.

Помимо сухости, жары и резких колебаний температуры есть и еще одна беда пустынь, скрытая в недрах: чрезмерная засоленность почвы. Часто именно по этой причине пустыня лишена растительности.

Какие только формы не принимает жизнь, чтобы приспособиться к самым жутким условиям! О пингвинах, живущих припеваючи в кошмарных условиях морозной и ветреной Антарктиды, мы уже говорили. О слепых пещерных жителях тоже. В сухом, раскаленном пекле пустыни тоже есть довольно разнообразная жизнь. Есть интереснейшая видовая кинолента Уолта Диснея «Живая пустынь». Она повествует о кипучей жизни в одной из самых суровых пустынь Земли — Долине Смерти, расположенной на территории Соединенных Штатов Америки. В этих проклятых зноем песках обитают, оказывается, десятки видов живых существ... Недавно стало известно о племени тубу, кочующем в самом сердце Сахары, в районе плато Тибести и Тенере, где нет даже песка, потому что обжигающий ветер сгоняет его прочь, а окрестный пейзаж напоминает снимки лунной поверхности. Что же говорить о наших Каракумах и Кызылкумах, скудная растительность которых все же достаточно богатая, для того чтобы дать приют не только мелким, но даже крупным животным — таким, как зайцы, лисы, джейраны, сайгаки? Наши пустыни кормят большие отары овец, а также коров, верблюдов — правда, в том случае, если не нарушаются правила выпаса и не вступает в свои права эрозия... Все это заставляет еще раз задуматься о поразительной приспособляемости живых существ к самым, казалось бы, невыносимым условиям.

И все же с точки зрения человечества даже покрытая кое-какой растительностью и населенная кое-какими животными пустыня остается пустыней. Здесь бессмысленно возделывать поля и сажать сады. Люди ютятся в редких оазисах, а огромные территории остаются неосвоенными — двадцать процентов земной суши, территория, равная всей Африке или трем Европам.

Но это еще не все. Неосвоенными остаются не только пустыни. Полупустыни и сухие степи с этой точки зрения ненамного отлича-

ются от пустынь. Они тоже непригодны для человеческой жизни. Если собственно пустыни занимают 20 % суши, то пустыням, полупустыням и сухим степям принадлежит уже 40 – 45 %. Почти половина. А ведь есть еще ледники, скалы, болота, непригодные для жизни людей... Человечеству остается не так уж много. А оно неуклонно и очень быстро растет...

Когда нас было мало, мы не задумывались о таких «мелочах». Земля казалась бескрайней. В результате, с тех пор как гомо сапиенс стали хозяевами на земле, они довели до эрозии и превратили в непригодные для жизни 20 миллионов квадратных километров плодородных земель — площадь, почти равная территории всего Советского Союза или двум Европейским континентам. Чтобы вы могли лучше осознать эту цифру, заметим, что сейчас во всем мире используется для земледелия 15 миллионов квадратных километров территории. Все поля и сады Земли укладываются в эту цифру. Потеряли же мы 20. Больше того, что имеем сейчас. Потеряли больше половины того, что имели когда-то...

Мы начали с того, что принялись осваивать целинные и залежные земли, орошать сухие степи и даже пустыни. В нашей стране, например, площади, орошенные Каракумским каналом, а также участки Голодной степи и Вахшской долины, орошенные, очищенные от излишних солей при помощи дренажа и промывки, превратились в цветущие сады. И это прекрасно.

Но в то же самое время мы все еще продолжаем терять то, что имеем. И теряем пока больше, чем осваиваем. Увы. Почему? Каким образом? По-разному...

Одна из таких потерь — вырубание тугаев.

Культурные растения, посаженные на бывших тугайных землях, гораздо менее приспособлены к здешним своеобразным условиям, чем тугайные. Они не могут с тем же успехом сопротивляться грозному наступлению соленых подпочвенных вод, уровень которых неуклонно повышается год от года. Вскоре растения уже не будут в состоянии справиться с солью. Бывшая плодородная тугайная земля становится засоленной и непригодной. Ее бросают. На месте пышной когда-то растительности — саванна, тропики — образуется мертвый солончак. А люди вырубают новую порцию тугаев...

Между тем тугаи ценны для нас с разных точек зрения. Они, например, могут служить великолепным пастбищем для домашних животных — коров, лошадей — и пристанищем для множества диких — кабанов, зайцев, фазанов. Древесина туранги — единственный полноценный строительный материал для деревянных пустынных построек. В Ширик-Куль-тугае одно из самых ценных растений — это, пожалуй, солодка, которая образует сплошные заросли.

Ее корни применяются в медицине, в кондитерском деле, пивоварении и даже... в пожарном деле — как пенообразующее вещество для огнетушителей. Медицинское значение солодки до конца не исследовано, однако, по мнению многих ученых, оно гораздо больше, чем принято думать. В медицине применяются также: кермек Гмелина (вяжущее и кровоостанавливающее средство), лох узколистный (концентрат плодов — вяжущее средство при желудочных заболеваниях), гребенщик тамарикс. В промышленности используются корни эриантуса, волокна кендыря, дубильные вещества гребенщика и кермека, тростник. А сколько здесь растений, лекарственных и другие свойства которых пока еще не исследованы!

И еще очень важное. Тугайные леса имеют большое берегоукрепительное значение. Уничтожим леса — корни деревьев, кустарников и трав перестанут скреплять частицы почвы по берегам, вода начнет вымывать их, река замусорится, обмелеет, может изменить свое русло, а может исчезнуть совсем, вода уйдет в ненасытные пески...

И все же тугаи вырубают. Помните дымок на горизонте и деловитый стрекот трактора, когда мы ездили отмечать командировки в Хаджи-тугай? Иногда этот тревожный звук долетал теперь и до нашей стоянки.

Мы с Георгием Федоровичем беседовали о тугаях вечером, пока Сабир с Хайруллой готовили ужин.

— Даже запрет любительской охоты — ханжество, — сказал Жора. — Браконьерство — это, конечно, большое зло. Но оно все же несравнимо с гигантским организованным злом — вырубанием тугаев.

...Солнце село, начала выплывать луна, которая еще более округлилась со дня нашего приезда. Замерцали звезды. Как только лунный свет стал заметнее, чем вечерние сумерки, словно по расписанию зарыдали шакалы.

«Аы! ...Лы-ы... Аы-ы-ы...» — плакали они, жалуясь на свою жизнь. И я подумал, что отчаяние этих хищников вряд ли вызвано муками пробудившейся совести. Все проще. Не осталось благородных тигров, за которыми можно было подбирать объедки. Теперь приходится самим гонять редких зайцев, подстерегать осторожных фазанов. Легко ли? Тугаи вырубаются. Скоро, возможно, их не станет совсем... Печально это все. Как же тут не рыдать?

Мы уезжаем...

Накануне отъезда, в самую последнюю ночь, я вышел из палатки при свете луны.

Медленно ходил по обжитому за две недели берегу: по вытоптанной нами площадке, где так любили копать свои коварные воронки

личинки муравьиных львов; по окрестностям, поросшим кустиками верблюжьей колючки, на которых я охотился за Солнечной Гипермнестрой; по перекрестку у спуска к протоке, где встретила самая первая в жизни фаланга; по пологому берегу протоки, где удил карасей, а я фотографировал самца-каракурта... Мимо дневной гасиенды, мимо маленькой палатки, которую мы поставили на время ветров, мимо лохов, на которые в один из вечеров было нашествие небольших светло-коричневых здешних хрущей, так что деревья гудели в сумерках, и мы ловили жуков по звуку и сажали их в бутылку, чтобы потом насаживать на крючки... Я ходил по знакомым местам, с трудом узнавая их и поражаясь тому, как все относительно в нашем мире. Вот те же самые, кажется, до самых мелочей знакомые места, а как изменились они при свете луны!

От плоского, низкого берега протоки, разукрашенного лунными бликами и черными кружевами теней, я поднялся к палатке, голубеющей, колышущейся на легком ветру, как плывущий ковчег, и повернулся лицом к пустыне. Странное дело. Уходящая под луну бескрайняя поверхность, поросшая серой шерстью полыни и янтака, казалась обжитой, домашней, очень уютной. Прохладный ветер принесил знакомые запахи полыни, ферулы и мелодичный, успокаивающий звон сверчков.

Как часто начинаешь по-новому узнавать места, в которых жил, именно тогда, когда приходит время расстаться!

Я хотел поймать фалангу, чтобы отвезти ее в Москву своей любимой племяннице, чтобы это странное существо дало ей какое-то представление о тех местах, в которых я побывал...

Вообще фаланги у нас в экспедиции не были редкостью. После описанного нашествия их в нашу палатку они частенько забегали на территорию лагеря и больше всего любили прятаться в одежде, которая висела на ветвях лохов или просто лежала на стульях. Как правило, фаланги — ночные животные, однако потревоженные, они прекрасно бегают и днем, а есть и просто дневные виды. В Испании есть фаланга, которую называют солнечным пауком...

Самая великолепная, самая крупная и красивая фаланга была обнаружена Сабиром в брюках, которые висели на дереве. Мы поймали ее, посадили в стеклянную банку и назвали Тамарой — по имени героини одного из самых душещипательных рассказов Розамата. Героиня эта, по словам рассказчика, отличалась неземной красотой, но в то же время самой земной дородностью и высоким ростом, что в свое время приводило в отчаяние нашего бравого донжуана, не отличающегося атлетизмом... Фаланга Тамара едва уместилась в банке со своими длинными ногами, тем не менее уже на другой день, привыкнув, как видно, к своему новому положению,

она с аппетитом уплетала кобылок, кузнечиков, которых мы для нее ловили, даже вареную рыбу. Вообще была она холеная, гладкая, полненькие жвалы ее двигались бойко и с изяществом. Посмотрели бы вы, как ловко, словно две хорошо смазанные пилорамы, ходили вверх-вниз, вперед-назад ее острые буро-красные челюсти, перетирая пищу. Даже волоски на теле и на ногах Тамары были, кажется, шелковистее, чем у других фаланг, и ярко-янтарного цвета. Чувствовалась порода. Вначале она принимала угрожающую позу и даже слегка шипела, как только мы открывали крышку банки, однако потом привыкла и продолжала свою трапезу, не обращая на нас ровно никакого внимания.

К сожалению, Тамара не загостилась у нас. На третью ночь, надеявшись на ее сознательность, я оставил слегка приоткрытой крышку банки, чтобы обеспечить Тамару на ночь чистым воздухом. Утром крышку была сдвинута, а нашей великолепной гостьи в банке не оказалось. Я горевал больше всех... Правда, на другой день в своих плавках, лежащих на стуле в палатке, я обнаружил еще одну фалангу, маленькую, которую, руководствуясь тем же принципом, мы назвали Люсей. Но Люся была не чета Тамаре. И хотя она благополучно сидела в банке, ожидая отправки в Москву, однако мне хотелось поймать какую-нибудь покрупней. Ну, если не Тамару, то хотя бы такую, которую мы вправе были бы назвать именем еще одной героини рассказов Розамата — Клавой...

Свет луны был такой яркий, что отчетливо видно не только каждую травинку, но даже глиняные комочки на дороге. Ага, кажется, это она! Промелькнувший призрак, приткое ночное видение, сразу доказавшее, что неподвижность ночной пустыни — мнимая. В руках у меня была стеклянная банка, сверкающая от луны голубоватыми отблесками. Пытаться накрыть призрак отверстием банки бессмысленно. Я отправился в палатку, чтобы взять фонарь.

— Ты что по ночам бродишь? — сонным голосом проворчал Жора. — Смотри, щитомордник укусит. Или скорпион...

Я вернулся на то место, где, кажется, видел фалангу, и остановился. Вот он, стремительный призрак! Рыжее десятиногое существо застыло в луче фонаря. Двумя черными бусинками сверкнули вознесенные на темя глаза. Я проворно накрыл ее банкой.

Ночью фаланга казалась большой и красивой, но утром я убедился, что она хотя и достаточно крупная (тело 4 – 4,5 см длиной), однако тощая и слишком волосатая. Ее не хотелось назвать ни Клавой, ни каким другим женским именем. Скорее всего, это был самец.

Теперь я имел две фаланги и двух маленьких скорпионов.

Скорпионов я отыскал под экспедиционным ящиком с продовольствием, который стоял в головах моей кровати. Вообще, если фаланг

в экспедиции мы встретили не меньше двух десятков, поймали двух самцов-каракуртов, одного красивого редкого паука эрезус-нигер, то со скорпионами было туго, хотя они в тех местах несомненно живут. Когда ездили в песчаную пустыню Алька-куль-кум и по дороге останавливались в маленьком хуторе — несколько глинобитных домиков, несколько деревянных сараев посреди голой пустыни, тут же гигантский стог сена, накопленного весной, и загон для нескольких коров — и даже заходили в один из домов в гости, где рассаживались на полу на кошме, а рядом высилась гора аккуратно сложенных стеганых одеял, то первое, о чем я спросил у хозяина, пригласившего нас, это:

— У вас чаён бар? (Скорпионы есть?)

Хозяин со сдержанным удивлением посмотрел на меня и утвердительно кивнул. Он позвал своего чернявого сынишку, сказал ему что-то, и тот повел меня на скотный двор. Парнишка взял вилы и копнул соломенную подстилку. Внимательно, с замиранием сердца разглядывая зловонную глубину, я обнаружил лишь каких-то мелких жучков и мокриц. Скорпионов не было. Парнишка копнул еще несколько раз и, улыбаясь, передал мне вилы. Мои попытки тоже не увенчались ничем. Камней, под которыми могли бы скрываться ядовитые паукообразные, поблизости не было, я перевернул какую-то корягу, лежащую рядом с домиком, но там, кроме жучков и мокриц, тоже не было ничего. Отковырять от дома кусок штукатурки или, на худой конец, приподнять край кошмы, на которой мы сидели, я не решился. Пора уже было ехать, и я остался без скорпионов. По-казахски это, кажется, звучало так: «Чаён йю».

Паук эрезус-нигер у зеркала

Говорят: ищешь далеко — находишь близко. Действительно. На другой же день после поездки, отодвигая ящик, стоящий в головах моей раскладушки, я обнаружил сразу двух скорпиончиков-баласы. Длинной вместе с хвостиком каждый из них едва дости-

гал сантиметров четырех, однако ядовитая железа на конце хвоста была уже вполне зрелой, набухшей, а жало — острое, слегка изогнутое, очень хорошо приспособленное для своей роли. В этом отроческом возрасте скорпиончики уже в состоянии дать отпор тем, кто нарушает их покой. Взрослые, они иногда достигают десятисантиметровой длины, а укусы, вернее уколы, некоторых видов очень опасны, особенно для детей и особенно если укол приходится в область лица или горла.

Не мешает помнить, что укусы в эту область вообще очень опасны, и случалось, люди погибали, ужаленные в область горла шершнем или даже домашней пчелой.

Рассказывают, что на целине в Казахстане одна девушка, вернувшись с поля, взяла чайник с водой и хотела попить из носика. А в носик чайника забралась фаланга. Потревоженная, она укусила девушку в небо, и та умерла через полчаса от удушья..

Еще десяток очевидцев стал с тех пор считать фалангу самым ядовитым существом... Видимо, в челюстях той фаланги застряли гниющие остатки пищи — они и внесли инфекцию... Грустный результат. Но стоит, наверное, еще раз повторить: пожалуйста, не пейте из носика, налейте воду в стакан, который перед тем сполосните...

Итак, сборы, укладывание, последняя коллективная фотография бородатых участников экспедиции, последний взгляд на обжитые места. Розамат, который исчез после поездки в Алька-куль-кум, вернулся как раз накануне отъезда, и каждое слово его, каждый жест, интонация голоса — все выражало гордость самим собой в связи с освоением окрестных земель. Он не терял времени понапрасну и изъездил пустыню вдоль и поперек — по делам совхоза и по другим разнообразным делам.

— Езжу теперь, не заблуждаюсь! — с восторгом говорил он, и его черные глаза сверкали. — Большое удовольствие для меня! Знаешь, Юра, ехал я с одним казахом, он говорит: «Смотри, всадник!». Гляжу, гляжу — ничего не вижу. Десять километров проехал — тогда увидел. Вот дальновидные глаза у казахов! А все равно заблудиться легко, если дорогу не знаешь. Один казах целый месяц заблудился!..

Наш голубой фургон ехал быстро и почему-то забирал к востоку. Пустыня была здесь более суровой на вид, более голой. Приблизительно через час среди ровной поверхности ни с того ни с сего показались два бугорка. Мы направились к ним. Вскоре стало ясно, что один из бугров — самая настоящая круглая юрта из шкур, другой — стог сена. Розамат остановил фургон, вышел из кабины, уверенно направился в юрту и вынес целый бидон свежего прохладного айрана — кислого молока с водой. Следом за ним из темного проема юрты вышла женщина-казашка и, загоразиваясь ладонью от солн-

ца, с улыбкой смотрела, как мы пьем. Розамат взирал на нас с гордостью: он, оказывается, специально сделал крюк на восток чтобы напоить нас айраном.

Отведав айрана, мы поехали дальше и через некоторое время приблизились к двум большим холмам. На одном из холмов виднелись большие камни. Мы все вылезли из машины, взобрались на холм и принялись переворачивать камни в поисках скорпионов и многоножек для фотографии. Многоножки по-узбекски называются «мингуёк», что значит «тысяча ног». Мы ворочали камни, состязаясь в силе, но, кроме еще одного скорпиончика-баласы, так ничего и не нашли. Я понимаю, что надо было не ворочать камни, а просто сесть отдохнуть. Тут бы уж наверняка какое-нибудь ядовитое паукообразное оказалось под нами...

У колодца Кырк-Кудук, куда Розамат привез нас уверенно, хотя и ехал другой дорогой, пастухи поили отару овец. По очереди, небольшими партиями, овцы организованно подходили к бетонному бассейну колодца и дружно пили, пока другие в ожидании нервно топтались на месте и сдержанно вполголоса блеяли. Главный пастух, пожилой казах с выцветшими глазами и лучистыми морщинками вокруг них, прекрасно говорил по-русски и на мой вопрос о скорпионах и каракуртах сказал, что их здесь хватает, и добавил, что его самого кусал каракурт.

— Днем было, — рассказывал он. — Пришел я, отдохнуть прилег на землю. Задремал будто! Потом чувствую, кто-то в шею сзади меня укусил, комарик вроде. По шее хлопнул, раздавил, опять дремать хочу. Потом как меня кто толкнул — посмотреть, кого же это я раздавил. Смотрю — каракурт, шайтан! Вскочил я, кричу мальчишке: «Меня каракурт кусал, езжай за доктором!» А сам — мочиться скорей. Тут главное помочиться, потому что через десять минут уже ничего не получится, все парализует. Ой, а потом началось... Внутри все сдавило, пить хочется, тоска такая, и в глазах темно. Ногой двинуть не могу, живот болит, лежу на земле и маюсь. И так страшно, вот-вот умру, думаю, умираю уже. Доктор приехал, отвезли меня в город, сыворотку кололи, потом в больницу лежал. Пиво пил. Много пива. Не хочется, а надо. Чтобы яд вышел. Через месяц выписали, еще месяц у себя дома лежал, опять пиво пил. Потом ничего. Шея еще долго болела, а так ничего.

— Спичкой прижечь надо было, — сказал я. — Про спичку не знали?

— Теперь знаем, а тогда не знали. Теперь все спички носим.

Солнце пекло немилосердно, овцы толпились и блеяли, вокруг расстилалась пустыня, казах рассказывал, как его кусал каракурт, а на северо-западе возникли два тонких высоких столбика и двигались к нам. Смерчи. Один быстро рассеялся, а другой набирал силу, рос в высоту, распухал и двигался все быстрее. Недалеко от нас ветер тоже завивал маленькие столбики, но они, конечно, не шли ни в какое сравнение с тем. Я вспомнил то, что читал когда-то об ураганах, торнадо, смерчах и самуме... Похоже, что на прощанье пустыня делала нам представление, намекая на то, что хотя мы и жили на Сырдарье без особенных приключений и никто нас не укусил, но все же здесь может случиться всякое...

Смерч был не очень велик, даже я, неопытный, понял, что он не слишком велик, тем более что ветер все же несильный, да и небо ясное, не предвидится, вероятно, ничего особо тревожного. Когда он был метрах в ста, ясно стало, что поперечник его — метров десять, а высота раз в пять больше. Он приблизился и прошел метрах

в пятнадцать от нас, едва не задев краем машину. Сухая глина, пыль, песок, какие-то щепки и мусор вращались с огромной скоростью, образуя мутные, полупрозрачные стенки живой, слегка изгибающейся вертикальной трубы — она прошла рядом с нами, а мы стояли в тишине, почти безветрии, и хотелось подойти к живой трубе и потрогать. Она миновала нас, быстро ушла на восток, скрылась за невысоким холмом.

Мы поехали дальше, опять другой дорогой, и на горизонте увидели озеро. Это было поразительно — сверкающее под солнцем озеро посреди пустыни, причем пустыни опять суровой и голой, местами даже совсем сухой и растресканной. В первую минуту я подумал, что это мираж, но мы приближались, а озеро не пропадало, наоборот, оно росло, и даже видна стала какая-то чахлая растительность на его берегах. Вот оно уже совсем выросло, мы были метрах в трехстах, и я заметил, что поверхность его неподвижная и что-то уж слишком блестит, как ледяная. И еще я заметил, что недалеко от озера — три верблюда. Два стоят величаво, один лежит. Ясно было уже, что не к озеру мы подъезжаем — к солончаку, что ни в нем, ни вокруг нет воды — все высушено и выжжено, а растительность, скорее всего, мертва, и тем более непонятно было, почему здесь верблюды. Розамат гнал быстро, прямо к солончаку, видимо, хотел как следует убедиться, а может быть, нам показать вблизи; он ехал как будто бы прямо на верблюдов, желая, как видно, напугать их. Я представляю себе, каким шумным, беспокойным, совершенно неуместным явлением в ослепительной пустоте дня предстал перед верблюдами наш голубой фургон. Но они проигнорировали нас. Они облили презрением нашу неуместную, назойливую суетливость. Два из них вели себя так, будто нас и не было, — они не пошевелились. И только один — тот, что, вероятно, считал себя вожаком, — только он позволил себе лишь один раз величаво и медленно повернуть свою гордую голову в нашу сторону. Спокойно, с достоинством посмотреть на нас. И отвернуться.

Не знаю почему, но картина эта показалась мне чрезвычайно значительной. Я стоял в пыльном фургоне, держась за ходящие ходуном стенки, ощущая, как едкая, горькая пыль набивается в ноздри, горло, в уши, глаза, понимая, что вспыхнувшая было надежда искупаться оказалась действительно миражом, а солнце печет так, что, кажется, сил уже больше нет терпеть, и вообще неизвестно, когда мы доберемся до дома. В памяти живо было воспоминание о казахской юрте, о пастухе, которого укусил каракурт, о колодце, овцах, о смерче. И теперь — это «озеро», голая пустыня вокруг и верблюжий взгляд, полный достоинства.

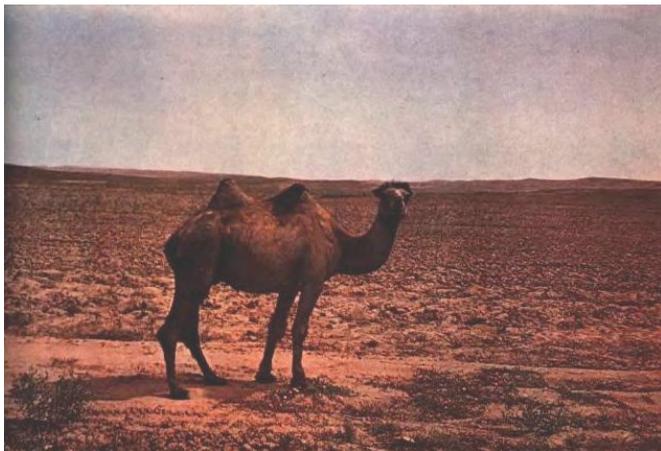
Царство духа среди голой, прокаленной солнцем равнины.

Вспомнились индийские йоги, факиры, заклинатели змей, бедуины. Племя тубу, кочующее всю жизнь на раскаленных плоскогорьях под солнцем...

И вот тут, в который уж раз в своей жизни, подумал я, что путешествия — это очень важно. Это, может быть, самое важное. Скажите, где еще вы сможете увидеть — не только увидеть, прочувствовать! — такой вот полный достоинства и силы духа взгляд посреди мертвой равнины?! Не в кино, не на экране телевизора, не в чьем-то рассказе, не во сне, а в самой реальной действительности.

Много путешествий было уже в моей жизни, но я хочу, чтобы их было еще больше. Я думаю, что когда-нибудь обязательно куплю выносливую машину — какой-нибудь бывалый «газик» — и покачу по нашей прекрасной земле куда глаза глядят. Что может быть интересней, чем странствия, чем бесконечное узнавание нового, попытка понять, изучить?..

Да ведь и сама наша жизнь, если подумать, — это ведь не что иное как непрестанное, непрекращающееся путешествие. До самого конца.

Оглавление

Часть 1. ФЕРУЛА И ЭРЕМУРУС.....	1
Письма, телеграммы.....	1
Знойный Ташкент.....	7
Утро с цветами.....	16
Синяя птица.....	29
Гости.....	32
Лес, которому 50 миллионов лет.....	36
Рассуждение о любви.....	41
Ромерия, анхуза итальянская, астрагал, ослы, жуки.....	45
Прощание с западным Тянь-Шанем.....	56
Ожидание.....	59
Часть II. ЛУНА НАД ПУСТЫНЕЙ.....	62
Дорога.....	62
Визитная карточка участников экспедиции.....	71
Тугай.....	73
Сувениры пустыни.....	80
Печальные песни и музыка.....	83
В дебрях солодки.....	87
Фаланга.....	99
Коварный отряд.....	105
Солнце на крыльях.....	109
Эмпуза.....	116
Трудовые будни биологов.....	119
Вечерние страхи.....	130
О чём рыдали шакалы.....	139
Мы уезжаем.....	146